

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- Вывести партию из подполья
- Кому платить за перестройку?
- Нравственность как основа экономики
- Совместное предприятие по изготовлению котлет
- Дальше некуда
- Третья сверхдержава
- По обе стороны Иордана
- Овес растет по Гегелю
- Исторический детерминизм и воля к власти
- Постаревшие Барбудос
- Революция из запасников
- Московские авангардисты
- Диалог Айрис Мердок
- Четвертая Толстая

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов.</i> Между словом и делом	15
Вести из СССР	28
<i>Г.Попов.</i> Дать взятку Госплану	35
<i>М.Молоствов.</i> От догматизма к новому мышлению	50
<i>Дж.Киркпатрик.</i> Язык обмана	66
Из журналов	73
<i>Р.Шапиро.</i> Куда уж дальше	74
<i>Т.Шульц.</i> Фидель	85
<i>Х.Лопес.</i> Возврат к "нравственной экономике"	94
<i>Е.Барабанов.</i> Московский авангард. Взгляд из 1988 года	101
<i>И.Левкова-Ламм.</i> Искусство гласности или танталовы муки?	119
<i>Э.Гомберг.</i> "Искусство и революция"	128
<i>Айрис Мердок.</i> Акаст, или искусство и Эрос	134
<i>Е.Гессен.</i> Под сенью золотого крыльца	145
<i>В.Рудич.</i> Текст жизни и текст искусства	152
<i>Б.Х.</i> Русская литература от "А" до "Я"	155
<i>А.Великанова.</i> Логика воображения и необходимость свободы	156
Письма в редакцию	160

В номере 160 страниц

Das Land und die Welt e.V.
 Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
 Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603
 Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
 Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

Пятый год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К ЕДИНСТВУ

Число 1992 начинает приобретать магический смысл для европейцев, да и не только для них. К концу 1992 года должны окончательно рухнуть границы между двенадцатью западноевропейскими странами, и мечта многих поколений европейцев о единой Европе станет реальностью. Факт этот настолько значителен, его последствия столь важны для многих миллионов людей на континенте и во всем мире, что он, естественно, вызывает бурную и порой противоречивую реакцию в политическом мире и в мире бизнеса, в кругах интеллигенции и среди простых людей. О нем не перестают писать и говорить средства массовой информации западного мира.

Как возникло и на чем зиждется европейское единство? Каким образом, казалось бы, утопическая идея единой Европы превращается в реальность?

Формально рождение Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) относят к 1957 г., когда шесть стран — Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург — подписали в Риме договор об образовании Общего рынка, внутри которого "люди, товары, услуги и капиталы могли бы передвигаться, не встречая преград". Договор оставлял двери Сообщества от-

крытыми и для других европейских стран. Римский Договор и тем более само здание европейского единства не были делом рук одних лишь политических лидеров. Те, кто провозгласил создание Европейского Сообщества и заложил первые камни в его фундамент, выполняли волю народов Европы, переживших ужасы Второй мировой войны и осознавших, что борьба за экономическое и политическое господство не должна больше иметь места на континенте. Но чтобы перейти от соперничества к сотрудничеству, необходимо было основательно перестроить политические и экономические отношения между европейскими странами. Следует отдать должное политическим лидерам Европы того времени, оказавшимся на высоте требований своих народов. Они не выступали с революционными идеями, не выдвигали лозунгов, никого не призывали и не увещевали. Наоборот, их деятельность выглядела рутинной, а цели — сугубо прагматическими. Так, главной целью Римского Договора было отнюдь не провозглашение "Европы без границ", а всего лишь... отмена таможенных тарифов между странами-участницами, которая должна была завершиться в течение 12 лет.

Нелегко был путь к европейскому единству. Особенности трудностей Европейское Сообщество испытывало всякий раз, когда дело касалось приема новых членов. В 1963 г. президент Франции де Голль блокировал прием в Сообщество Великобритании. Дании, Норвегии и Ирландии. Великобритания вызывала особое недоверие на континенте. Тот факт, что она продолжала играть важную роль в Британском Содружестве наций, вызывал подозрение, что бывшая "влады-

чица морей” будет претендовать на лидерство и в Сообществе. Особые отношения Великобритании с США также настораживали европейцев, а кое-кто прямо говорил, что Британия будет ”тройным конем” Соединенных Штатов в ЕЭС. Понадобилось десять лет упорной работы и взаимных компромиссов, чтобы в 1973 г. Великобритания, Ирландия и Дания стали наконец полноправными членами Сообщества. Норвегия после проведенного в стране референдума от вступления в ЕЭС отказалась.

Не меньшего труда и взаимных уступок потребовалось для того, чтобы к Сообществу смогли присоединиться Греция (1981 г.), а затем Испания и Португалия (1986 г.). В 1987 г. подала просьбу о вступлении в Сообщество и Турция (и отнюдь не европейская страна Марокко).

Много барьеров пришлось преодолеть и на пути к соглашениям о координации аграрной политики, о единой валютной системе, о согласованной региональной и социальной политике стран – участниц Сообщества.

Но если о трудностях и проблемах Европейского Экономического Сообщества писалось и говорилось очень много, то его достижения часто воспринимаются как нечто само собою разумеющееся. О них нечасто можно прочесть в газете или узнать из телевизионного репортажа. Впрочем, прежде чем говорить об успехах на пути к единству, посмотрим, что же фактически представляет собой Европейское Экономическое Сообщество.

ЕЭС – это добровольный союз двенадцати стран с общим населением 323 миллиона человек. Главным рабочим органом Сообщества – Комиссия ЕЭС, постоянно действующая организация, штаб-квартира которой находится в Брюсселе. Возглавляют Комиссию поочередно, сроком на один год, министры иностранных дел стран-участниц. Основная цель Комиссии – обеспечивать выполнение положений Римского Договора, формулировать рекомендации для быстрого достижения целей Сообщества, следить за работой различных институтов ЕЭС.

Главным директивным органом ЕЭС является Европейский Совет. В него входят главы государств или правительств стран – членов Сообщества, которые собираются три раза в год в одной из столиц этих стран для координации политических курсов в наиболее важных вопросах европейского единства.

В Брюсселе постоянно действует Совет министров ЕЭС. В него входят по 10 представителей от Франции, Италии, Великобритании и ФРГ, 8 – от Испании, по 5 – от Бельгии, Голландии и Греции, 3 – от Ирландии и 2 – от Люксембурга. Ре-

шения принимаются большинством голосов – 54 голоса из 76. Задача Совета министров – координировать основные направления экономической политики стран-участниц и принимать решения, необходимые для претворения в жизнь положений Римского Договора.

В столице Люксембурга заседает Европейский парламент, в котором представлены 518 делегатов от всех стран-участниц. Депутаты избираются прямым и тайным голосованием, причем ФРГ, Франция, Италия и Великобритания посылают в парламент по 81 делегату, Испания – 60, Нидерланды – 25, Португалия и Греция – по 24, Дания – 16, Ирландия – 15, Люксембург – 6. Парламентские фракции образуются на политической, а не на национальной основе.

В 1986 г., например, еще до вступления в ЕЭС Испании и Португалии, места в Европейском парламенте распределялись следующим образом: социалисты – 125 мест; европейская народная партия (христианские демократы) – 117; европейские демократы – 63; коммунисты – 48; либералы и демократы – 38; прогрессивные демократы – 22; независимые – 21.

У Европейского Сообщества свой суд, свой инвестиционный банк, всевозможные фонды и специализированные учреждения.

Конструкция Европейского Сообщества кажется на первый взгляд слишком громоздкой, обремененной системой дублирования при принятии решений и неоправданно раздутым бюрократическим аппаратом. И это действительно так. Тем не менее ”излишества” конструкции обеспечивают одновременно и ее устойчивость. Руководители стран Сообщества, равно как и рядовые граждане, уверены в том, что органы ЕЭС не примут ни одного решения, которое противоречило бы интересам хотя бы одной из стран-участниц, а исполнительные органы не смогут исказить принятое решение в пользу (или во вред) ни одной из стран.

Каковы же конкретные достижения ЕЭС? Прежде всего следует отметить, что ЕЭС сумело принять и сделать своей органической частью шесть новых и очень разных стран. Странам – членам ЕЭС удалось решить один из сложнейших и болезненных вопросов – им удалось выработать общую аграрную политику, то есть согласовать квоты на производство сельскохозяйственной продукции и утвердить общий план финансирования ее производства. Была решена и возникшая вслед за тем проблема хранения излишков этой продукции. Все это означает, что сегодня более 12 миллионов европейских крестьян, быть может, впервые в истории могут быть уверены в завтрашнем дне.

ЕЭС удалось добиться значительного снижения (а то и отмены) таможенных барьеров между странами Сообщества и согласовать квоты на производство многих видов продукции. Создана общая валюта – эю (в 1987 г. эю был приблизительно равен американскому доллару). Существенно облегчено перемещение капиталов внутри ЕЭС, упрощены финансовые операции между фирмами разных стран Сообщества. Совсем недавно был принят общий план борьбы с безработицей. Все это способствовало устойчивому росту экономики стран Сообщества.

Даже в политической сфере удалось добиться определенных успехов. Страны Сообщества согласились на введение единого европейского паспорта и добились того, что пересечение границ перестало быть проблемой для их граждан – виз для этого не требуется. Странам – членам ЕЭС все чаще удается добиваться согласованности в вопросах внешней политики, хотя, как правило, кто-то всегда имеет "особое мнение". Так, Англия возражает против бойкота ЮАР, а Греция не согласилась осудить Сирию за поддержку международного терроризма.

Конечно, было бы ошибкой считать, что путь к объединенной Европе усеян розами. Каждый новый шаг европейцев на пути к единству сопряжен с новыми трудностями. По-прежнему чрезвычайно остро стоит проблема безработицы, особенно среди молодежи, чувствуется разрыв в уровне жизни "между Севером и Югом" внутри Сообщества, время от времени возникают споры по вопросам внешней политики, бюджета, финансирования тех или иных программ.

Однако в целом успехи ЕЭС создали новую атмосферу в Западной Европе. Налицо политическая стабильность и устойчивый рост экономики. Западная Европа обрела уверенность в своих силах, вес и влияние на международной арене. Население почувствовало реальную выгоду меж-европейского сотрудничества, что, в сущности, и является той "солидарностью de facto", о которой в свое время говорил Робер Шуман.

Ко второй половине 80-х годов в ЕЭС сложилась новая ситуация. Римский Договор практически исчерпал себя, его основные цели были достигнуты. Нужно было сделать новый шаг, перейти на более высокую ступень на пути к "Европе без границ". В то же время упрочившаяся "солидарность de facto" позволяла сделать такой шаг.

И он был сделан. В июне 1985 г. главы государств и правительства, собравшиеся в Милане на очередное заседание Европейского Совета, одобрили программу Комиссии ЕЭС, предусматривавшую создание единого рынка Сообщества

к 1992 г. Цель программы – полностью ликвидировать барьеры между национальными рынками стран Сообщества. В программе содержатся детально разработанные рекомендации по упразднению таможенно-контрольных служб на "внутренних" границах этих стран, по устранению налоговых барьеров, по созданию единого рынка государственных заказов и по многим другим вопросам.

Столь грандиозная задача требовала пересмотра Римского Договора, и главы государств и правительств договорились о созыве межправительственной конференции на уровне министров иностранных дел, которая должна была выработать предложения по изменению Римского Договора. Участники конференции, состоявшейся в Милане в сентябре-декабре 1986 г., обсудили многочисленные предложения Комиссии и согласовали текст нового документа – Единого Европейского Акта, который был подписан всеми двенадцатью странами в феврале 1987 г. и затем ратифицирован национальными парламентами стран ЕЭС.

Итак, новый программный документ, на базе которого в 1992 г. должна будет возникнуть "Европа без границ", вступил в силу.

Что представляет собой Единый Европейский Акт, как мыслят себе объединенную Европу его создатели, насколько реалистичны их цели?

Прежде всего Акт предусматривает расширение сферы действия Римского Договора. Отныне его действие распространяется и на валютные отношения, технологию, стандартизацию, научные исследования, охрану окружающей среды, транспорт, связь и т.д. Акт ставит новые задачи в "старых" областях сотрудничества. Окончательной целью является создание единого финансового и экономического союза.

Кроме того, Акт вносит изменения в "процессуальные" статьи Римского Договора. Расширяется круг проблем, по которым решения могут быть приняты не единогласно, а "квалифицированным большинством". (Принцип единогласия сохраняется при решении проблем, имеющих жизненно важное значение для той или иной страны.) Проект Договора о политическом сотрудничестве является отдельной частью Акта, не связанной с Римским Договором. Проект предусматривает разработку странами ЕЭС общеевропейской внешней политики. А это, в свою очередь, означает выработку новых целей, общей стратегии по важнейшим внешнеполитическим вопросам – выступление с общих позиций в международных организациях и на международных форумах, координацию дипломатии государств – членов ЕЭС в третьих странах.

Единый Европейский Акт придает большое значение сотрудничеству стран ЕЭС в сфере передовой технологии. Следуя положениям Акта, Европейский Совет утвердил семь долгосрочных программ научных исследований в области информационной техники, управляемого термоядерного синтеза, возобновляемых источников энергии, биотехнологии и др. Принципиальное одобрение Совета получил грандиозный план "Эврика", направленный на создание европейской микроэлектронной техники и европейской ЭВМ следующего поколения.

Акт неслучайно делает упор на сотрудничество в области технологии, унификации стандартов, транспорта, средств связи и обслуживания. В Европе понимают, что в ближайшем будущем основным тормозом на пути к единству будут именно технические, а не политические или финансовые барьеры.

Какой видят Европу 1992 г. авторы Единого Европейского Акта? Возьмем всего лишь одну область – промышленное производство. Предполагается, что совокупность мер в сфере экономики, финансов, технологии и социального обслуживания приведет к созданию европейских предприятий очень крупного масштаба. Специализация производства в странах-участниках, то есть упор на то, что каждая из них делает лучше, позволит экономить значительные материальные и трудовые ресурсы. Крупномасштабные европейские предприятия будут работать по собственной технологии и будут ориентированы на собственный огромный рынок сбыта. Они будут минимально зависеть (или не будут зависеть вообще) от потребителей или поставщиков вне ЕЭС. Если к этому добавить, что эти предприятия будут защищены на собственном рынке от "внеевропейских" конкурентов не только таможенными барьерами, но и европейскими стандартами, нетрудно поверить утверждениям экономистов и политических деятелей о том, что к 1992 г. производство на едином рынке Европы резко возрастет и будут созданы миллионы новых рабочих мест. Цены же на европейскую продукцию снизятся, и уровень жизни граждан ЕЭС возрастет.

Шансы на то, что в 1992 г. на свет появится новый экономический гигант, соизмеримый по мощи и масштабам с американским и японским, расцениваются как вполне реальные не только экономистами и политиками, но и бизнесменами. Крупные и средние предприниматели, руководители отдельных фирм и корпораций стремятся уже сегодня утвердиться на европейских рынках, занять выгодные позиции в ожидании того момента, когда окончательно рухнут барьеры между странами ЕЭС.

Немало энергии, энтузиазма и изобретательности проявляют американские и японские компании, чтобы тем или иным способом утвердиться на едином европейском рынке еще до того, как двери перед "посторонними" будут захлопнуты.

Ну, а что принесет 1992 г. рядовому европейцу, его жене и детям?

Вот как видит "европейскую мечту" журнал "Economist": "...они смогут учиться в колледжах, работать или уйти на пенсию в любой европейской стране по собственному выбору. Они смогут путешествовать по континенту без необходимости всюду предъявлять паспорта. Они смогут хранить свои сбережения в одной из наиболее "сильных" европейских валют..."

Большая конкуренция на всех уровнях единого рынка даст больший выбор товаров и услуг при доступных ценах. Гарантии на обслуживание и ремонт будут действительны на территории всех стран Сообщества. Часы, пылесосы или автомобили можно будет отремонтировать по общеевропейской гарантии в любой из стран Сообщества, даже если они были куплены в другой стране.

Специалисты окажутся в очень выгодном положении – они смогут работать в любой из стран Сообщества, если, конечно, овладеют языком этой страны. В этом году, возможно, будет заключено соглашение об унифицировании профессиональной квалификации и образования. Подобное соглашение уже существует, но пока оно распространяется только на врачей, дантистов, фармацевтов, акушеров и архитекторов. Но бухгалтеру, который захочет работать в другой стране Сообщества, сегодня пришлось бы потратить 50 лет для того, чтобы этого добиться.

Студенты смогут учиться в любом университете любой из стран ЕЭС, и их дипломы будут признаваться во всех 12 странах.

Никто, конечно, не сможет в законодательном порядке упразднить языковые барьеры. Ни один из девяти языков, на которых говорят в Сообществе, не прекратит существования в 1992 г."

Что ж, и граждане, и руководители стран – членов Сообщества знают, чего добиваются. Даже если создание единого рынка – "Европы без границ" – потребует больше четырех лет, цель эта стоит того, чтобы приложить максимум усилий для ее достижения.

А как относятся страны, не входящие в Сообщество, к планам единого европейского рынка?

Европейские страны – Швейцария, Швеция, Австрия, не вошедшие в ЕЭС потому, что не могут нарушить статус нейтральных стран, и Норве-

гия, в свое время посчитавшая, что вступление в ЕЭС для нее невыгодно, не на шутку встревожены. Комиссия Европейского Сообщества еще при составлении проекта на 1992 г. заявила, что от этого проекта выигрывают в основном фирмы стран ЕЭС, а не аутсайдеры. Комиссия хочет, чтобы Европа, в конечном счете, смогла конкурировать на равных с Америкой и Японией на мировом рынке. Фирмам стран ЕЭС будет отдаваться предпочтение при заключении контрактов в общественном секторе. Предприниматели в странах – членах ЕЭС будут получать из Брюсселя общеевропейскую валюту на инвестиции и исследования. Им будет принадлежать первое слово в выработке новых промышленных стандартов в ЕЭС. На импорт в Сообщество будут налагаться ограничения.

С пристальным вниманием и изрядной долей озабоченности следят за становлением "Европы без границ" в США. С одной стороны, американцы приветствуют рождение единого рынка, понимая, что это приведет к росту производства, уменьшит безработицу и повысит жизненный уровень европейской населения. Однако в Америке решительно возражают против тенденций превратить "Европу без границ" в зону, закрытую для конкуренции. Американцы считают, что если новый европейский промышленный гигант нагло захочет свои рынки для конкурентов, это нанесет тяжелый удар по всей мировой торговле. Более того, без конкуренции и сами европейские производители утратят стимул к совершенствованию производства, к удешевлению продукции и, в конце концов, лишатся той стабильности и благополучия, ради которых они и строят сегодня "Европу без границ".

"Нас настораживают заявления, исходящие из Брюсселя, в которых говорится, что ЕЭС будет избегать сотрудничества с другими странами по мере того, как устраняются внутренние барьеры. Образование единого рынка, открытого исключительно для европейцев, нанесет вред Европе, и Соединенным Штатам, и мировой экономике в целом", – так сформулировал американские опасения заместитель министра финансов США Питер Макферсон.

И все же многолетний опыт взаимодействия партнеров и конкурентов в Америке, Европе и Японии позволяет надеяться, что они сумеют найти взаимоприемлемые решения проблем, которые ставит перед ними 1992 г.

Но и после этого самая главная европейская проблема не будет еще решена. Восточная граница Европы проходит отнюдь не по Эльбе и даже не по Дунаю, а вдоль Уральского хребта. Пропасть, разделяющая Восток и Запад Евро-

пы, – вот главная угроза миру и стабильности на континенте. Угроза эта заставляет западно-европейцев тратить огромные средства на оборону, держать на своей территории американские войска, считаться с проблемой беженцев с Востока. Раскол Европы привел к тому, что рынки и ресурсы обеих ее частей закрыты друг от друга. Не приходится сомневаться, что без преодоления глубокого и трагического раскола невозможно добиться подлинной безопасности, стабильности и благополучия на континенте.

Рано или поздно отношения с восточной частью континента станут главной заботой западноевропейцев. Можно, конечно, создать себе остров изобилия, но как долго удастся на нем укрываться? Недавно ЕЭС и СЭВ официально признали друг друга и установили между собою дипломатические отношения. Хочется думать, что это первый шаг к дальнейшему расширению Европы. Увы, главные проблемы лежат тут не в области дипломатии. Советский Союз и восточноевропейские страны должны прежде всего настолько преобразовать и поднять свою экономику, чтобы их сотрудничество с "Европой" было реальным и эффективным, а не пустой формальностью. Перспективы этого пока не просматриваются и в отдаленном будущем. Вот почему, в частности, на Западе очень внимательно следят, в каком направлении и с какой скоростью движется "перестройка". ●

УПАСТЬ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬСЯ?

Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Алессандро Натта в мае был помещен в больницу в Перудже. У него инфаркт. Врачи отказываются делать какие-либо прогнозы, состояние Натты продолжает оставаться серьезным.

Примерно в том же состоянии находится и партия, которой до недавнего времени Натта руководил. Роль инфаркта в данном случае сыграла майские местные выборы, на которых коммунисты потеряли большое количество избирателей. Они набрали всего 21,9% голосов. Результат этот кажется значительным, но еще в прошлом году цифра эта была почти на 5% больше (26,6%), а в далеком 1976 г. коммунисты собрали целых 34,4% и имели все шансы вскоре опередить христианских демократов, став итальянской политической партией № 1. Не стали.

Большие потери понесла партия даже в знаменитом "красном поясе" на севере Италии – в Равенне, Сиене, Гросето. Двадцать лет назад

коммунисты контролировали почти все крупнейшие итальянские города, включая Рим, Неаполь, Флоренцию и Турин. Сегодня – только Болонью. Количество членов партии с тех пор резко упало: с 1,8 до 1,5 миллиона. Тенденция к сокращению сохраняется.

На роль лидеров левых сил все более и более выдвигаются социалисты. В лучшие для коммунистов времена разрыв между ними и социалистами по проценту голосовавших за них избирателей составлял 25%. Пять лет назад разрыв сократился до 10,5%. Сейчас он составляет всего-навсего 3,6%. Именно социалисты получили на последних выборах большинство потерянных коммунистами голосов.

Главная причина падения роли коммунистов на политической сцене – постоянное и устойчивое улучшение экономической и социальной ситуации в стране. Компартия в Италии (и не только в Италии) всегда была прибежищем недовольных. Снижение недовольства означает и снижение поддержки коммунистов избирателями.

Это понимает и руководство ИКП. "Против чего, собственно, голосовать избирателям? – говорит член ЦК ИКП Джорджо Наполитано. – А нам приходится платить за то, что нас отождествляют с международным коммунизмом. И это несмотря на то, что ИКП старается себя вести как социалистическая и даже социал-демократическая партия".

ИКП действительно старается приспособиться к меняющейся ситуации. Все меньше и меньше она ориентируется на рабочих, все больше и больше – на растущий численно и политически средний класс. Даже "Unita", прославленная газета итальянских коммунистов, приобретает все более "буржуазный" вид: теперь в ней видное место занимают биржевые бюллетени. Но эта переориентировка, начатая еще при покойном Энрико Берлингуэре (см. "Страна и мир" № 6, 1984 г.), была сделана слишком поздно и проводилась недостаточно энергично.

Упадок компартии – не чисто итальянское, а всеевропейское явление. То же происходит и во Франции, где, например, на майских президентских выборах коммунистический кандидат Лажуани набрал всего 6,8% голосов – худший результат с 1920 г. Испанская компартия раскололась на множество мелких соперничающих фракций. Лишь в беднейшей стране Европы – Португалии коммунисты еще сохраняют свою политическую роль.

"ИКП должна бороться против угрозы полного исчезновения, – заявил один из ветеранов партии Лучано Лама. – Это вполне реальная

опасность". В этих невеселых обстоятельствах и ушел с поста генсека Алессандро Натта. На совместном заседании 21 июня ЦК и ЦКК ИКП его преемником был избран 52-летний Акилле Оккетто, бывший заместитель Натты. Из 286 голосов лишь три было подано против него (при пяти воздержавшихся).

Член партии с 1953 г., Оккетто долгое время был руководителем молодежной организации партии. В 1964 г. именно он был избран Берлингуэром, чтобы произнести прощальную речь на похоронах Пальмиро Тольятти. Речь произвела впечатление, но многие были смущены, когда, заканчивая ее, Оккетто перекрестился кулаком (странная амальгама христианства и коммунизма). В горячем 1968 г., году всеевропейских студенческих волнений, Оккетто видели на баррикадах, за что он и был послан впоследствии в Палермо (Сицилия) на роль первого секретаря провинциального отделения ИКП. Там "революционный дух" быстро выветрился из Оккетто.

В 1976 г. Берлингуэр вернул Оккетто в Рим, где он быстро завоевал себе прочную репутацию централиста, которой он пользуется и по сей день. В прошлом году в борьбе за пост заместителя Натты Оккетто переиграл как сталинистов, так и либералов в партии. Его главный соперник в руководстве – Джорджо Наполитано, которого считают чуть ли не социал-демократом.

Оккетто заявил по приходе к власти, что партия находится в кризисе, но протестовал против выражений "упадок" или "крах". Ему еще предстоит сформулировать политику партии по многим животрепещущим вопросам внутренней политики, таким, как дефицит бюджета и реформа образования. По вопросам внешней политики в партии сейчас особых споров нет: после решения о выводе войск из Афганистана и Вашингтонского соглашения о ракетах произошло некоторое сближение позиций ИКТ и КПСС.

Перед Оккетто стоит трудная задача примирения борющихся внутри партии фракций – от сталинистов до либералов. Но, конечно, главная его проблема – остановить падение авторитета партии в стране. Как это сделать – пока не ясно.

Коммунистам так и не удалось добиться той желанной цели, к которой они стремились десятилетиями, – войти в коалиционное правительство левых партий. Социалисты регулярно отклоняли предложение о сотрудничестве, опасаясь того, что более сильный партнер – ИКП отеснит их в коалиции на второй план. Сейчас положение стало меняться. Не исключено, что если социалисты станут партией № 1, лидер ИСП Беттино Кракси согласится допустить коммунистов в кабинет – под своим руководством. Но

для этого коммунистам надо действительно перейти на второе место. Как ни парадоксально, для того, чтобы получить вожеленную долю власти, ИКП необходимо оттолкнуть от себя еще более значительную долю избирателей. Упасть, чтобы подняться. ●

ТРЕВОГИ АФОНА

На севере Греции, на самом восточном из трех выступов полуострова Халкидики, находится гора Афон, по-гречески Айон-Орос (Святая гора), — единственная в мире автономная теократическая "республика" православных монахов. Республика невелика — всего 50 км в длину, а в ширину — максимум 10 км. Собственно гора Афон (2 км высоты) круто вздымается над морем на южной оконечности выступа. Единственный город здесь и столица республики — Карие. Остальное население — православные монахи — живет в 20 монастырях и скитах, по размеру иногда превосходящих монастыри, к которым они принадлежат.

Хотя первые монахи поселились на Афоне еще до 850 г., организованная монастырская жизнь началась здесь в 963 г., когда св. Афанасий с помощью византийского императора Никифора II Фоки основал здесь первый монастырь, "Великую Лавру" ("Мегис Лавра"). Первая "конституция" ("Типикон") была дана Афону императором Иоанном I Цимисхием. В 1060 г. был принят и поныне действующий закон, запрещающий доступ на Святую гору женщинам и даже ввоз самок животных.

В XI в. на Афоне было построено еще несколько монастырей. Благодаря поддержке России и ряда других славянских государств, Афон стал средоточием православного монашества всех толков, не только греческого. К началу XV в. здесь было основано уже 19 из ныне 20 существующих монастырей. Последний монастырь, Ставреникита, был основан в 1542 г.

После захвата Салоник турками в 1430 г. монахи попали под владычество Османской империи, что привело к быстрому упадку и обнищанию монастырей. Но одновременно суровый монастырский режим под управлением игуменов сменился на более либеральный. Монахам было разрешено иметь личную собственность. Управление осуществлялось двумя ежегодно избираемыми уполномоченными ("эпитропой").

В качестве реакции на происшедшее в жизни монашеских общин перемены в XVI в. на Афоне стали возникать более консервативные скиты, поселения аскетов, группирующиеся вокруг церковей различных монастырей и подчиненные

последним. В 1783 г. патриарх Гавриил IV осуществил важные реформы монастырской жизни и дал Афону новую конституцию.

Во время Войны за независимость Греции (1821–1829) турки неоднократно грабили афонские монастыри. Были сожжены знаменитые монастырские библиотеки. Однако благосостояние Афона было вскоре восстановлено благодаря покровительству со стороны Российской империи.

Современная конституция Афона была создана в 1924 г. и вошла как составная часть в греческую конституцию 1927 г. Греческое правительство представлено на Афоне префектом, но действительная власть осуществляется "Святой общиной", избирающейся по системе представительства, разработанной еще в 1783 г. Заседает она в г. Карие. Она же представляет интересы Афона и перед внешним миром. Одиннадцать из 20 монастырей считаются консервативными, дисциплина и посты здесь строже, чем в других. Девять монастырей считаются либеральными. Кроме греческих, здесь есть русский, болгарский, румынский и др. православные монастыри. Высшая церковная юрисдикция над Афоном принадлежит Вселенскому Константинопольскому патриарху (в его титуле никогда не упоминается современное название города — Стамбул).

В последние годы положение афонского монашества серьезно осложнилось. Социалистическое правительство Греции, возглавляемое А. Папандреу, пытается подорвать европейский и вселенский статус Афона и его монастырей. В нарушение греческой Конституции и правовых норм Европейского Экономического Сообщества министерство иностранных дел Греции пытается всеми средствами подорвать автономию монашеских общин. В этом году над 32 монахами — румынами, сербами, болгарами и русскими — нависла прямая угроза выселения с Афона. Таков смысл неофициального распоряжения греческого министра иностранных дел и его заместителя Яниса Капсиса.

Эта угроза сопровождается ростом притеснений по отношению к православным паломникам негреческого происхождения. Для этого используется давнее правило, в свое время с благодарностью воспринятое монастырями, что ежедневно на Афон допускаются не более десяти туристов. Греческое правительство распространяет это правило и на православных паломников, едущих на Афон со всего мира, в том числе даже из Америки и Австралии. Например, в апреле этого года, через неделю после православного праздника Пасхи, было отказано в посещении Афона трем православным гражданам Западной Герма-

нии. Но если им и одному гражданину Австрии все же удалось добиться разрешения (благодаря активному вмешательству ряда афонских игуменов), то положение паломников и желающих стать монахами из стран Восточной и Южной Европы во много раз труднее.

Особенно резко положение ухудшилось к лету нынешнего года. Румынским монахам, в противоречии с конституцией, стали выдавать лишь временные виды на жительство. Из сербского монастыря Хиландар греческие власти намереваются выслать пятерых духовных лиц. Русским и болгарам запрещено принимать в свои монастыри новых насельников. В год тысячелетия Крещения Руси русские монахи монастыря св. Пантелеймона сообщили, что Церкви в Советском Союзе удалось (как и в 1987 г.) добиться от советских властей для будущих монахов около десятка разрешений на выезд в афонский монастырь. Однако этому воспрепятствовала Греция, отказавшая им во въездных визах! Правящая социалистическая партия ПАСОК опасается "славянизации" Афона. Министерство по делам Северной Греции, расположенное в Салониках, заявляет даже, что у него есть сведения о... тайных складах оружия в славянских монастырях на Афоне (!). Несмотря на протесты значительной части греческого населения, афинские социалисты упорно проводят планы отчуждения от Церкви ее земельной собственности, пытаясь тем самым лишить Афон его главного экономического богатства – леса.

Все это, в конечном счете, может привести к превращению одного из последних важных духовных центров Европы в туристский аттракцион. Архимандрит Максимос монастыря "Мегис Лавра" считает, что под османским владычеством Афон имел больше свободы, чем при правительстве Папандреу. Афон действительно жестоко грабили, но ни один османский властитель, следуя первоначально либеральной религиозной политике ислама, не осмеливался поставить под сомнение его автономию и свободу.

По сей день монашеские общины на Афоне представляют собой центр духовной жизни Православной Церкви в Европе. Афон оказал большое влияние на историю Церкви во всей Восточной Европе, а после 1917 г. – также в Западной Европе и Америке. По афонским монастырским правилам сегодня живут монахи как в сохранившихся православных монастырях в СССР, так и в мужском православном монастыре преп. Иова Почаевского в Мюнхене или в самом крупном монастыре Русской православной Церкви за границей – в Джорданвилле (США).

Сегодня в основе правового положения

Афонской республики лежат три международных договора, греческая конституция и специальное постановление ЕЭС. Все они грубо нарушаются греческим правительством. Греческое министерство иностранных дел использует в своих целях и Вселенского Константинопольского патриарха. Через Константинополь греческое правительство пытается побудить патриархов в Москве, Белграде, Бухаресте и Софии отозвать своих монахов со Святой горы. Эта попытка вряд ли увенчается успехом, но она свидетельствует о том, что осажденный Афон едва ли может надеяться на помощь Вселенского патриарха. Ведь Константинополь и в финансовом отношении зависит от греческого правительства.

Единственно от кого афонские монастыри могут ожидать поддержки – это европейская общественность и Европейский парламент. Ввиду усилившихся притеснений игумены всех афонских монастырей – и греческих, и негреческих – выступили в прошлом году в защиту Афона с общим протестом, ибо опасность, нависшая над негреческими монастырями, нарушает международно-правовое положение – а следовательно, и духовную атмосферу – всех монастырей.

Теперешний префект Афона. Апостолос Главинас, настроен к афонцам негреческого происхождения особенно враждебно. В самой бесцеремонной форме он постоянно вмешивается в дела румынского и славянских монастырей. Последний его шаг – отказ выдать разрешение на проведение неотложных ремонтных работ в сербском монастыре Хиландар. Тактика Главинаса просматривается очень четко: довести до запустения один из старейших монастырей на Афоне. Этому служит и недопущение на Афон новых сербских монахов.

В состоянии ли вообще греческое правительство держать под своим управлением Афон, уважая его уникальную духовную и историческую ценность? Может быть, не лишена смысла все чаще высказываемая идея – присвоить жителям Афона европейское гражданство?

Статья 62 Берлинского договора 1878 г., впервые подчеркивающая многонациональный характер полуострова, гласит: "Монахи на Афоне, который является также и их родиной, охраняют все свои прежние владения и привилегии и пользуются полным равенством во всех правах и привилегиях без исключения". Это положение было подтверждено и в Севрском договоре 1920 г., который обязал греческое правительство уважать права и свободы также и негреческих монастырей. Сегодня правовой основой самозащиты Афона является и статья 105 гречес-

ской конституции. В соответствии с ней каждый человек, желающий стать афонским монахом, после принятия в монастырь автоматически и "без всяких прочих формальностей получает греческое гражданство".

Государства-члены ЕЭС давно согласились с упомянутым выше ограничением доступа на Афон туристов, а также и с особым конституционно-правовым положением этой территории. Сознание, что исторически на Афон не может заявить исключительных претензий ни одна страна, растет, как растет и интерес к Афону, не только как к религиозному центру, но и как к образцу многонационального сообщества для всей Европы. По словам игумена греческого монастыря Ксеропотаму, Афон стал выдающимся примером религиозной и культурной терпимости. Игумен указал на большую ответственность Западной Европы в деле защиты Афона, ибо Церкви Болгарии, Румынии, России и Сербии – "стран социализма" – не в состоянии оказать поддержки православному Афону.

7 мая 1981 г. члены Европейского парламента приняли постановление об Афоне, в котором говорится, что "...сохранение и поддержка этого уникального монашеского сообщества является не только делом Греции, но и всего Европейского сообщества и всех культурных народов вообще; не только православных, но и всех христиан в целом". От активности мировой общественности зависит, наполнятся ли эти слова конкретным содержанием. ●

А. Сикоев

ПЕН-КЛУБ В ПОЛЬШЕ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Министр культуры Польши Кравчук заявил в последних числах июля о согласии польского правительства на возобновление работы ПЕН-клуба. Похоже, что польские писатели добились серьезного успеха в борьбе за творческую и профессиональную свободу. Впрочем, их победа имеет и другой, более широкий подтекст.

У польского ПЕН-клуба давние и богатые традиции. Он возник задолго до Второй мировой войны и объединял писателей разных направлений и школ. Внутри союза польских литераторов часто возникали трения, однако ни о каком

контроле или давлении на него со стороны правительства не могло быть и речи.

Работа польского ПЕН-клуба была прервана в годы нацистской оккупации. Кое-кто из писателей бежал из страны, многие активно боролись с фашизмом в рядах сопротивления, в армиях стран антигитлеровской коалиции.

В 1946 г. польский ПЕН-клуб возобновил работу и сразу стал одним из наиболее активных национальных объединений международного ПЕН-клуба. Главная тема польской литературы послевоенного периода – трагедия нации, пережитая в годы войны. Хотя на некоторые аспекты "польской трагедии", в которых замешан Советский Союз, было наложено табу, тем не менее правительство не запрещало польским писателям откровенно писать о событиях прошлого.

Но шли годы, затягивались старые раны. А между тем в живой, реальной Польше происходили важные события. Конфликт между трудящимися и властями перерастал в перманентную войну. Соперничество коммунистической партии и католической церкви за души поляков обострялось. Интеллигенты оказались перед трудным выбором – чью сторону занять? И вот тогда-то и сказалась зрелость польской интеллигенции. – она активно включилась в борьбу, но не на чьей-либо стороне, а в качестве самостоятельной, независимой общественной силы. Писатели и их творческий союз – ПЕН-клуб составили ударное ядро этой силы.

Конечно, в руководящих органах ПЕН-клуба еще оставались люди, которые стремились избежать конфликта с властями, которым было очень удобно плавать в "безопасных водах прошлого". Однако этим людям пришлось уйти со сцены. В недолгий период правления Станислава Кани прошли перевыборы правления ПЕН-клуба. Консерваторам и прямым ставленникам правительства пришлось уступить место новым людям, решительным сторонникам перемен. Польский ПЕН-клуб стал одним из главных центров новых идей, новых планов, одним из главных очагов сопротивления режиму.

Все это отлично понимали военные, пришедшие к власти в декабре 1981 г. Одним из первых распоряжений военных властей непосредственно после объявления военного положения была приостановлена деятельность ПЕН-клуба. В качестве условия возобновления его работы военные потребовали от писателей поддержать режим генерала Ярузельского. Писатели отвергли предложение военных. В ответ правительство отказалось признать вновь избранное руководство ПЕН-клуба и направило правительственных чиновников руководить творческим объединением

писателей. Писатели, в свою очередь, отказались признать власть чиновников и объявили о бойкоте "подконтрольного" ПЕН-клуба. В 1983 г. международный ПЕН-клуб объявил польский ПЕН-клуб "нефункциональным". Все последующие годы между писателями и правительством шла борьба.

Теперь, похоже, правительству пришлось уступить. ●

АЗИЯ

ИОРДАНИЯ БЕЗ ЗАПАДНОГО БЕРЕГА

О выступлении короля Хусейна по иорданскому телевидению было объявлено заранее. Иорданские официальные лица всячески старались подогреть интерес иностранных корреспондентов, намекая на то, что инициативы, о которых объявит король, будут иметь историческое значение, сравнимое разве что с визитом египетского президента Анвара Садата в Иерусалим в 1977 г.

И вот поздно вечером 31 июля король Хусейн появился на экране. Осторожный, как правило, избегающий говорить прямо и откровенно, он на этот раз без обиняков заявил, что "порывает юридические и административные связи с Западным берегом и расширяет дорогу Организации Освобождения Палестины (ООП) с тем, чтобы последняя заняла место Иордании и создала независимое палестинское государство". Ни о каких практических планах, ни о каких конкретных шагах, связанных с объявленным "разрывом", король не упоминал, за исключением того, что 21 тысяча служащих с Западного берега, получавших зарплату из казны Королевства, будет уволена.

Как отнеслись к заявлению Хусейна стороны, прямо и косвенно причастные к ближневосточному конфликту?

ООП безоговорочно приветствовала инициативу Хусейна, не упустив случая приписать себе заслугу в том, что вынудила короля пойти на этот шаг. Конечно, ООП еще предстоит нелегкие переговоры с Хусейном, на которых монарх вынужден будет расшифровать, что именно он имел в виду под словами "расчистить дорогу ООП". Не исключено, что ООП ждет разочарование, а ее лидеры еще пожалеют о том, что так горячо приветствовали инициативу Хусейна.

Реакция израильского политического истеблишмента однозначна: и левый блок – Маарах, и правый блок – Ликуд считают, что "старая лиса" Хусейн маневрирует, а его заявление – всего лишь тактический шаг, смысл которого, правда, они трактуют по-разному. Глава Маараха Шимон Перес, делающий ставку в вопросе о палестинцах на короля Хусейна, уверяет, что инициатива короля лишь подтвердила правоту его, Переса, позиции. Глава Ликуда Ицхак Шамир, принципиально отказавшийся от каких бы то ни было переговоров с Хусейном по вопросу о палестинцах, считает, что получил от короля неоценимый подарок перед предстоящими в ноябре выборами в Кнессет, – избиратель, дескать, сам теперь видит, кто был прав.

О реакции палестинцев с Западного берега судить сложно. Хотя они отнюдь не боятся высказывать свое мнение иностранным корреспондентам, в их высказываниях слишком уж много эмоций и слишком мало трезвой оценки ситуации. В целом все же создается впечатление, что старшее поколение палестинцев, особенно те, у кого есть давние и прочные связи с Амманом, пришли в уныние. Молодые, в первую очередь те, кто бросает камни и бутылки с зажигательной смесью в израильских солдат, ликуют, считая, что это они добились отказа Иордании от притязаний на Западный берег. Но и те, и другие считают, что разрыв с Иорданией – шаг в направлении создания независимого палестинского государства.

Политические деятели и пресса Соединенных Штатов – страны, давно и упорно добивающейся решения арабо-израильского конфликта, – неоднозначно оценивают шаг, предпринятый иорданским королем. Государственный секретарь Джордж Шульц, безусловно, разочарован. Ведь стержнем его последней мирной инициативы были переговоры Израиля с Иорданией, причем Иордания должна была бы, по замыслу Шульца, представлять на этих переговорах палестинцев. На словах Шульц заявляет, что Хусейн все еще остается потенциальным партнером в переговорах о мире на Ближнем Востоке. Но верит ли он этому в душе, известно только ему одному. Пресса в США, как всегда, разноголосо, но многие маститые политические обозреватели склонны относиться к заявлениям Хусейна серьезно. Они убеждены, что король действительно отказался от своих западных земель, и стараются предугадать, что произойдет с Западным берегом теперь, после того, как Хусейн вышел из игры.

В Советском Союзе, где перестройка пока что в минимальной степени коснулась внешней поли-

тики, продолжают видеть ситуацию на Ближнем Востоке в черно-белых тонах. Если фразу типа "Советский народ под руководством Коммунистической партии одержал..." сегодня в передовицах газет уже не встретишь, то в рубрике "За рубежом" всегда можно прочесть: "Палестинский народ под руководством Организации Освобождения Палестины одержал очередную победу"...

Итак, что же в действительности означает шаг, сделанный королем Хусейном? Очередной ли это маневр старого политического игрока или это поворотная точка в истории Ближнего Востока?

Обратимся к первоисточнику – к заявлению самого короля. "...Порываю юридические и административные связи с Западным берегом..." Что бы это могло значить?

Согласно Конституции Иорданского Хашимитского Королевства, действующей с 1952 г., Западный берег реки Иордан – часть территории страны. (Западный берег – часть бывшей подмандатной территории Палестины, захваченная дедом Хусейна, эмиром Абдаллахом, в 1948 г. во время войны с Израилем и официально включенная в состав Иордании в 1950 г.) Хусейн не сказал, что отказывается от территории Западного берега, да это и невозможно сделать, не изменив конституции страны. Хусейн уволил врачей, учителей, муниципальных служащих, хотя судьи религиозных судов будут по-прежнему получать зарплату от Иордании. Хусейн не лишил жителей Западного берега иорданских паспортов и заявил, что не собирается этого делать, обронив, однако, фразу о том, что больше не считает их гражданами своего Королевства. Хусейн закрыл было движение по мостам через реку Иордан, которые связывают Западный берег с Иорданией. День-два продолжалась паника, но потом мосты снова открылись, и тот же Хусейн заявил, что вовсе не собирается препятствовать передвижению людей из Иордании на Западный берег и обратно.

Все это, безусловно, свидетельствует в пользу израильской интерпретации инициативы иорданского монарха. Но если принять точку зрения Израйля, открывается необозримый простор для догадок. Чего именно добивается Хусейн? Хочет ли он показать американцам, в чьих именно руках находится ключ к решению ближневосточной проблемы? Желает ли он "приструнить" палестинцев с Западного берега, напоминая им, кто их настоящий хозяин, без защиты которого они совсем пропадут? Или он разочарован в своем потенциальном партнере по переговорам – Шимоне Пересе? Быть может, он решил, что у

Переса нет шансов занять кресло премьер-министра после ноябрьских выборов, и с ним нет смысла иметь дело и надо начинать какую-то другую игру? А не хочет ли Хусейн продемонстрировать арабским странам, давшим Организации Освобождения Палестины "мандат" на Западный берег, что не Арафат, а он, Хусейн, хозяин положения?

Ясно одно – король отнюдь не сжег за собой мосты: в любой момент "по просьбе" ли жителей Западного берега или "по решению" очередной межарабской конференции он с легкостью может забрать свои слова обратно и снова объявить себя хозяином и покровителем палестинцев с Западного берега.

Но не менее обоснованной кажется и точка зрения некоторых американских и западноевропейских обозревателей, считающих, что Хусейн действительно решил отказаться от Западного берега. На чем основано это мнение?

Король – самый решительный противник палестинского национализма. Если в Израиле, особенно до последнего времени, и говорили, что палестинского народа, дескать, не существует, для израильян этот вопрос сам по себе носит академический характер. По-настоящему серьезно их беспокоит проблема безопасности страны. В Израиле считают, что палестинское государство уже создано на большей части территории бывшей Палестины. Это государство – Иордания.

Другое дело – Хусейн. Его дед – эмир Абдаллах – еще в начале века потерпел поражение от эмира Сауда в борьбе за престол в Мекке и вынужден был бежать с немногочисленными приверженцами-бедуинами на север Аравийского полуострова. Англичане, дирижировавшие в то время событиями на Аравийском полуострове, решили не обижать главу Хашимитской династии и подарили Абдаллаху Заиорданье – большую часть Палестины, мандат на которую они получили от Лиги Наций после Первой мировой войны.

Для арабов же Палестины Абдаллах и его бедуины были такими же пришельцами, как и евреи из стран Восточной Европы.

После первой арабо-израильской войны и включения Западного берега в состав Иордании палестинцы составили более 80% населения страны. Но палестинцы были бедны и плохо организованы, Абдаллах же имел хорошо вооруженную и преданную ему гвардию и пользовался поддержкой Великобритани. Иорданскому монарху удалось удержать палестинцев под контролем. Однако его наследник – король Хусейн – всегда понимал, что главная опасность для него

исходит не от Израиля, а от палестинского национализма. Все годы своего правления он не переставал заявлять, что палестинского народа не было и нет и что все жители Иордании – его, и только его, подданные. Впрочем, Хусейн прибегал не только к словам. В сентябре 1970 г. – том самом “Черном сентябре” – солдаты короля жестоко расправились с палестинскими формированиями, верными ООП. Тысячи людей были убиты, остальные бежали (некоторые в Израиль!) или были выдворены из страны. С тех пор, вот уже 18 лет, Иордания живет в условиях стабильности и относительного благополучия. Все в стране понимают, что именно король – творец и гарант спокойствия и безопасности.

Что же касается Западного берега, то вопрос о нем стал для Хусейна как бы внешнеполитической проблемой. Ответственность за Западный берег, которую король никогда с себя не снимал, помогала ему играть важную роль не только на региональном уровне, но и придавала ему вес на международной арене. Хусейн не раз бывал в Белом Доме, в Кремле, на Даунинг-стрит. Сильные мира сего считались с ним, как с важной политической фигурой.

Что же до возвращения Западного берега в состав Иордании, то возможность этого была столь отдаленной, что о ней вряд ли серьезно задумывались в Аммане. Хусейн мог лишь потирать руки, наблюдая за тем, сколько бед и неприятностей приносит Израилю оккупация Западного берега и полосы Газы.

Так продолжалось вплоть до последнего времени. Восстание палестинцев, длящееся вот уже 9 месяцев, шокировало Хусейна и вернуло его к реальности. Король, судя по многим признакам, наконец-то понял, что за прошедшие 20 лет на Западном берегу выросло новое поколение палестинцев, для которого его имя и его воля уже ничего не значат. Действительно, палестинская молодежь воспитывалась в своеобразных условиях национальной автономии. С одной стороны, она была оторвана от Иордании, ее порядков и институтов. С другой – израильские власти практически не вмешивались во внутренние дела палестинцев. Более того, тесное соприкосновение с жизнью демократического израильского общества сильно сказалось на формировании психологии и мировоззрения молодых палестинцев. Палестинская молодежь совсем не похожа на своих отцов, и ее нелегко будет вернуть в русло верноподданничества.

Хусейну лучше чем кому-либо другому известно, что восстание на Западном берегу и в полосе Газы – дело рук вовсе не ООП или, как говорят в Израиле, “подстрекателей из-за рубе-

жа”. Король знает, что ООП в состоянии заткнуть рот или даже убрать с пути любого неудобного ей человека, но не может поднять палестинские массы на длительную борьбу.

Реальность состоит в том, что палестинский народ действительно существует, он сформировался духовно и готов вести отчаянную борьбу за самоопределение. И вот этот-то народ, борьба которого сегодня сотрясает несоизмеримо более сильный и организованный Израиль, Хусейн должен принять в состав своего Королевства?! Но ведь это подорвало бы его многолетние усилия, направленные на то, чтобы нормализовать внутривосточную обстановку в стране и превратить палестинцев Заиордания в своих подданных. Более того, это поставило бы под угрозу само существование Иордании в качестве Хашимитского Королевства!

Так, быть может, Хусейн решил пожертвовать Иерусалимом, Хевроном и Наблусом, отказаться от роли политического деятеля международного масштаба с тем, чтобы сохранить престол и Королевство? Что ж, это – трезвая и разумная позиция, а трезвый и реалистический подход к действительности свойственен королю (если, конечно, не вспоминать о том, что он ввязался в 1967 г. в войну с Израилем на стороне Египта и Сирии). Но если король всерьез решил отказаться от Западного берега, то и в этом случае все обстоит не так-то просто. Иордания теснейшим образом связана с палестинской проблемой. Она – часть ближневосточного клубка противоречий, и ее королю не удастся так просто выйти из игры. В целом создается впечатление, что инициатива Хусейна лишь еще больше запутала ситуацию на Ближнем Востоке. ●

БИТВА ЗА НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Утверждение, что между социалистическими странами вооруженные конфликты невозможны, сейчас на решится повторить даже самый закоренелый ортодокс. Но если бы нужен был еще один опровергающий пример, им вполне могли бы послужить события, развернувшиеся недавно вокруг островов Спратли.

Спратли – очень разбросанная группа даже не островков, а скал, торчащих из воды в самой южной части Южно-Китайского моря. Самый крупный остров – площадью менее половины квадратного километра. Кому принадлежат острова – пока неясно, но претендуют на них сразу пять стран – Вьетнам, КНР, Тайвань, Филиппины и Малайзия.

Почему столько претендентов на, казалось бы, никому не нужные камни? Во-первых, потому, что в этом районе запахло нефтью. Нефть на морском дне в районе островов Спратли уже обнаружена, и есть перспективы на расширение находок. По нормам же международного права, тот, кто владеет этими островами, имеет право и на контроль, как минимум, над 400 тысячами км² морского дна. Но и это не все. Спратли расположены в очень стратегически чувствительном районе: как раз на полпути между советской военной базой в Камране (Вьетнам) и американской в Субик-Бэй (Филиппины). Во время Второй мировой войны Спратли служили базой для японских подводных лодок.

Вьетнам, КНР и Тайвань претендуют на весь архипелаг. Филиппины заявляют претензии на восточную часть, Малайзия – на южную. До недавнего времени здесь довольно мирно сосуществовали военные гарнизоны четырех держав – за исключением КНР.

В марте с.г. КНР решила подтвердить вооруженной силой свои территориальные претензии. Демонстративно игнорируя тайваньский гарнизон, который с 1956 г. удерживает один из центральных островков, китайская морская пехота высадилась в районе расположения вьетнамского гарнизона, который с 1975 г. удерживает несколько островов в западной части архипелага. КНР требует свои Наньша, Вьетнам не желает отдавать родные Труонг Са (так называются эти острова на соответствующих языках). В результате 14 марта состоялся морской бой. По заявлению Вьетнама, было потоплено два китайских судна, погибло 74 китайских морских пехотинца.

Началась серия взаимных обвинений. Вьетнам обвинил КНР в помехах спасению кораблей и поискам пропавших без вести. Китай возразил, что под предлогом спасательных операций Вьетнам продолжает удерживать острова. Вьетнам предложил переговоры. Китай назвал это лицемерным шагом, прикрывающим "вьетнамскую агрессию и экспансию". В апреле на Спратли прибыла инспекционная группа военных. В мае острова посетил вьетнамский министр обороны генерал Ле Дык Ань и выразил протест против того, что китайцы продолжают оккупировать семь островов. Позднее в конце мая – начале июня, стороны все же согласились на переговоры, но будут ли они и к чему приведут, – пока неясно.

Сейчас Китай имеет в районе Спратли около 20 военных судов. Авианосцами он не располагает, но на Хайнане (ближайшей к Спратли провинции, частью которой китайцы считают

острова) имеется несколько баз ВВС с 800 самолетами, в том числе 50 бомбардировщиками Хон-6, способными без дозаправки достичь самой южной части архипелага.

Вьетнам держит на Спратли около 30 кораблей, но его военная мощь едва ли достаточна для защиты островов. У Вьетнама, например, нет подводных лодок, и китайский подводный флот легко может осуществить блокаду островов. Нет у Вьетнама и авианосцев. Во вьетнамском флоте три советских десантных амфибии класса "Полночный" и три старых американских плюс около 20 малых судов, но семь устаревших эсминцев едва ли смогут составить им надежное прикрытие. Возлагает надежду Вьетнам на примерно 40 МИГ-23, которые могут без дозаправки достигнуть Спратли с материка.

Мощными военно-морскими силами располагает в этом районе Советский Союз, имеющий базу в Камране, но крайне маловероятно, что он захочет вмешаться в конфликт. Вьетнам, конечно, старый союзник СССР, добрые отношения с ним важны особенно сейчас, чтобы не сорвать возможное урегулирование кампунгской проблемы – вывод вьетнамских войск. Да и наличие базы в Камране жизненно важно для СССР. Но при всей заинтересованности платить за это высокую цену – окончательную порчу отношений с Китаем – Советский Союз, конечно, не готов.

Тайвань, по всей видимости, остается в стороне от конфликта. Никто не предлагает ему участвовать в переговорах. В апреле он усилил свой гарнизон на удерживаемом острове. После этого на закрытом заседании парламентской группы министр обороны сделал неожиданное заявление, что, поскольку Наньша являются китайскими, в случае необходимости Тайвань поможет КНР в борьбе с Вьетнамом. Правда, добавил он, это возможность чисто теоретическая, ибо КНР, очевидно, в помощи не нуждается.

Вьетнам предложил участие в переговорах также Филиппин и Малайзии, Китай отверг это предложение. Во время вторжения он тщательно избегал соприкосновения с малайзийскими и филиппинскими гарнизонами и в переговорах предпочитает иметь дело только с Вьетнамом.

Филиппины держат гарнизон на Спратли (Калайяан по-филиппински) с 1971 г. Тогда же они начали нефтеразведку в этом районе. В 1978 году филиппинские гарнизоны располагались уже на семи островах. В 1987 г. филиппинский секретарь по иностранным делам Рауль Манглас заявил, что Калайяан являются неотъемлемой частью Филиппин и их статус не может быть предметом переговоров. Китай немедленно вы-

ступил с аналогичным контрзаявлением. Однако трудно допустить, что Китай решится на военное столкновение с союзником США.

Самые южные острова Спратли лежат всего лишь в 32 км от восточной Малайзии (а от Китая, между прочим, в 1530 км), Малайзия считает их естественной частью Саравака. Эксперты недавно нашли в этом районе нефть. На опубликованной в 1979 г. карте южная часть Спратли была показана как малайзийская, что вызвало тогда протест Китая. В 1983 г. и КНР, и Вьетнам одновременно (но, конечно, независимо) протестовали против высадки малайзийских войск на одном из атоллов.

Но маловероятно, что Китай решится бросить Малайзии вооруженный вызов. Малайзия (вместе с Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром и Англией) защищена договором АСЕАН. Совместные малайзийско-индонезийские военноморские патрули курсируют в южной части архипелага. Сейчас, когда Китай находится в решающей стадии переговоров о восстановлении отношений с Индонезией, вряд ли он посмеет поставить их под угрозу.

Таким образом, вооруженный конфликт вокруг Спратли остается конфликтом внутри "стран социалистического содружества". Вьетнам с помощью Японии и ряда европейских стран продолжает здесь поиски нефти. Китай ведет переговоры о том же с западными нефтяными компаниями. Однако западные бизнесмены не проявляют большого желания быть вовлеченными в конфликт, если их безопасность не будет гарантирована.

Пока же выстрелы здесь могут прозвучать вновь в любой момент. ●

СОВЕТСКАЯ БАЗА В СИРИИ

Советский Союз наконец-то получил морскую базу в Средиземном море — сирийский порт Тартус. Впервые с тех пор, как египетский президент Садат изгнал советский флот с базы в Александрии, советские ВМС имеют свою базу в этом важном районе. У американского 6-го флота нет своей средиземноморской базы, хотя он регулярно пользуется итальянским портом Неаполь. Самый ближний к Средиземноморью порт, который служит американцам чем-то вроде морской базы, — это испанский порт Рота, по ту сторону Гибралтара. Морские базы Израиля находятся в Хайфе и Ашдоде.

Советская база в Тартусе состоит из ремонтных доков, станции обслуживания и причалов и примыкает к сирийской морской базе. Она нахо-

дится под советским контролем, обслуживают ее советские техники.

Советские морские офицеры и инженеры прибыли в Тартус в июле 1987 г. и приступили к расширению небольшого порта. В октябре заместитель командующего советскими ВМС адмирал Гришин тайно посетил Тартус с инспекционной миссией. В конце 1987 г. для завершения переговоров о базе Дамаск посетил командующий ВМС адмирал Чернявин. Заместителем Чернявина, которому было поручено наблюдение за средиземноморской базой, стал адмирал Сидоров, тот самый, который осуществлял приспосабливание бывшей американской военно-морской базы в Камране (Вьетнам) к нуждам советских ВМС.

Советский Союз добивался базы в Средиземноморье в течение многих лет. В отсутствие базы заправку и снабжение судов приходилось осуществлять либо в открытом море, либо на якорных стоянках, что было крайне неудобно. У военных моряков не было порта для отдыха. Для ремонта и технического обслуживания приходилось возвращаться в черноморские порты.

Уже несколько лет Сирия позволяла советским военным судам пользоваться Тартусом, но не разрешала строить базу. Точно так же вел себя и Каддафи в отношении советских претензий на ливийский порт Тобрук. Теперь сирийцы изменили свое отношение к этому вопросу. На Тартус теперь будет базироваться советский 5-й флот, в состав которого входят, наряду с прочим, авианосец, подводные лодки и десантные суда с морской пехотой. Первые маневры с высадкой десанта осуществлялись в 1981 г., как раз близ Тартуса.

Тартус защищают советские противоздушные ракеты SAM-5 дальнего радиуса действия и ракеты SS-C-1B, предназначенные для поражения судов. Вблизи Тартуса сейчас строится военный аэродром.

Почему президент Асад изменил свою политику в вопросе о базе? Сирия закупает много дорогостоящего советского вооружения, но находится сейчас в состоянии острого экономического кризиса. Может быть, предоставление базы связано с погашением сирийских долгов Советскому Союзу?

Прошлогодний визит Х.Асада в Москву не был очень успешным, М.Горбачев прочел ему лекцию о том, как дорого Сирия обходится Советскому Союзу. Тем не менее поставки советского военного оборудования в Сирию продолжают. В их числе — самолеты МиГ-29 и ракеты среднего радиуса действия SS-23.

А разве Советский Союз в меньшем экономическом кризисе, нежели Сирия? ●

Мне скажут, что любая партия (а тем более, правящая) вольна предлагать обществу свою программу реформ. Это верно. Но верно и другое: общество может эту программу принять, а может и отвергнуть. У нас такой возможности нет. Некоторые из первых секретарей, которым отныне предлагается стать еще и председателями советов, выражали робкие сомнения в разумности этой меры. А что думают об этом сами советы? Естественно, ничего, ибо их мнения не спрашивали. Да и как бы звучал их ответ: мы хотим быть *возглавленными!*..

Еще мне напоминают, что коммунисты – это авангард, что именно они руководили победоносной Октябрьской революцией, которая принесла народу неисчислимые... Оставим в стороне вопрос, что именно. Факт, что революция была победоносной и те коммунисты действительно были ее авангардом. Но речь идет сейчас не о *тех*, а об *этих* коммунистах, авангардность же, как известно, по наследству не передается. Может быть, сам народ выбрал их своим авангардом? Нет, о подобных выборах мы ничего не слышали. Заявление в партию человек подает сам, иногда (вот о таких случаях мы слышали) прилагая к заявлению скромную сумму, в просторечии именуемую взяткой. Но даже если все честно, если человек искренне хочет быть "в первых рядах" и его – в соответствии с разрядкой – принимают, следует ли отсюда, что с этого момента его голос становится весомее голосов девяти других?

Газеты с восторгом сообщили нам, что на конференцию (конечно, лишь в качестве гостей) пригласили и кое-кого из беспартийных: академика Дмитрия Лихачева, поэта Евгения Евтушенко... Других (например, Андрея Сахарова) не пригласили. Вы уверены, что у Лихачева или Сахарова меньше новых идей, чем у секретарей обкомов, представивших конференции отчеты об успехах подведомственной им области? У меня такой уверенности нет. Между тем конференция, напомним, обсуждала не размеры членских взносов и не формат партбилета, а *будущее страны*. В этом случае, наверно, не грех бы выслушать и мнение тех, кто предпочел остаться в арьергарде. Кстати, для этого у них, надо думать, тоже были свои причины...

Другой интересный вопрос – причины созыва именно *конференции*. Решения XXVII съезда КПСС отличались крайней расплывчатостью. Под них можно было подвести многое: и курс на экономические реформы, и крутой поворот к гласности. Многое, но не все. О перестройке структуры государственной власти в решениях съезда нет ни слова. В обычном государстве это и не обязательно. Любая партия вправе предложить парламенту свою программу реформ. Если реформы затрагивают конституцию, для их утверждения проводится референдум. Так было, например, во Франции, когда де Голль выдвинул идею перехода от парламентской системы к президентской.

Ясно, однако, что подобная процедура имеет смысл лишь в случае, когда власть в стране принадлежит парламенту и народу. В наших же условиях это было бы нелепо: предоставить решение тем, кто заведомо ничего не решает. Истинный демократизм состоял как раз в том, чтобы вопрос об изменении структуры власти решали люди, которым эта власть принадлежит. Так возникла идея партийного *междусобойчика*.

Признаться, я плохо понимаю разницу между партсъездом и партконференцией – особенно после революции. Похоже, и самим вождям тут далеко не все было ясно. Последняя конференция, восемнадцатая, проходила в 1941 году, 47 лет назад. Когда Никите Сергеевичу понадобилось срочно утвердить программу нашего вбегания в коммунизм, был созван внеочередной съезд. Теперь же, когда речь идет о вещах действительно важных – перестройке системы власти, созывается не экстренный, внеочередной, чрезвычайный съезд, а всего лишь скромная партконференция. Почему?

Кажется, причина тут сугубо прозаическая: равновесие страха. 13 марта "Советская Россия" напечатала "антиперестроечный манифест" – письмо Нины Андреевой, напоминающее по тональности приговор перестройке. Чтобы ответить,

“Правде” понадобилось 24 дня. При этом ни тогда, ни потом никого не сняли. А вполне могли бы. И перестроечников, и анти-, нынче никто не знает, какова реальная расстановка сил, то есть кто за кого и кто на чем держится. А значит, и кому кого следует бояться.

В этой обстановке было принято истинно мудрое решение. Как бы сами собой распространились слухи, что важнейшая особенность конференции (отличающая ее и от съездов, и от пленумов ЦК) в том и состоит, что *кадровыми вопросами* она не занимается. Проще говоря, снимать никого не будут. В самом деле, не сняли. Правда, Горбачев предупредил, что не стоит представлять Михаила Сергеевича слишком простым, что, если понадобится, он может и кулаком стукнуть. Но выглядело это как милая шутка. Оно и понятно: время стучать не пришло. Уже потому хотя бы, что состав конференции оказался, видимо, не вполне таким, как хотелось бы Генеральному секретарю.

Не исключено, что при подготовке конференции Михаил Сергеевич расслабился. Основные решения, конечно, были *обговорены* заранее (не зря он совещался с секретарями обкомов и крайкомов), кадровых перемен не ожидалось. При таких обстоятельствах можно было ожидать, что вожди местного значения позволят игру в демократию: предоставят членам партии выбор между слесарем А. и токарем Б., между дояркой М. и скотницей Н. И уж во всяком случае не станут препятствовать избранию тех (в общем, немногих) сторонников перестройки, которых считают “людьми Горбачева”.

Экая наивность. С той же вероятностью можно было ожидать, что поршень в цилиндре вдруг начнет совершать круговые движения вокруг Солнца. Важно было не то, куда выбирают, а сам *порядок* выборов. Если бы делегатов выбирали даже не на партконференцию, а на форум суслиководов, все равно порядок есть порядок: *выбирает первый секретарь*, остальное человечество поднимает руки. Это — подлинная демократия, прочее же — анархия, буржуазная распушенность, прямой путь к реставрации капитализма.

Но в данном случае вопрос приобрел принципиальное значение. Генеральный секретарь со своими новомодными штучками перешел границы. Следовало вежливо, но твердо указать ему его место. Да, в Москве он хозяин. Однако в областях и районах тоже есть хозяева, и отказываться от своих прав они не намерены. Обычной процедуре выборов *сверху* решено было придать вызывающий, подчеркнуто демонстративный характер.

Одних протеже Горбачева просто провалили, с другими разыграли фарс. Стоит, например, почитать в газете “Московская правда”, как “выбирали” на конференцию Юрия Афанасьева. На первой ступени ему противопоставили “студентку четвертого курса, признанного вожака молодежи, комиссара стройотряда Виталину Трифоненко”. На районном уровне ее кандидатура была поддержана единогласно; на городском — Афанасьеву устроили форменную выволочку и только потом (“знай нашу широту!”) включили в список для голосования. “Я, конечно, ожидал, — признался в “Комсомольской правде” Гавриил Попов, — что аппарат без боя список делегатов не отдаст. Но такого беспардонного, наглого, демонстративного нежелания узнать мнение рядовых коммунистов и стремления не считаться с этим мнением я не видел даже в худшие времена застоя. Тогда хоть искали какой-то камуфляж. А сейчас?”

Не менее определенно высказался ленинградский писатель Михаил Чулаки. “Назначение делегатов под видом выборов? Пусть мне приведут в пример область, где 100 делегатов выбирались из списка хотя бы в 101 кандидат!”

Да и обзор писем, помещенный в “Известиях” от 11 июня, не оставляет сомнений. “Мы увидели старую, бесконечно знакомую картину, — жалуется читатель из Харькова, — выборы без выбора, выборы по разнарядке, выборы, на которых аппарат платных функционеров избрал сам себя.”

Интереснее, однако, другое. Привыкшая ко всему публика на сей раз возмутилась. География демонстраций и митингов протеста необычайно широка: Москва,

Одесса, Свердловск, Львов, Южно-Сахалинск, Ленинград, Омск, Магадан, Куйбышев... Но сам Горбачев вызова не принял. "Следует со всей определенностью сказать, — объявил 13 июня в "Правде" ответственный работник ЦК Е.Разумов, — что Центральный Комитет не располагает какими-либо данными, свидетельствующими о том, что установленный им порядок выборов делегатов был в чем-то существенном нарушен."

Так был сформирован состав конференции, о котором преподаватель из Ашхабада писал в "Известиях": "Налицо весь партаппарат плюс другое начальство. А "для демократии" разбавили этот список трактористами(тками), доярками и слесарями". Вот этому-то составу и предстояло принять исторические решения о продолжении и углублении перестройки, ограничении роли партии, возвращении всей полноты власти советам.

ГЛАВА II. ЭКОНОМИКА.....

Кажется странным, что в обширном докладе Генерального секретаря не нашлось места разделу, посвященному экономике. Конференция не приняла и специальной резолюции по этому вопросу. В чем дело?

Газеты охотно вспоминают тот Пленум ЦК (апрель 1985 г.), который принял исторические решения о перестройке. Гораздо труднее найти в печати упоминание о том, в чем же состояли эти решения. Между тем программа перемены, изложенная М.С.Горбачевым в апреле и июне 1985 года, была вполне определенной. Узловое место в этой программе отводилось двум направлениям: ускорению научно-технического прогресса и коренной перестройке системы управления, прежде всего ее *верхних* эшелонов. Легко заметить, что с тех пор шкала предпочтений изменилась. О прогрессе нынче говорят глухо (кто-то из участников конференции ехидно заметил, что в Тезисах даже не упоминается научно-техническая революция), перестройку же системы начали с *нижних* эшелонов — решив, видимо, что корень всех зол в них. Но и эта идея вскоре отошла на второй план. Оказалось, что куда важнее *темпы роста*. Впрочем, и не в них суть. Главное для нас — гласность.

При попытке изобразить процесс перестройки графически получится ломаная. Я сказал бы: сильно ломанная, потому что если первые ее отрезки лежат хотя бы в общей плоскости, экономической, то поворот к гласности увел перестройку в другую плоскость — политики, идеологии. Конечно, связь просматривается. Но все-таки трудно ожидать, что публикация "Доктора Живаго" приведет к развитию товарно-денежных отношений и отмиранию административных методов управления. Тут нужны были бы иные акции — более простые, более утилитарные. Но, очевидно, и более рискованные.

Реформы в экономике уперлись в систему. В систему, при которой реальная власть во всех областях жизни (включая, конечно, и хозяйство) принадлежит партии, то есть узкому кругу партийных функционеров. У Горбачева был выбор: либо вступить в борьбу с этим кругом (и этой системой), либо перевести борьбу в другую сферу — менее *личную*. Так возникла гласность.

Однако совсем уйти на конференции от экономических проблем было никак невозможно. К тому времени в печати выявились две точки зрения. Оптимисты считали, что за три года перестройки ничего не изменилось; пессимисты, — что стало хуже. Генеральный секретарь, по должности, сверхоптимист. Но даже его оценка звучит двусмысленно: "Усилиями партии, трудящихся удалось остановить сползание страны к кризису в экономической, социальной и духовной сферах". Не слишком бодро.

Собственно, и сам Горбачев не отрицал, что успехи жидковаты. Спор на конференции шел о другом. Вызвано ли очередное разочарование *субъективными* фак-

торами (переоценка всей "тяжести деформаций и застоя минувших лет", живучесть прежних стереотипов хозяйствования, извращение сути реформы и т.д.) или виной тому *объективные* причины – *неэффективность* самой перестройки. Ясно, какой вариант ближе сердцу Генерального секретаря. Закон о государственном предприятии, Закон о кооперации, арендный подряд, меры (крайне невразумительные) по совершенствованию работы Совета Министров, Госплана и министерств, ленинская фраза, вынесенная в газетные заголовки: "Не смей командовать!" – что еще надо для перехода к новым методам управления?

В прежние времена такая постановка вопроса (партия, как всегда, права; виноваты низовые звенья агропрома, министры, Бюро Совета Министров) вызвала бы бурные возгласы одобрения. Нынче ситуация изменилась. Среди прочих в зале сидели "активные сторонники перестройки", люди, понимающие, *какие* последствия для страны и для них лично будет иметь провал Горбачева. Секретари обкомов и горкомов неплохо потрудились, чтобы при выборах свести число этих людей к минимуму. Но их сила определялась не числом, а решимостью говорить правду. "Важно подчеркнуть со всей определенностью, – сказал директор Института экономики Л.Абалкин, – что радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла". И дальше, чтобы исключить всякие сомнения: "Нельзя рассчитывать на успех, действуя вопреки логике жизни, не считаясь с ее законами... Надо ясно понимать, что изменения происходят не в результате принимаемых решений и движение измеряется не количеством декретов, а реальным изменением экономических, базисных отношений".

Это был удар в лоб. И хотя другой сторонник Горбачева, политик Г.Арбатов, постарался смягчить оценку экономиста ("Политика выше экономики"), ничего у него не вышло. А не вышло потому, что среди участников конференции неожиданно оказалось немало делегатов, которые тоже не захотели участвовать в пьесе по мотивам популярной песенки "Все хорошо, прекрасная маркиза...".

И речь тут не только о руководителях среднего звена – таких, как генеральный директор станкостроительного объединения Кабаидзе или председатель агропромышленного объединения Стародубцев, – их как раз нетрудно понять. Удивительнее другое: среди секретарей горкомов, обкомов и ЦК союзных республик тоже нашлись люди, весьма критически оценивающие результаты перестройки. "Не отрицая и имеющих положительные моменты, – сказал секретарь Череповецкого горкома партии В.Саранских, – необходимо еще раз отметить, что удовлетворения от этих изменений пока нет. Скорее, наоборот, нарастает чувство тревоги за реальную обстановку. И основания для этого есть."

Откуда чувство тревоги у *этих* людей? А очень просто: от двусмысленности ситуации. Официально заявлено, что новый хозяйственный механизм создан. И если в этих условиях город или область отстают, значит, уж не обессудьте, виноват секретарь. Тут не до лозунгов. И секретари – самые косные, самые консервативные – вынуждены были косвенно поддержать Абалкина. Нет, не созданы, – кричит один; провозглашенный партией курс блокирован центральными органами, – жалуется другой; нужен принципиально новый механизм хозяйствования, – зовет третий.

Правда, тут есть тонкость. Между "отраслью" и "территорией" существует давнее соперничество. Секретари обкомов не прочь свалить вину на министров, это они стесняют самостоятельность на местах, мешают "территории" (читай: тому же секретарю) развернуться во всю ширь. Похоже, что и внизу, и на самом веру идея ликвидации министерств находит поддержку. Не случайно заявление Кабаидзе "Если честно говорить, мне министерство не нужно" было встречено аплодисментами. Закономерна, видимо, и такая деталь: чести выступить на конференции удостоился лишь один представитель "отрасли" – министр здравоохранения Чазов.

Однако секретари, что поумнее и подальновиднее, понимали, что слишком натягивать эту струну опасно. Неровен час, ликвидируют министерства, и оста-

нется секретарь один на один с бесчисленными проблемами экономики. И это — при старом, лишь чуть-чуть подкрашенном механизме. Нет, что-то такое действительно надо менять. Вот секретарь Волгоградского обкома Калашников и обругал экономическую науку за то, что она не дает позитивных рекомендаций (очевидно, как перейти от административных методов к экономическим, не умаляя власти секретарей), а заодно привел цитату-намек из Ленина: "Всякое половинчатое решение тут было бы до последней степени вредно".

Ленина Генеральный секретарь знает. Но знает он и новейшую историю. А если забыл, тот же Калашников ему напомнил. "Печальный опыт начала 60-х годов, во времена Хрущева, — мягко заметил он, — наглядно показал, что принижение роли партии может привести к непредсказуемым последствиям".

Сохранение роли партии — неперемное условие любой перестройки. Упершись в этот барьер, Горбачев и начал петлять. Гласность... расширение роли советов... низовые звенья агропрома... министры... Бюро Совета Министров...

Таким способом можно многое объяснить. Но — не изменить. Пустые полки магазинов, талоны на мясо, масло, а теперь и на сахар нагляднее слов свидетельствуют о результатах перестройки. Обстановка в стране куда более напряженная, чем принято думать.

В статье "Истоки", напечатанной в пятой книжке "Нового мира", Василий Селюнин предупреждает: "По прикидкам, если не будет крутых перемен, в середине 90-х годов наша экономика развалится со всеми вытекающими отсюда последствиями — социальными, внешнеполитическими, военными и т.п.". "Сценарий победы, — признается Сергей Залыгин, — видится мне не совсем отчетливо. Его нужно искать, создавать, в том-то все и дело. О поражении думать не хочется, да и незачем — это вполне отчетливо и означает возврат к слишком хорошо знакомым и памятным всем временам, только, наверное, в еще худших формах". Мнение Т.Заславской: "В условиях противостояния интересов различных социальных групп попытка абсолютизировать линию на смягчение конфликтов может обернуться выхолащиванием основных идей перестройки. И односторонняя ориентация на компромиссы, чрезмерная боязнь задеть интересы той или иной группы станет тормозом развития. Вот тогда медленный ход перестройки приведет к резкой неудовлетворенности трудящихся..." Николай Шмелев: "В стране действительно сложилась революционная ситуация. "Верхи" не могут больше управлять, а "низы" больше не хотят жить по-старому". Четче всего, однако, обозначил ситуацию Б.Ельцин: "Пока все находились под гипнозом слов — это спало. В дальнейшем — это риск потерять руль управления и политическую стабильность".

Не сомневаюсь, что Горбачев тоже понимает, что время работает против него. Надо идти дальше (не зря последняя пьеса Шатрова названа "Дальше... Дальше... Дальше!"). Но как, если в любой инстанции, властной принимать решения — в Политбюро, в ЦК КПСС, на съезде, — перед генсеком встает, как кто-то удачно выразился, глухая резиновая стена. Что же думает по этому поводу сам Горбачев? "Именно в окостеневшую систему власти, в ее командно-нажимное устройство упрутся сегодня коренные проблемы перестройки..."

ГЛАВА III. ВЛАСТЬ.....

Советской печати пока далеко до того, чтобы стать зеркалом общественного мнения. Но какие-то тенденции в умонастроениях публики выплескиваются на странички газет. Одна из этих тенденций особенно отчетлива: тревога за судьбу Горбачева. О причинах этой тревоги читатели пишут вполне откровенно. Генерального секретаря избирает (и смещает) ЦК — несколько сот людей, составляющих аппарат власти, по сути партийная олигархия. Достаточно им договориться,

и судьба человека, который хорошо ли, плохо ли, но пытается провести перестройку, будет решена. "Если перестройка потерпит поражение, то перестанет существовать мир", — выкрикнул Михаил Ульянов. И добавил суховаго: "К сожалению, это не преувеличение испугавшегося интеллигента, а действительность во всей ее драматичности".

Плохо, конечно, когда судьба страны (а может быть, и мира) зависит от одного человека. Но еще хуже, пожалуй, что положение самого этого человека, как правильно заметил Ульянов, зависит от деятелей, для которых "главное удержать командное кресло, а там — трава не расти".

Уже и сейчас не совсем понятно, почему его терпят. Во-первых, видимо, боятся сговариваться, ибо выросли в мире, где каждый за себя. Во-вторых, я думаю, ни у кого из них нет хоть самой куцей программы. Запретить, восстановить, вернуть... — это ясно. А дальше? Ведь надо же что-то делать. Экономика летит в таргарары, страна (об этом пишут почти открыто) скатывается к положению государства Третьего мира.

Оба эти фактора еще действуют. Но надолго ли? История с письмом Андреевой продемонстрировала, как хрупко нынешнее равновесие. За три недели молчания, кажется, только Союз кинематографистов осмелился пикнуть. Были, правда, читательские письма. Однако ни одна газета их не напечатала.

Это естественно. Любой редактор примерно представляет, что творится в высших эшелонах власти. Особенно теперь, после конференции. В первый день ее работы газеты напечатали доклад председателя мандатной комиссии Г.Разумовского, где даны краткие сведения о социальном составе делегатов. Скажем, 1638 рабочих, 866 работников сельского хозяйства, 290 секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов.

Это — те, кто попал на конференцию. А кто участвовал в ее работе: выступал, вносил предложения? В печати такие сведения, к сожалению, отсутствуют. Займемся самодеятельностью. Итак, с речами на конференции выступили: рабочих — 6; работников сельского хозяйства (включая руководителей) — 5; секретарей республиканских ЦК, обкомов, горкомов — 26. Среди прочих: ученые (6), деятели культуры (8), руководители промышленных предприятий (3) и т.д.

В период, предшествовавший конференции, много всякого говорилось о демократизации, гласности, разграничении власти между партией и советами, создании правового государства и пр. В этом потоке слов трудно было отделить реальные меры от лозунгов и благих пожеланий, понять, к чему, собственно, стремится Генеральный секретарь. Из доклада и последующих выступлений стало ясно: главная его идея состоит не в восстановлении власти советов, не в замене сессий Верховного Совета съездами советов и не в дополнении обычных выборов "непосредственным представительством от общественных организаций". Нет, главное, чего добивался Горбачев, — учреждение нового поста *председателя Верховного Совета СССР*. Председатель, который будет избираться тайным голосованием на Съезде народных депутатов, должен обладать весьма широкими правами: примерно такими, как президент США или Франции, — стран, где действует *президентская* форма правления.

Вообще специалист, который попытался бы проанализировать предлагаемую М.С.Горбачевым форму государственного устройства, обнаружил бы в ней самые разные пласты. Что-то — от первых лет советской власти, что-то — от Америки, что-то (например, система "двойных" выборов) — от Израиля. Но важна, конечно, не генеалогия, а суть: сосредоточить всю полноту власти в руках одного человека, который отныне становится фигурой *конституционной* и, следовательно, неподвластной ЦК. Правом отозвать его теперь обладает только Съезд депутатов, и не открытым (исход которого предreshен), а тайным голосованием.

Значение этой меры нельзя недооценивать. Дело идет об изменении государственного устройства, о замене олигархии как формы правления единоличной властью. Хорошо это или плохо? Вряд ли кто сейчас решится ответить опреде-

ленно. Рискну высказать осторожную надежду, что в данном (только в данном) конкретном случае это хорошо. Потому что, повторяю, у Горбачева есть программа, которая дает хотя бы *надежду* на выход из тупика, а у его оппонентов нет *ничего*, кроме желания и дальше сидеть в своих креслах. Думаю, что если бы выборы проводились сейчас — и не на Съезде депутатов, а всенародно, — Горбачев получил бы... нет, не 99,9%, но больше половины голосов, определенно больше, чем, скажем, "второй человек" в государстве Е.Лигачев. И как раз потому, что у Горбачева есть программа.

Авторский коллектив, готовивший письмо Н.Андреевой, хорошо знал вкусы заказчиков. Тому, кто в этом сомневается, стоит перечитать речь Лигачева на конференции. Перед тем кто-то из делегатов попросил его ясно изложить взгляд на товарно-денежные отношения. На этот провокационный вопрос Егор Кузьмич, естественно, не ответил. Зато он объяснил (хотя об этом его никто не спрашивал), чем занимался в годы застоя. "С гордостью отвечаю: строил социализм".

В иных условиях я подумал бы, что это самоирония, шутливый ответ в духе известных строчек Эльдара Рязанова: "Мы не пашем, не сеем, не строим. Мы гордимся общественным строем". Но нет, это сказано серьезно. И подкреплено доказательствами. "Уже более 10 лет как область, в которой я работал... снабжается продуктами питания целиком и полностью за счет собственного производства, причем по хорошему рациону..."

Вдумайтесь, это же целая философия. Егор Кузьмич, видимо, убежден, что это он и другие товарищи, "участвующие в конференции", обеспечивают жителей области "продуктами питания по хорошему рациону", а вот Ельцин — такой неумеха — "прочно посадил область на талоны". И ничего ты такому Лигачеву не докажешь. Он ведь и в самом деле ездил по полям и заводам, беседовал с трудящимися, решал вопросы, давал указания, снимал, назначал... Как же после этого усомниться, что именно его усилиями область вышла в передовые?

Представляю, что было бы, если бы с подобными заявлениями выступил премьер Баварии Франц-Йозеф Штраус — какая тема для карикатур, какой материал для фельетонистов! А тут полное понимание, есть даже пометка в скобках "Аплодисменты". Секретарям, сидевшим в зале, близка и понятна мысль, что это они — своими звонками, указаниями, накачками, заседаниями бюро, кадровой политикой — кормят трудящихся. И строить социализм им нравится. Любое частное дело может прогореть: у капитализма критерии жесткие. А социализм можно строить вечно, занятие беспроектное.

В принципе этой публике ничего не нужно — ну, может быть, что-то подлатать в экономике, подкрасить фасад. А Горбачева, отдадим ему справедливость, нынешнее положение не устраивает. Он тоже понимает, что экономическая реформа зашла в тупик и полумерами тут не поможешь. "В ходе практического проведения реформы, — сказал он, — мы реально ощущаем сопротивление инерционных сил, и это подчас ведет к принятию половинчатых, компромиссных, а иногда ошибочных решений". И предупредил: "Мы не имеем права допустить, чтобы перестройка споткнулась о камни догматизма и консерватизма, о чьи-то предубеждения и личные амбиции. Речь идет о судьбе страны, о судьбе социализма. И мы обязаны разъяснить остроту ситуации тем, кто еще не осознал ее. В этом главном для всех нас вопросе компромиссов быть не может."

Итак, смысл нового этапа перестройки ясен. Горбачев стремится уйти из-под жесткого контроля партолигархии, дабы получить возможность продолжать реформы. Насколько последовательные, насколько радикальные? Не будем гадать. В любом случае имеется в виду что-то более осмысленное, чем нынешний бег на месте.

Гораздо труднее понять смысл предлагаемой им перестройки механизма управления на нижних этажах. Противоречия здесь буквально лезут в глаза. Ставится задача: разделить функции партийных и советских органов; решение — назначить

(то бишь рекомендовать) секретаря партийного комитета председателем соответствующего совета. Предлагается отказаться от нынешнего фарса и перейти к демократическим выборам в советы; тут же дается впечатляющий урок демократии – председатель совета рекомендуется сверху...

Даже умудренная опытом публика испытала легкую оторопь. Почти каждый из выступавших, начав с комплиментов, кончал осторожными сомнениями. Неудивительно, что в шоковое состояние пришли "левые": идей "секретарь-председатель" Генеральный секретарь перечеркнул весь смысл реформ. Поразительно другое. Без малейшего энтузиазма встретили идею и "правые" – те самые секретари, которым предстоит теперь "по совместительству" стать и председателями советов. Реакция была настолько единодушной, что Горбачеву пришлось посвятить этой теме отдельное выступление.

Разумеется, ничего вразумительного он не сказал. Не мог же он в самом деле объяснить, что новый порядок на нижних этажах вводится для *симметрии*: если Генеральный секретарь станет председателем Совета депутатов, то прочим секретарям тоже следует стать председателями.

Однако кое-какие детали второе выступление Горбачева высветило. Похоже, генсек стремится к тому, чтобы сделать партию *правящей*. То есть как?.. А очень просто. До сих пор партия управляла страной *из подполья*. Решая, командуя, контролируя – и ни за что не отвечая. Как сложилась эта система исторически, вопрос особый. Факт, что она оказалась поразительно жизнеспособной: верный признак того, что для истинных хозяев страны система *удобна и выгодна*, ничего другого они не хотят. Именно поэтому серые кардиналы недовольны. Они вовсе не желают вылезать на свет из своих зашторенных кабинетов, вовсе не рвутся чем-то там *публично* руководить. И не хотят, и не умеют.

Генсек же, мало того, что навязывает им публичную роль, еще и предлагает ввести двойное сито выборов. Ну, партийные выборы из двух-трех кандидатур опытного секретаря не пугают, тут важно иметь руку в обкоме. А вот баллотироваться в председатели совета секретарю определено не хочется; при тайном голосовании могут и прокатить. И сама такая процедура для секретаря обидна: где это слыхано, чтобы стадо само выбирало погонщика?..

ГЛАВА IV. ГЛАСНОСТЬ.....

Короткая история гласности остра, динамична, до предела насыщена страстями, явными и скрытыми сюжетными ходами, борьбой и риторикой. Сигнал к этой борьбе подал Генеральный секретарь, объявив, что отныне вещи можно называть *своими именами*.

Вряд ли кто-нибудь воспринял это заявление буквально. Ни в одной газете я не читал, например, вопроса, который напрашивается: имеет ли право на власть партия, чья история состоит из сплошных ошибок и преступлений? "Своими именами" газеты стали называть очереди в магазинах, ресторанное хамство, взяточничество, плохую работу райпотребсоюза. Все это шло бы по разряду обычной "самокритики", если бы не одна деталь. Газетные выступления не всегда были санкционированы хозяином, секретарем райкома или обкома. Само выступление он, может быть, и одобрил бы, но нарушение субординации перенести не мог. Последовали *оргвыводы*.

Вмешалась Москва. На протяжении примерно года центральные газеты печатали решения ЦК в защиту меньших братьев. Возникла оригинальная коллизия: газета против партийного комитета. Некий читатель, ошалевший от свежего воздуха гласности, договорился до того, что газете следует стать органом читателей. "Правда" авторитетно разъяснила, что об этом не может быть и речи: газета есть орган партийного комитета.

Постепенно сложились две зоны гласности: центральная и периферийная. В первой — много чего разрешалось. Критиковать секретарей обкомов и министров, ставить вопрос об открытости заседаний ЦК, спрашивать, какой социализм народу нужен. На периферии все было ясно: нужен тот социализм, который одобрен секретарем.

Пропустим захватывающий сюжет с письмом Нины Андреевой — 24 дня, которые потрясли перестройку. Сейчас об этом испытании сил много пишут, используя привычный стиль иносказаний. Расшифровать криптограмму нетрудно (особенно — из безопасного далека): Лигачев пытался явочным порядком установить новый потолок гласности — и потерпел поражение. Умные члены Политбюро понимают, что джигит не меняет коня в пути.

Тому, кто интересуется психологией — индивидуальной и групповой, — стоит сравнить резолюцию конференции о гласности с выступлениями уважаемых делегатов. "XIX Всесоюзная конференция КПСС, руководствуясь интересами социализма и перестройки, — сказано в резолюции, — считает одной из важнейших политических задач дальнейшее развитие гласности".

Это групповая психология. Что касается индивидуальной, то мало кому из делегатов удалось выговорить слово гласность так, чтобы в нем не слышались шипящие. Особенно изящно выразился первый секретарь Алтайского крайкома Ф. Попов. Прочитав в "Огоньке" сообщение, что среди делегатов конференции есть взяточники, "хотя в докладе мандатной комиссии этого нет", Попов взревел: "Надо же иметь предел развязности в этом деле!"

Ярость оглуляет. Многочисленные секретари — люди хитрые и опытные — с тупым упорством повторяли те же доводы: монополия печати, очернительство, искажения... Замечательно, что никто из выступавших не привел ни единого примера ошибки, хотя, наверно, мог бы. Разговор шел *не о том*. И все это понимали. "Как совместить требования усиливать критику и жесткое требование заткнуть газете рот, если она, не дай Бог, кого-то посмеет покритиковать?" — спросил Михаил Ульянов.

Прямо ему никто не ответил. Но одно, необычайно откровенное высказывание на конференции прозвучало. Секретарь Кемеровского обкома В. Бакатин обвинил некие самодельные группы в попытках "отобрать у партийных комитетов возможность иметь свою печать". "Я не призываю, — объяснил он, — к контролю, допустим, над "Литературной газетой" или "Аргументами и фактами", я говорю о партийной печати. Партийная печать необходима. Это главный инструмент..."

От подобных рассуждений балдеешь. Неужто взрослый дядя, секретарь обкома, верит, что "Литературная газета" свободна от партийного контроля? Нет, конечно. Разговор о другом. Секретарю обкома, хозяину области, нужна *собственная* газета, находящаяся в его личном распоряжении. Резон в этом есть. Тому, кто владеет "общенародной собственностью" области, должны принадлежать сегодня и ее средства массовой информации — это знамение времени. Что касается "ЛП", то на нее Бакатин не претендует; вполне достаточно, если она будет принадлежать всей корпорации секретарей во главе с генсеком, — на правах, так сказать, коллективного владения.

Теперь рассмотрим ситуацию под другим углом зрения. Секретари ЦК и обкомов буквально шипят от злости при слове "газета", вполне безобидное упоминание о "Детях Арбата" приводит их в ярость, им жизненно необходима печать, находящаяся в их личном распоряжении. Так? И с учетом всего этого они принимают резолюцию: "XIX Всесоюзная... руководствуясь интересами... считает одной из важнейших политических задач дальнейшее развитие гласности".

Думаю, дело тут не в Горбачеве, точнее — не только в нем. В развитии любого общественного организма (будь то печать или экономика) есть *своя логика*. Принято считать, что нэп "сконструировал" Владимир Ильич. Между тем, Ленин пошел всего на одну уступку: замену продрозверстки продналогом. Все осталь-

ное совершил *ход событий*, вынуждавший вождя принимать решения, продиктованные логикой процесса. Нечто подобное произошло и с гласностью. Пока ее не было, все было просто. Но теперь, когда она появилась, трудно поверить, что в течение десятков лет население великой страны *делало вид*. На конференции было сказано много смешных слов про гласность. Однако призвать граждан *продолжать делать вид* нин-андреевцы не решились.

ГЛАВА У. ПРАВО.....

Вы, конечно, заметили, что просто подъема у нас не бывает, у нас бывает только *дальнейший* подъем. Соответственно в Тезисах задачи в сфере права излагаются так: "Завершить создание социалистического правового государства". Мгновенно возникает яркий зрительный образ. Здание готово, остались сущие пустяки: застеклить несколько окон, что-то подкрасить, снять опалубку, убрать строительный мусор...

Эту замечательную формулу ("завершить создание") повторил в своем докладе Горбачев. Однако в текст резолюции формула не попала. Должно быть, в составе редакционной комиссии нашелся человек, который все-таки усомнился: "Насчет завершения, братцы, того... Нам бы хоть вырыть котлован под фундамент".

Недавно "Los Angeles Times" дала резюме дела Николая Бухарина. "Это была не ошибка, — писала газета. — Это было убийство, задуманное *главой государства* и осуществленное *государственным аппаратом*". Вроде бы сказано то, что все мы знаем. Но — с непривычным для нас ощущением *ужаса*. Ужаса перед тем, что преднамеренное убийство совершено государством.

Разговор не о Сталине и не о сталинизме, а именно о государстве. Уже один тот факт, что мы до сих пор спорим, можно ли считать выдающегося бандита вождем и учителем, ясно говорит о сущности нашего государства. Некогда Ф.Э.Дзержинский объяснял, что закон потому дает право ЧК изолировать тех или иных лиц административным порядком, что иначе "всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдает". Оправдал ли бы их сейчас самый мягкий суд? Глупый вопрос. Мы знаем судей, которые, давая работнице за украденную с фабрики катушку ниток 25 лет, плакали. Плакали, но давали. Знаем и статистику: 80 процентов советских судей *ни разу* в жизни не вынесли оправдательного приговора, они просто не имеют понятия, как такой приговор пишется.

Никогда не думал, что официальная наглость имеет пределы. Оказалось, имеет. Призыв "завершить создание" того, чего нет, вызвал неожиданно сильную реакцию в прессе. Пожалуй, лучше всего эта реакция выражена в статье Юрия Феофанова "Власть и право", напечатанной в номере "Известий" от 21 июня. Статья настолько интересна, что я позволю себе несколько цитат. "Я о том, — пишет Феофанов, — как же нам не то чтобы завершить создание правового государства... а хотя бы как начать это сложнейшее строительство". "В правовом государстве должен верховенствовать и торжествовать закон, выражающий волю народа. Вот я и думаю: если верховенство и торжество Закона, то и гражданин, и государство, и ЦК партии все должны ему подчиняться. Однако юристы пусть ответят: кто же наложит вето на конкретное решение государства в лице Верховного Совета или партии в лице ее Центрального Комитета, если это решение будет подрывать безраздельное господство закона? Названа ли хотя бы в теоретических трудах та инстанция, которая будет наделена правом сказать: не соответствует Конституции, нормам и принципам права...", "Убежден: о независимости суда, при нынешней чуть затушеванной зависимости от всех и вся, говорить пока не приходится". "Судебная статистика у нас чуть приоткрыта.

Если бы обнародовали, сколько людей содержится в тюрьмах в порядке исключения из закона, цифра, думаю, поразила бы”.

Пожалуй, достаточно, хотя перечисление глухих заборов, отделяющих нас от правового государства, можно продолжать и продолжать. Скажем, некто А.Фатеев (секретарь Ленинградского обкома) предложил ”закрепить за партийными организациями и их выборными органами (то есть за ним и ему подобными) приоритет выдвижения альтернативных кандидатур как из числа коммунистов, так и беспартийных на соответствующие должности”. Иначе говоря, предоставить секретарю парткома право выдвигать в председатели совета не только себя, но и ”альтернативного кандидата”, своего соперника! Остается официально объявить секретаря Главным Избирателем — круг замкнется. Сооружение новой системы выборов будет завершено.

В докладе Горбачева основным признаком правового государства названо *верховенство закона*. Это было бы правильно, если бы сам закон выражал волю народа и соответствовал мировым юридическим нормам. Но ничего этого нет. Закон в СССР выражает волю узкого круга хозяев страны и достаточно часто противоречит международным юридическим документам. Строго говоря, не совсем даже понятно, почему так трудно обеспечить ”на деле” верховенство *такого* закона. Разве потому, что любой закон в какой-то мере связывает властям руки, мешая им (хотя и не слишком сильно) действовать *по обстоятельствам*.

Если документы, разработанные в недрах *директивных органов* и превращенные в закон коллективным взмахом рук, и можно считать законом, то весьма условно. Эту *условность* превосходно чувствуют руководители всех уровней. Почему, собственно, министр или начальник милиции должен считаться с этой условностью в тех конкретных случаях, когда она противоречит *его* интересам?

”Как граждане несут ответственность перед своим общенародным государством, — объявил Генеральный секретарь, — так и государственная власть несет ответственность перед гражданами”. Можно привести множество примеров того, как государство злоупотребляло властью, нарушая собственный закон, и *ни одного* — когда оно несло бы за это ответственность. Нас уверяют, что с некоторых пор все будет иначе. Как? Благодаря чему?

Не станем заблуждаться. Даже самые лучшие законы, созданные человеком, отличаются от природных тем, что автоматически, сами собой не действуют. Выполнение их обеспечивают люди, наделенные правами и, естественно, *независимые* от государственной власти. Это последнее условие *абсолютно* обязательно, ибо, будем откровенны, главную опасность для людей представляет не отдельный преступник, а государство, ставшее на путь преступлений, страшная машина, вырвавшаяся из-под контроля народа.

Принцип разделения властей Монтескье сформулировал в 1748 году. С тех пор прошла целая эпоха, насыщенная переменами в самых различных областях жизни. Характерно, однако, что за 240 лет мировая юридическая мысль не предложила чего-то другого; принцип разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной) и сейчас остается *единственной* реальной основой правового государства.

Естественно было бы ожидать, что Генеральный секретарь, предлагая партийной конференции программу формирования социалистического правового государства, хотя бы намекнет, как он собирается решить эту проблему. Создать судейский корпус, полностью независимый от партии и обладающий достаточной властью, чтобы заставить ее уважать законы? Или он сумел сделать то, чего не смог никто другой, — придать законам способность действовать автоматически?

Увы, ничего этого мы не услышали. ”Новизна” состоит в том, что судьи будут теперь избираться высшестоящими советами и на больший срок, а число заседателей при рассмотрении ”наиболее сложных дел” возрастет с двух до, положим, четырех. Эффект очевиден. Отныне суд (в составе судьи и четырех *кивал*) будет выполнять указания не районных, а областных властей и на протя-

жении не пяти, а десяти или пятнадцати лет. Эту систему, видимо, и надлежит отныне именовать социалистическим правовым государством...

Я вовсе не утверждаю, что новое положение ничего не изменит. Мы помним, что смысл борьбы за гражданские права состоял в том, чтобы заставить власти *соблюдать* хотя бы *собственные* законы и действовать в пределах *своей* компетенции. В этом смысле предлагаемый порядок действительно может кое-что изменить. Похоже, Горбачев и стремится к тому, чтобы ограничить произвол *местных* властей, оставив право на произвол лишь высоким инстанциям.

В книге Игоря Губермана "Чудеса и трагедии черного ящика", вышедшей в СССР лет двадцать назад, есть любопытный эпизод. Врачи маленького немецкого княжества сделали ужасное открытие: глава государства — психически болен и болезнь эта тянется много лет. Поднялась паника, стали проверять дела. При этом выяснилось нечто еще более страшное: психически ненормален и премьер-министр. Срочно создали авторитетную комиссию, которая самым тщательным образом изучила все сферы государственной деятельности. И что же? Ни одного сколько-нибудь существенного нарушения комиссия не обнаружила. "Вот что такое система", — резюмирует автор.

ГЛАВА VI. РАЗНОЕ.....

"Говори, если тебе есть что сказать", — гласит мудрая восточная пословица. По поводу резолюции о международных отношениях мне сказать нечего. С одной стороны, жизнь с ее круговоротом проблем (Нагорный Карабах, судьба крымских татар, демографическая ситуация в Прибалтике, вымирание малых народов Севера, "узбекское дело"...), с другой — водопад лозунгов, пустых и звонких слов, благих пожеланий. До чего же, оказывается, все просто. Вернуть динамизм... не абсолютизировать результаты... настойчиво утверждать и творчески развивать... решительно очищать от искусственных наслоений и деформаций... Прямо вслед затем Президиум Верховного Совета, обсуждавший судьбу Нагорного Карабаха, продемонстрировал, как следует решать национальный вопрос на практике. "Принять необходимые меры". "Обеспечить укрепление дисциплины". "Решительно пресекать всякую деятельность, направленную на разжигание..."

Международные отношения — именно тот перекресток, где Горбачев и его противники сходятся, где новые, смелые, подлинно революционные идеи генсека не встречают сопротивления консерваторов. Как вы думаете, почему?..

Честь выступить застрельщиком борьбы с бюрократизмом по праву принадлежит Владимиру Ильичу. Оно и понятно. Введя рабочий контроль на предприятиях, он подкрепил его скромным аппаратом СНХ (в 1921 году — каких-нибудь четверть миллиона чиновников). Пришлось, естественно, начинать борьбу. С тех пор аппарат вырос в 72 раза — соответственно и борьба обострилась. Боюсь, что одной резолюцией конференции сейчас уже не поможешь. Вот ужо соберем Пленум...

Может показаться, что я пессимистически оцениваю будущее. Это не совсем верно. На конференции много и упорно говорилось, что партия — единственная сила, которая способна возглавить перестройку. Если бы это было верно, шансы на успех были бы, правда, близки к нулю. Кто же станет перестраивать систему в ущерб собственным интересам?

К счастью, дело обстоит не так плохо. Секретари обкомов и крайкомов, именующие себя партией, несколько преувеличивают свою власть, свою способность определять ход событий. Еще недавно так было. Но положение меняется. Огромная страна пришла в движение, и движение захватило самые разные сферы жизни: экономику, политику, идеологию, печать, национальные отношения... Удержать эти многосложные процессы под контролем вряд ли удастся. Как сказал (по другому поводу) Карл Маркс: "Последствия этого факта неисчислимы".●

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

День 18 июля, когда состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, разделил события вокруг Нагорного Карабаха на два отчетливо разных периода — до и после. "До" — армяне все еще надеялись, вопреки очевидности, на благоприятное (пусть компромиссное) решение, а азербайджанцы сомневались в успехе — слишком сильны были доводы сторонников передачи НКАО из одной республики в другую. "После" — всем все стало ясно: вопрос решили не доводы, а соображения совсем иного порядка.

Но сначала о том, что происходило в Армении и Азербайджане на протяжении месяца, предшествовавшего заседанию. 21 июня в Степанакерте состоялось заседание областного совета НКАО, которое транслировалось по местному телевидению. В совете — около 140 депутатов, из них менее 30 — азербайджанцы. В заседании участвовали председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Татлиев и второй (по традиции представляющий Москву) секретарь ЦК КП Азербайджана Коновалов. Нетрудно понять, чего они добивались. Однако сессия подтвердила прежнее (февральское) решение совета о выходе из состава Азербайджана и вновь обратилась к Верховному Совету СССР с просьбой рассмотреть вопрос о НКАО. Вместе с тем совет просил — "в ожидании положительного и окончательного решения нагорно-карабахской проблемы" — передать область под управление Совета Министров СССР. Из других решений отметим требование передать слушание дел о сумгаитских погромах Верховному суду СССР и призыв к жителям НКАО прекратить забастовки в преддверии XIX партконференции.

Реакция населения Степанакерта на этот призыв была смешанной. Часть населения вышла на работу, другие продолжали забастовку и даже провели в городе демонстрацию, протестуя против компромиссного характера резолюции. В Степанакерт были введены войска, воздушное сообщение с городом прекратилось.

В Ереване демонстрации в поддержку решения сессии проходили 21 июня и в последующие дни. Демонстрации и митинги шли и в защиту арестованного Паруйра Айриkyяна.

30 июня делегаты XIX партконференции — председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР — Грант Восканян, ректор Ереванского университета Сергей Амбарцумян и Эдуард Джрбашян — провели в Москве пресс-конференцию, на которой предложили три компромиссных варианта решения проблемы Нагорного Карабаха. Включить область в состав Ставропольского края. Предоставить ей статус отдельной автономной области в составе РСФСР. Передать НКАО под прямое управление Совета Министров СССР.

Девятнадцатая партконференция прямо вопрос о НКАО не рассматривала. Однако в заключительном слове М.С.Горбачев заявил о невозможности "изменения границ" между республиками. Естественно, что это вызвало новую вспышку волнений.

Уже 3 июля состоялись массовые митинги в Ереване. На следующий день началась забастовка, которая быстро охватила почти все предприятия города. В ночь с 4 на 5 июля прекратили работу сотрудники аэропорта "Звартноц". Здесь собралось около 400 пикетчиков и еще около 1500 — вокруг него.

Аэропорт окружили войска, ведущее к нему Эчмиадзинское шоссе было перекрыто. После того, как переговоры между военным командованием и пикетчиками не дали результатов (хотя, по некоторым данным, стороны были близки к соглашению), войска предприняли штурм. Пикетчиков избивали дубинками и прикладами автоматов. Армянская милиция пыталась предотвратить расправу, загородив пикетчиков от солдат. Однако безуспешно. Видимо, армия получила приказ не только очистить аэропорт, но и дать "предметный урок" населению республики: советское руководство пока не имеет опыта борьбы с "тихими" забастовками. По меньшей мере один человек — студент Хачатур Захарян — был убит во время штурма.

Захваченный аэропорт был использован для переброски подкреплений. Срочно были доставлены по воздуху солдаты, танки, броневики. Войска вошли в Ереван, Театральную площадь окружили танки. В городе был введен комендантский час.

Танки на Театральной площади Еревана

Забастовка охватила всю Армению. Бастовали промышленные предприятия, учреждения, магазины, транспорт. Правда, метро работало, но плату за проезд не взимали. В связи с событиями в аэропорту в республике был объявлен трехдневный траур.

7 июля войска покинули центр города и разместились на окраинах. В тот же день состоялись торжественные похороны убитого в аэропорту Захаряна. Траурная процессия (более 100 тысяч человек) прошла через весь город к Шаумяновскому кладбищу и вернулась на Театральную площадь, где состоялся митинг.

Но особенно грандиозным был митинг 8 июля — в нем участвовало 800 тысяч человек, почти все взрослое население Еревана и окрестностей. Участники митинга потребовали наказания виновников расправы в аэропорту. Митинги проходили и в Степанакерте, и во многих городах Армении.

8 июля власти объявили, что дела обвиняемых в сумгаитском погроме будут рассматриваться в РСФСР. Имена подсудимых и названия судов сообщены не были. Но было сказано, что обвинения включают убийство, грабеж и организацию массовых беспорядков. Это означало, что удовлетворено (хотя бы частично) одно из требований бастующих.

Вместе с тем 9 июля войска снова вошли в город, блокировали Театральную площадь и начали патрулировать улицы. Въезд в Ереван был разрешен только его жителям. Часть предприятий возобновила работу, но большинство продолжало бастовать.

11-го забастовка возобновилась в полном объеме. Правда, автобусы еще работали, но рядом с каждым водителем сидел

солдат. Около 300 армянских комсомольцев вернули в эти дни членские билеты, считая для себя невозможным состоять в одной организации с солдатами, учинившими побоище в аэропорту.

12 июля областной совет НКАО предпринял решительный шаг: объявил, что область отделяется от Азербайджанской ССР и — под названием Арцах — входит в состав Армении. Вечером того же дня Верховный Совет Азербайджана объявил это постановление недействительным и противоречащим конституции. Ответ руководства НКАО тоже последовал незамедлительно. "Мы ничего не ожидаем более от Верховного Совета Азербайджанской ССР, — заявил председатель областного совета. — Все связи с ним прерваны".

Обстановка продолжала обостряться. В Степанакерте начал ощущаться недостаток продуктов питания. Азербайджанские власти фактически блокировали НКАО, не пропуская туда машины с продовольствием из Армении. Автобусное сообщение между Степанакертом и армянскими городами Кафан и Кировакан было прервано. Автобусы в Ереван ходили через день в сопровождении милиции. 14 июля азербайджанские власти не разрешили посадку в аэропорту Степанакерта самолета из Еревана...

*

Сюжет заседания Президиума Верховного Совета СССР одновременно и прост, и сложен. Прост потому, что все было решено заранее и оставалось только надлежащим образом оформить "процедуру" — то есть провести заседание так, чтобы отчетливо выявились два момента. Во-первых, демократический характер обсуждения. Во-вторых, что принято решение, как любил выражаться Леонид Ильич, — "единственно правильное", чего не могут не признать даже противники. Сложность же состояла в том, что ничего из этого не вышло: ни демократии, ни единодушного признания.

Провал определился уже в первом акте — когда выступил председатель Президиума Верховного Совета Армении Г.М.Восканян. Он напомнил известное решение ревкома Азербайджана, который своим декретом от 1 декабря 1920 г. признал Нагорный Карабах "неотъемлемой частью Советской Армении"; напомнил, что это решение приветствовали Ленин, Киров, Орджоникидзе; наконец, оно было подтверждено и на заседании Кавбюро ЦК РКП(б) 4 июля 1921 г. Правда, потом, по настоянию Сталина, решение было пересмотрено (формально со ссылкой на угрозу "неизбежной активизации антисоветских сил в Азербайджане", а фактически — в угоду Турции), но ни

тогда, ни позднее никто не сомневался, что Нагорный Карабах — часть Армении и основное население там — армяне. Просто в начале 20-х годов национальный вопрос считался второстепенным, куда важнее был союз с Турцией, открывавший мировой революции путь на Восток...

Сейчас уже вполне очевидно, что оба эти соображения оказались ошибочными. Мировая революция не состоялась, прошедшие годы не сняли, а обострили национальные проблемы. Население Нагорного Карабаха и ныне остается по преимуществу армянским, и оно, это население, вполне определенно высказалось за присоединение к Армении. Что можно этому противопоставить?

Ничего. Единственный сколько-нибудь серьезный довод "против" — экономические связи области с остальным Карабахом — был легко опровергнут представителями Армении. Осталось одно: так должно быть, потому что так есть. Именно вокруг этого нехитрого тезиса вертелись выступления и Горбачева, и руководителей Азербайджана, и "нейтралов".

С логической точки зрения, конструкция "должно быть, потому что есть" не выдерживает критики. Однако значение этого принципа — не в логике, а в советской политике — не следует недооценивать. В первых, действует принцип: "а что если каждый захочет?" Власти опасаются цепной реакции требований перекройки национальных границ как в этом, так и в других регионах страны. Во-вторых, опасным для властей прецедентом была бы уступка под давлением масс: не случайны гневные филиппики против "уличной демократии"(!). Сохранение status quo важно не только во внутренних делах, но и для отношений СССР с внешним миром — с теми странами, чьи территории Советский Союз в свое время захватил и отнюдь не намерен возвращать. Ясно, что эта "основополагающая" идея куда значительнее, чем логика или судьба народа какой-то там области...

Легко заметить, что именно этот момент предопределил весь ход обсуждения. И в выступлении, и в "вопросах", которыми Горбачев бесцеремонно перебивал оппонентов, постоянно звучал призыв к компромиссу. Однако компромиссные варианты, предлагавшиеся представителями Армении, его не удовлетворяли, ибо затрагивали "существующую реальность".

В ходе обсуждения и сам Горбачев, и другие члены Верховного Совета СССР ссылались на конституцию, которая, дескать, "требует", "запрещает" и прочее. Это, конечно, смешно. Советская консти-

туция — документ изначально неконституционный, призванный выполнять сугубо декоративные функции. В других случаях конституция отнюдь не удерживала советских руководителей от неконституционных действий. Но даже если рассуждать исключительно в рамках конституции, то нельзя забывать, что в ней кроме ст. 78 (о невозможности изменить границы республики без ее согласия) есть еще ст. 70 о праве наций на самоопределение, явно не менее значительная. Население Нагорного Карабаха свою волю к самоопределению выразило достаточно ясно.

Итак, решение Президиума было предопределено. Однако в процессе обсуждения было немало моментов, дающих представление о подходе нынешнего советского руководства к действительно сложным проблемам страны, о "новом стиле". Особенно интересен в этом смысле диалог М.Горбачева с ректором Ереванского университета С.Амбарцумяном.

Собственно, первоначально это было обычное выступление депутата Амбарцумяна, в "диалог" его превратил Генеральный секретарь, который просто не желал слушать правды. Последовал "прямой вопрос": "Вы уверены, что говорите от имени народа?" Амбарцумян ответил достойно, объяснив, что говорит от имени своих избирателей. А что было бы, если бы аналогичный вопрос он задал Горбачеву и всем остальным присутствующим? Кто из них мог бы сказать, что выражает чье-то мнение, кроме собственного и узкой группы функционеров?

*

Есть всего два пункта, по которым Горбачев счел возможным подправить "существующую реальность". В НКАО направлен представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР А.Вольский "для организации и координации работы партийных, советских и хозяйственных органов Азербайджана, Армении и НКАО". На пресс-конференции в МИД, которая состоялась 19 июля, кандидат в члены Политбюро П.Демичев заявил, что в Совете Национальностей создана комиссия, которой поручено рассмотреть вопрос о повышении статуса НКАО до уровня автономной республики — разумеется, в составе Азербайджана.

Было понятно, что эти меры (практически ничего не меняющие) не вызовут восторга в Армении. Поэтому уже 18-го, перед началом заседания Президиума, в Ереван были введены дополнительные воинские части. По некоторым данным, общее число солдат в городе и его окрестностях достигло 200 тысяч. Если это верно, значит,

народ Армении нуждается в "братской помощи" даже больше, чем народ Афганистана.

Почти одновременно начались поиски "виновников". Было арестовано несколько человек, обвиняемых в захвате аэропорта, еще двое — за хранение бутылок с зажигательной смесью, уволены и привлечены к ответственности некоторые организаторы "незаконных" забастовок. 21 июля армянская газета "Коммунист" выступила с резкими нападениями на членов комитета "Карабах". Газета перечислила их поименно: завуч средней школы Ашот Манучарян, преподаватель Самсон Казарян, сотрудник лаборатории социологических исследований Амбарцум Галстян, член-корреспондент АН Армении Рафаэль Казарян, член Союза писателей Варо Сирадегян, доктор физико-математических наук Левон Тер-Петросян и другие.

Пропагандистская кампания развернута и против созданного в Нагорном Карабахе (и официально зарегистрированного в облисполкоме) комитета "Крунк" — по-армянски "журавль", символ тоски по родине. Хотя в конце марта комитет по решению Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР был распушен, он продолжает действовать. Его называют и иначе — "Комитетом 55". В составе комитета 47 членов партии, 7 членов обкома и горкома, 4 депутата областного и городского советов, 22 руководителя предприятий...

25 июля на большинстве предприятий Еревана работа возобновилась. Почти прекратились и забастовки в Степанакерте. 29-го, после длительного перерыва, в столице Армении состоялся митинг протеста, в котором участвовало от 300 до 500 тысяч человек. Однако к этому моменту стало уже ясно, что обычные средства борьбы исчерпаны, что дальнейшие забастовки и демонстрации не приведут ни к чему, кроме усиления репрессий. В Армении установилось напряженное перемирие — время для размышлений о том, каковы должны быть очередные шаги. Ясно, что это именно перемирие, но далеко не мир.

Победа Горбачева? Не будем торопиться. Вспомним, что нынешнее решение Президиума Верховного Совета — не первое по Нагорному Карабаху. Например, за мартовским отказом Москвы последовала месячная пауза, а затем все началось сначала. Это естественно — ведь проблема осталась.

Но еще важнее другое. И Горбачев, и другие участники заседания Президиума много говорили о том, какой вред нанесли события в НКАО и Армении "делу перестройки". Утверждение это сомнительно.

А вот то, что решение Президиума и сама процедура его принятия не имеют ничего общего с демократией — бесспорно. Вся эта история наглядно показала, что нынешнее руководство до сих пор живет в мире привычных шаблонов, не понимая, что времена грубой силы и лозунгов прошли, что новые проблемы и решать надо по-новому. ●

КАПИТАЛИЗМ ПУТЕМ НАТУРАЛЬНОГО ОБМЕНА

Знаменитая канадская фирма "Макдональдс" прибывает в Москву. По подписанному в апреле соглашению, вскоре здесь будет открыто 20 ресторанов, где москвичи смогут поглощать гамбургеры, чизбургеры и биг-мэки (булочки-сэндвичи с котлетами, сыром, овощами и кетчупом, отличающиеся, в основном, толщиной), фишбургеры (то же, но с рыбой), кусочки жареной курятины с соусом на выбор, жареную картошку, яблочные жареные пирожки и пить кока-колу, кофе или молочные коктейли. То есть — делать то, что делает уже давно почти весь мир. Fast-food, "быстрая еда", по-нашему — забегаловка, но без уничтожительного оттенка, который имеет это русское слово. Вкусно, чисто, быстро, дешево. Главный недостаток, он же — достоинство — все предельно стандартизовано. Меню одинаково на всех континентах. Только в странах немецкой культуры "Макдональдс" сделал одно-единственное исключение: в рестораны допущено пиво. Иначе никто туда не пойдет.

В Москве никаких уступок национальным традициям делать не надо. Представитель Москвы, улыбаясь, заявил, что местоположение будущих ресторанов заранее раскрыто не будет, иначе москвичи за год начнут занимать очередь. И прав, конечно, хотя для москвича "Макдональдсы" не будут дешевы. Самый толстый сэндвич, биг-мэк (Большой Мэк), будет стоить 2 рубля.

Раскроем местоположение одного из "Макдональдсов" — улица Горького. Здесь во второй половине 1989 г. откроется ресторан на 650 посадочных мест. Второй ресторан будет торговать только на валюту, кормить иностранцев, так что его местоположение малоинтересно. Остальные откроются позже.

Для подготовки полуфабрикатов для "Макдональдсов" в Москве будет выстроена фабрика-кухня общей площадью 9 тыс. кв. м. Штат будет советским, но управляющие приедут из-за рубежа. Президент фирмы Джордж Кохон считает, что московское отделение со временем станет

крупнейшим отделением его фирмы. Фирма эта сейчас имеет по всему миру 500 ресторанов с 54 тысячами служащих и с годовой суммой продажи 1250 млн. долларов.

"Макдональдс" – не единственная фирма Нового Света, которая устремляется (или хотела бы устремиться) на советский рынок, какой, как можно надеяться, преобразится в ходе перестройки. Москвичи уже попробовали первые порции "астро-пищцы", ее привез туда американец Патрик Ферранте. Конкуренцию ему хотят составить Pizza Hut и Roma Pizza, – как и "Макдональдс", известные предприятия "быстрой еды".

Но забегаловки – не единственные предприятия, которые будут открыты в Советском Союзе в рамках закона о совместных предприятиях, дающего иностранным фирмам 49% акций ("Страна и мир", № 5, 1987 г.). Honeywell Inc. будет строить заводы удобрений. Знаменитый Арманд Хаммер решил участвовать в сооружении фабрики пластмасс в Сибири. В июне McDermott International и Combustion Engineering объявили о планах строительства в Западной Сибири двух нефтехимических заводов. Советский рынок привлекает многих прежде всего своей потенциальной необъятностью. Вице-председатель компании RJR Nabisco Роберт Карбонел считает, что это третий по величине рынок табачных изделий в мире, и говорит, что его компания непрочь бы туда проникнуть. Самые экстравагантные предложения продолжают поступать в советские торговые организации: пластиковые покрытия для плавательных бассейнов, одноразовые пленки, лабораторное оборудование для диагностики СПИДа, одежда для сафари. "Все они воодушевлены одной идеей: советским это понравится, – говорит сотрудник американского посольства в Москве. – Конечно, понравится. Только как они будут за это платить?"

Вот именно. Это и есть вопрос вопросов. Нужна валюта, ибо зачем иностранным участникам совместных предприятий "мягкие" рубли. Вывозить их бессмысленно, ибо стоят они за рубежом немногим более бумаги, на которой напечатаны. И такая ситуация сохранится до тех пор, пока рубль не укрепится настолько, что сможет стать конвертируемым. Ныне же компаниям приходится изобретать изощренную стратегию бартерной торговли, чтобы как-то материализовать свои "рублевые" доходы.

Старейший торговый партнер из США – фирма "Пепси-кола", продающая свою продукцию в СССР уже в течение почти 15 лет, торгует на американском рынке советской водкой. "Кока-кола", которая в прошлом году начала вво-

зить в Советский Союз концентрат своего знаменитого напитка, посредничает в торговле с Западной Европой советскими автомобилями "Лада", получая от этого валютный доход. Combustion Engineering и Honeywell зарабатывают твердую валюту, экспортируя советскую нефть и удобрения. Но не всем удается придумать подходящие варианты. Один из старейших бизнесменов, работающих в Москве, резюмирует: "Многие приходят и уходят ни с чем, ибо советская сторона пытается делать бизнес без денег". Но ведь еще Антоша Чехонте замечал, что "кислород – это химиками выдуманый дух. Говорят, что без него жить невозможно. Чепуха! Только без денег жить невозможно".

Проблема реализации дохода – главная, но не единственная. Например, как доставать сырье в рамках экономики, которая не может обеспечить самое себя. Pizza Hut, которая хочет осенью открыть в Москве свою "забегаловку", давно ищет советский эквивалент необходимого для производства пиццы итальянского сыра "моццарелла". Нелегкая задача в стране, где сейчас известен лишь один сорт сыра, – под названием "сыр". Для компании Combustion Engineering вот уже в течение более полугодя неразрешимой задачей оказывается найти подходящее конторское помещение. Вице-президент Honeywell Джеймс Веррант вынужден был открыть для советского персонала ускоренные курсы счетоводства. "В советской экономике, оказывается, не понимают, что между затратами и ценой существует связь", – с удивлением констатировал он.

Ветеран советско-американской торговли компания "Пепси-кола" сетует еще на одну непредвиденную трудность в расширении рынка. Ричард Нортон, вице-президент компании для стран Восточной Европы, говорит: "В отношении стратегии рынка мы вернулись в 30-е годы, в почти забытую дотелевизионную эру". Реклама фактически отсутствует. Лишь в июне Гостелерадио согласилось продать компании для ее рекламы небольшое телевизионное время (60 сек). И это практически все. В остальном же компании приходится полагаться на то, что ее товар будет продан только потому, что он иностранный, а значит, по определению, лучше, чем отечественный.

За 15 лет компания открыла в Советском Союзе 20 заводов по розливу пепси-колы, надеется открыть еще 26, но объем торговли ее далеко не удовлетворяет. "За 15 лет мы добились лишь того, что продаем 1 бутылку на душу населения за 3 месяца!"

И все же многие компании, "Кока-кола" и "Макдональдс" в их числе, готовы рискнуть.

Они хотят сунуть ногу в дверь в надежде, что со временем советский рынок станет более гостеприимным. Главное здесь – терпение. Бизнесмены чувствуют, что советская сторона действительно заинтересована в сотрудничестве с ними, и искренне желают перестройке успеха.

Омрачает положение то, что контакты с советским рынком начинаются в то время, когда вот уже в течение ряда лет с большим скрипом налаживается сотрудничество с рынком китайским. Результаты пока не очень обнадеживают. Борьба с китайской бюрократией, устойчивость идеологических барьеров, недостаток валюты, неуверенность в долговременности проводимых реформ... Все эти и многие другие факторы существуют и в Советском Союзе.

Неудивительно, что соблазн борется с осторожностью. Пока же капитализм пытается извлечь что можно из допотопной бартерной торговли, из натурального обмена. Так мореплаватели торговали с островитянами, оставляя на берегу соблазнительные товары и ожидая, что их заберут, положив взамен отборные кокосы. ●

МЕРТВЫЕ ДОМА И ЖИВЫЕ ЛЮДИ

*"Ты только посмотри,
чтоб цел был дом поэта".*

В феврале 1987 г. Пушкинский музей на Мойке, 12 снова принял посетителей. Уже в первые дни после открытия многие, хорошо знавшие и любившие этот музей до революции, с грустью констатировали: что-то ушло из него, здесь больше нет Пушкина. Один из ученых-пушкинистов иронически заметил: "Была одна мемориальность, теперь мемориальность другая".

Несмотря на постоянную информацию в печати и по телевидению о ходе работ, почти никто не ожидал, что реконструкция окажется столь смелой. Восстановлена уже парадная лестница, в квартире появились паркетные полы (согласно плану дома и сохранившимся сметам), акцентированы старые подвалы, но... повышен уровень пола (случайная техническая ошибка?), стены получили яркую рамочную окраску. Долгожданное новоселье на Мойке чем-то напоминало получение квартиры в новом районе.

Строгие, благородные и обобщенные формы ампира ассоциировались прежде с гармоничным миром Пушкина. Теперь пространство сплющено, искривлено, перекрыто ширмами, перегородками, образует тупики и лабиринты. Квартира герметизирована глухими занавесками и фанерными ламбрекенами, закрыта от набережной Мойки, ее знаменитой решетки (между тем как человек, которому музей посвящается,

был открыт миру, Петербургу, человечеству и истории, а не замкнут в скорлупе семейной жизни). Зато как много новой информации выносит теперь посетитель! Он знает, что жена Пушкина была помощницей в его литературных делах, что брат ее, Дмитрий, красив, что нераспространенные экземпляры "Истории Пугачева" и "Современника" хранились совсем как у нас в малогабаритных квартирах, в коридоре на досчатых полках, сбитых наскоро, рядом с детской.

Так уникальное явление затмевается другими неожиданными сюжетами и ассоциациями. Новые впечатления уводят от главного: памятной скорбной темы квартиры. Впервые в истории этого дома возникла претензия реконструировать его как дом Волконских и наполнить второй и третий этажи обширной литературой.

Трагедия жизни и смерти поэта стала великим обобщающим символом и культурным мифом, который делает последнюю квартиру Пушкина уникальным памятником и событием русского национального сознания. Нужно избежать засорения этой главной темы.

Дом Пушкина на Мойке имеет другую судьбу, нежели Ясная Поляна или дом Гете в Веймаре, которые еще при жизни писателей стали их музеями. На Мойке мы всегда имеем дело с реконструкцией квартиры поэта, которая зависела как от состояния музейного дела, так и от понимания образа великого поэта, жизни его и гибели.

С первых лет советской власти начинается мемориализация дома Пушкина. Вот ее этапы.

1925 г. – Определено местоположение кабинета Пушкина. Экспозиция имеет условно-символический характер. Отмечены места, где поэт умирал и где потом стоял его гроб.

1937 г. – Мемориализован кабинет. В остальных комнатах – историко-литературная композиция. Осторожность, историзм, научная точность работы В.В.Томашевского, Д.П.Якубовича, В.В.Шапошникова – старых пушкинистов.

1965 г. – Мемориализация всей квартиры в объеме плана Жуковского (7 комнат). Работы велись под руководством доктора исторических наук С.С.Ланды, при консультациях научных сотрудников Эрмитажа В.М.Глинки и Т.М.Соколовой. Не вдаваясь в бытовые подробности, экспозиция создавала точный, эстетически выверенный образ.

1987 г. – Восстановление исторического вестибюля, парадной лестницы и квартиры в ее полном объеме "от ворот и до ворот дома", включая и "гончаровскую половину". Архитектурно восстановлены все 11 комнат, отмеченных в контракте по найму, посетителям открыты девять. Над экспозицией работал авторский коллектив под руководством Н.И. Поповой, худож-

ник Т.Н.Вороникина, архитектор К.Л.Кочергин. Две новые мемориальные комнаты "гончаровской половины" за неимением исторических свидетельств решены условно.

Два документа, имеющиеся в распоряжении потомков, вступили в полемику в экспозициях 1965 и 1987 гг.: контракт о найме Пушкиным в доме Волконских квартиры из 11 комнат и план В.А.Жуковского, фиксирующий в письме к отцу погибшего лишь 7 комнат, без гончаровских четырех.

Эти документа существуют на разных уровнях. Один – бытовой, житейский, хозяйственный – фиксирует прозаические обстоятельства обывденной жизни пушкинского семейства. Другой – свидетельство друга поэта – фиксирует и комментирует то пространство, где разворачивалась трагедия. Прежний объем и жанр музея были продиктованы планом Жуковского. В настоящее время восторжествовала "архитектурная истина", но освоение гончаровской половины неизбежно перевело трагедию в житейский план.

Исходя из анализа плана Жуковского, в 1965 году условная экспозиция размещалась только в детской комнате, которая на чертеже не отмечена номером, не обременена бытовыми пометами. Пустая комната с портретом Пушкина (так называемым "линевским"), его окровавленным жилетом и портретами его друзей, была символической прелюдией к кабинету.

Цифрой 1 Жуковский обозначил Кабинет. ("Настоящее место писателя есть его ученый кабинет" – слова Пушкина). Комната, где он работал и потом умирал, прорисована тщательно всего на плане. Это было место всех устремлений экспозиционеров разных поколений, создававших контекст квартиры вокруг Кабинета, и цель повествования, стремившегося к трагической развязке, к дивану между полками книг, с которыми гений прощался перед смертью, как с друзьями.

Теперь в кабинете письменный стол отодвинут от окна для удобства экскурсантов, хотя Пушкин снимал эту квартиру четыре осенне-зимних месяца и в темном углу работать было бы невозможно.

Первое, что видел пришедший на Мойку, 12, была та дверь, из которой последний раз вышел поэт морозным январским утром и в которую он был внесен на руках верным дядькой. "Грустно тебе нести меня?" Эти слова, сказанные старому Никите, звучали в вестибюле на лестнице, а в воображении вставали потрясающие сцены и образы. Удивительно, но сегодня эти мотивы почти потеряны – посетители входят в дом

через яму-бункер с противоположной стороны, и памятный вход исчезает из их сознания.

Как же случилось, что документу поэтического ряда предпочтен был документ житейски-обывденного плана, как мог состояться столь рискованный музейный эксперимент? Вероятно, в основе его лежит целый комплекс причин, субъективных и объективных. Некоторые аргументы и стимулы можно обнаружить в области современного массового восприятия Пушкина, в характерных особенностях и даже некоторых странностях этого процесса.

Наступила эпоха всенародного признания Пушкина, поклонения гению. Радуюсь за него, присмотримся все же к тому явлению, вторжение в которое может и должно быть самым осторожным. Сфера поклонения расширяется и втягивает все новые объекты. Процесс этот ведет к снятию всех противоречий, к антисторицизму. О Гончаровых, о Ганнибалах теперь принято говорить только в исключительно положительном смысле, подчас с ненужным умилением: ведь это родственники Пушкина. Такие интонации можно услышать в Петровском, в Полотняном Заводе, на Арбате, а теперь на Мойке, 12.

Когда мы говорим "мемориальная квартира поэта", то мы надеемся увидеть то пространство, которое хранит память о его голосе и движениях, мы хотим увидеть вещи, которые окружали гения, существовали возле и рядом с ним. Мы надеемся усилием воли, памяти и воображения пережить эффект присутствия в том времени, истаявшем полтора века назад.

Заполнение мемориальной квартиры новоделами, муляжами, мебелью, предметами быта, ширмами, жесткими перегородками приводит к обесцениванию мемориальности и девальвации реликвий.

Можно ходить по новой квартире, спорить о раскраске стен и качестве занавесей, слушать о замужестве Екатерины Гончаровой и доброте ее брата Дмитрия, можно, взглянув на окна кабинета, увидеть новый "мемориальный дворик" (с непоследовательно уцелевшей в ходе реконструкции скульптурой работы Дыдыкина, поставленной здесь в 1950 г.). Но музей потерял свою прежнюю силу, и многие лишились доверия к нему.

Эксперимент над мемориальным памятником стал экспериментом над памятью нескольких поколений. ●

Э.Лебедева

Заметка опубликована в № 7 ленинградского самиздатского журнала "Вестник Совета по экологии культуры".

Гавриил ПОПОВ (Москва)

ДАТЬ ВЗЯТКУ ГОСПЛАНУ...

Пятидесятилетний Гавриил Харитонович Попов – один из самых известных ныне советских экономистов. В настоящее время он возглавляет журнал "Вопросы экономики" и кафедру организации методов управления экономического факультета МГУ. Кроме того, Г.Х.Попов является консультантом ЦК КПСС по проблемам современной советской экономики. Ее подробный анализ и перспективы вкупе с рекомендациями легли в основу закрытого исследования, подготовленного Г.Х.Поповым по заданию ЦК специально для XIX партконференции.

В апреле этого года Г.Х.Попов выступил перед московским партактивом, "осуществляющим руководство" инженерными вузами столицы. Публикуем текст этого выступления.

По вопросам хода перестройки можно говорить очень много и очень конкретно. Но я все-таки хотел бы остановиться не на частных вопросах. Дело в том, что практический опыт, который мы накапливаем в ходе перестройки, заставляет нас снова и снова возвращаться к более общим вопросам. Если мы сейчас начнем заниматься частностями, то в них можно утопить весь смысл дела, которое мы начали. Я хочу остановиться на следующих вопросах: во-первых, несколько слов о самой необходимости перестройки; во-вторых, о тех вариантах перестройки, которыми мы располагали; в-третьих, о том варианте, который выбрали; в-четвертых, о тех решениях, которые принял июньский Пленум прошлого года, – то есть о конкретном варианте перестройки; и, наконец, в-пятых, – о ходе реализации этого варианта и возникших при этом проблемах.

Сначала – о самой необходимости перестройки. У нас иногда сводят ее к каким-то конкретным экономическим показателям. В общем-то, говорят правильно: о падении темпа, о снижении фондоотдачи и т.д. Но каждый из этих показателей можно по-разному оценивать и по-разному оспаривать. Можно говорить о падении темпа по выплавке металла, а с другой стороны – такое количество металла в том виде, в каком он есть, стране не нужно. Короче говоря, сами по себе эти показатели большой нагрузки не несут. Гораздо важнее более общие выводы, которые состоят в том, что по десятку параметров экономической и производственной жизни мы катастрофически отстали от современного мирового уровня, от современного этапа развития мировой цивилизации. Если бы мы не вступили в перестройку, нам грозила бы перспектива превратиться во второразрядную державу: по существу мы были уже недалеко от завершения этого процесса. Просто мы даже не представляем себе масштабов нашего отставания.

Вот пример: геологический факультет нашего университета. Как он работает? Так, как всегда работали геологи. Летом они ходят в экспедиции, собирают камни, для каждого камня надписывают этикеточку – где его нашли и т.д. После этого всю зиму записи обрабатываются и с учетом найденных камней разрабатываются новые маршруты на следующее лето. Я наблюдал, как работают геологические партии в США. Они тоже собирают камни, тоже их описывают, а вечером по радию передают собранные за день данные на искусственный спутник Земли. Через два дня они получают новый геологический маршрут. При этом интенсивность поиска полезных ископаемых возрастает примерно раз в двадцать. Замечу, что описанное мною я наблюдал еще 15 лет назад.

Таких примеров можно привести множество. Вот у нас обсуждаются вопросы переброски и расходования водных ресурсов. Когда-то я был в Калифорнии на плантации ананасов. Цикл обработки этой культуры составляет примерно полтора года. Система была такая: на глубине примерно 30–40 см закапывались пластиковые трубы, к корням ананасов закладывались датчики, собиравшие информацию о количестве влаги в данный момент в земле; всем процессом управляла ЭВМ, вода подавалась непосредственно к корневой системе, и ни капли лишней. Но это еще не самое интересное. Я спросил: ведь это же очень трудоемко — по окончании цикла, через полтора года, выкапывать трубы и закладывать их в новое место. Мне ответили, что трубы выкапывать не нужно. Оказывается, трубы сделаны из такого материала, который через полтора года за один месяц автоматически разлагается и при перепаживании почвы становится удобрением. Вообще же вся Калифорния имеет две водоснабжающих трубы (одна диаметром 2 м, другая — полтора), и этих двух труб хватает, чтобы напоить весь штат, который кормит фруктами все Соединенные Штаты... Короче говоря, речь идет о том, что мы просто живем в другой эпохе и даже не понимаем масштабов нашего отставания. То же самое относится к оснащению школьных классов, библиотек, размножению текстов и многому, многому другому.

Таким образом, речь шла о том, чтобы понять, что нам необходимы принципиальные изменения, что страна находится в предкризисном состоянии, и кризис этот не только экономический. Чисто экономических кризисов не бывает. Всегда, когда начинается крупный экономический кризис, это одновременно кризис нравственный, кризис идеологии, кризис политической системы. Поэтому экономические изменения должны были охватить и другие области, что и произошло. Но я касаюсь только экономической стороны дела, в которой являюсь специалистом.

Вторая группа вопросов касается того, каким образом можно и нужно было провести перестройку. После того, как было преодолено сопротивление аппарата, считавшего, что перестройка не нужна, а достаточно совершенствовать существующую систему, — возник вопрос: если принять положение о том, что коренная перестройка все-таки нужна, то в чем же она должна состоять? Здесь столкнулись несколько концепций, и о них необходимо сказать, потому что практика, с которой мы сейчас сталкиваемся, вновь возрождает эти концепции в различных формах.

Первая точка зрения была такова: социалистическая система хозяйствования прогрессивна, она правильная, а дефекты и сбои наступали в ней потому, что в ней нет дисциплины и порядка, не выполняются заложенные в ней принципы. Соответственно и вывод предлагался совершенно четкий: если ужесточить борьбу за дисциплину, навести в стране порядок, вновь создать мощную власть, которая этот порядок обеспечит, то мы сможем разрешить проблемы нашей экономики.

Был ли какой-то резон у этой точки зрения? Безусловно, причем не какой-то, а существенный. Все мы знаем десятки безобразий, которые происходят из-за отсутствия порядка и дисциплины, начиная с известных аварий и кончая повседневным магазином. Поэтому не было никаких сомнений в том, что борьба за дисциплину и порядок необходима. Но тут возникало несколько "но". Самое первое из них заключается в том, что из опыта прошлого мы знаем: как только начинается борьба за дисциплину, для этой борьбы появляется специальный аппарат, который обладает вполне определенными чертами. Он не является носителем социальных функций и на определенном этапе забывает, за что борется, и начинает охранять самого себя, как исходное начало жизни. Но дело даже не в этом: в конце концов при таком варианте можно было бы обеспечить высокие темпы развития экономики, перетерпеть, условно говоря, новые тридцатые годы. Но все не так просто. Предположим, мы обеспечили бы дисциплину и порядок в обществе — с чем бы мы столкнулись дальше? Мы ведь видим только одну сторону

дела: какие-то правила не выполняются, и потому плохо то-то и то-то. Однако в нашем обществе существует гигантская сфера, которая только потому и развивается, что нарушает принятые порядки. Причем, если бы эти порядки соблюдались, было бы гораздо хуже. На каждом участке экономики директор, начальник цеха, мастер и т.д. ведут дело и могут вести его только потому, что они не считаются с какими-то запретами и ограничениями. Вот эту сторону борьбы за порядок нужно постоянно иметь в виду. Созданный нами порядок, если его соблюдать, привел бы к эффекту, который в свое время с успехом использовали японские железнодорожники. Они начинали забастовку, которая называлась "работа по правилам". Такая работа приводила к тому, что движение поездов на японских дорогах сокращалось в 17 раз.

Но предположим, я все-таки создал режим дисциплины. Я заставил человека прийти ровно в 8 часов и сесть за стол, я проконтролировал, что его перерыв продлился не более получаса, я проверил, что из-за стола он вышел только в 5. Однако я не могу проверить самого главного: напрягал ли он свой мозг, сидя за столом, действительно ли он работал или просто отбывал время?.. Я уж не говорю о том, что когда в припадке борьбы за дисциплину мы всех загнали в помещение, то оказалось, что одной трети сотрудников просто негде сидеть, для этого нет столов..

Таким образом, вариант с налаживанием дисциплины показал нам, что он, конечно, определенные резервы содержит, но стать основой долговременной концепции перестройки не может.

Вторая точка зрения была близкой к первой, хотя и в несколько ином варианте. Она опять-таки исходила из того, что механизм в целом у нас нормальный, а дефекты происходят не только из-за отсутствия дисциплины, но и из-за отсутствия достойных руководителей. Исходя из этой точки зрения, причины развала виделись в том, что наша система не имеет ныне тех большевиков, которые были в свое время, и вот поэтому, в силу плохого состава командного корпуса, мы и имеем то, что имеем. Если же мы поставим на ключевые посты настоящих руководителей, то добьемся перелома состояния дел в экономике. Эту концепцию здеусь, в Москве, развивал известный товарищ.

Теперь давайте попробуем с ней разобраться. Она имеет под собой очень серьезные основания, ибо практика показывает, что на сотнях мест механизм торможения осуществляют совершенно непригодные к делу люди. Нет никаких сомнений: ни одна крупная реформа не может произойти без кардинальной замены кадров. Так что с этой точки зрения сама идея широкой чистки не вызывала никаких сомнений. Вопросы возникали иного плана. Первый: откуда взять новые кадры для того, чтобы их назначить? Глядя на стоящего передо мной человека и даже слушая его выступление с трибуны, я могу получить о нем какое-то представление. Я не могу убедиться в самом главном: сможет ли он быть руководителем перестройки и осуществить эту идею? Вопрос второй. Если даже мы найдем такого человека, потенциально способного к новому, то, брошенный в существующий механизм хозяйствования, он все равно будет смят этим самым механизмом. Вот газета "Вечерняя Москва" опубликовала письмо директора магазина, назначенного вместо одного из посаженных московских директоров. Он писал, что проработал всего два месяца. Он пришел с твердым желанием поставить дело по-новому, иметь образцовый магазин. А сейчас он вынужден принимать решение об отступлении. Ситуация такова, говорит он, что я должен начать делать все то, за что посадили моего предшественника, или же я должен уйти. Он приводит вполне понятные примеры: мясо привезли в половине восьмого вечера, грузчики ушли в 7 часов, от этого мяса можно отказаться, соседний магазин его с удовольствием схватит, но завтра торговать будет нечем. Чтобы разгрузить это мясо сейчас, в половине восьмого, нужно иметь в кармане живые деньги, найти трех толкущихся возле магазина пьяниц, которые тут же все сде-

дают за деньги, а еще лучше за бутылку. Откуда у директора магазина могут быть деньги для расчета с ними? Их можно взять на следующий день у продавцов, которые будут торговать этим мясом. Но именно это и делал предшественник нынешнего директора, именно за это его и посадили. И так, пример за примером, он показал, что в том механизме, в котором он находится, он просто лишен возможности хоть что-то сделать, и ему нужно уйти. Поэтому идея ограничиться кадровой перестройкой выходила на две совершенно разные трудно разрешимые проблемы: где взять этих самых современных большевиков, а если и найти их, то не получится ли так, что весь наш немногочисленный слой людей, действительно способных осуществить перестройку, мы бросим в жернова существующего механизма торможения. Совершенно правильная идея чистки, оторванная от других аспектов, не могла дать генерального решения проблемы.

Было еще несколько экзотических, хотя и реальных точек зрения. Одна, к примеру, такая: давайте не будем фантазировать, давайте посмотрим, когда наша экономика развивалась особенно эффективно. Это происходило в тридцатые годы, и потому давайте восстановим механизм тридцатых годов.

Рассуждения логичны. Если мы один раз когда-то добились успеха, будет правильным использовать то, что к нему привело. Но здесь опять возникали "но". Во-первых — что считать успехом тридцатых годов? Если говорить об успешном развитии экономики, то выражение не точное. Дело в том, что по ряду позиций экономики мы в тридцатые годы шли не вперед, а назад. Ну, например, в сельском хозяйстве за годы коллективизации мы были отброшены по поголовью скота на такие показатели, что 1928 год мы восстанавливали где-то в 1959—65 годах. Таким образом, говорить об успешном развитии всего народного хозяйства не приходится, мы можем говорить лишь о темпах развития промышленности. Но если уточнять, то это были и не темпы развития промышленности, а темпы развития тяжелой промышленности. Если продолжать эти уточнения, то речь шла о темпах развития того, что экономисты называют "группой А": производство средств производства для производства средств производства. Сконцентрировав все силы страны на этом участке прорыва, мы добились успеха. Возможно, об этом механизме стоило бы подумать, если бы сейчас перед нами стояла подобная задача. Однако нынешняя наша задача — совершенно другая: нам нужно поднимать сельское хозяйство, непродовольственную сферу, одеть людей, удовлетворить их потребности. На все это механизм тридцатых годов рассчитан не был. Я уж не говорю о таких специфических вещах, что реализовать концепцию индустриализации удалось благодаря невиданному по масштабам кризису капиталистической экономики, в результате которого нам за бесценок продавали целые заводы. Я не говорю и о том, что индустриализацию удалось осуществить, имея стомиллионную деревню, которую можно было грабить годами. Я не говорю и о многих других факторах, один из которых — административное принуждение, когда механизм капиталистической безработицы был заменен механизмом, при котором перспектива оказаться безработным за воротами завода была заменена перспективой оказаться за воротами завода в лагере. Этот механизм работал эффективнее, чем безработица. Таким образом, повторять модель тридцатых годов не получалось.

Была и такая точка зрения: основная проблема состоит в том, что мы задержались на стадии социализма. Придерживающиеся этой точки зрения говорили мне: вот вы утверждаете, будто у нас система заработных плат неправильная, она не стимулирует. А этой системы вообще быть не должно, она — буржуазная, остаток буржуазного права. Люди должны воспитываться так, чтобы работать ради идеи, принципов, ради честного имени трудового человека. Вот тогда мы и будем иметь процветающую экономику. А пока мы будем слушать вас и совершенствовать заработную плату, мы с места не сдвинемся. Вот вы говорите, что у нас с ценами неладно. Да не должно быть никаких цен! И вообще денег не долж-

но быть в стране! Нужно реализовать предложение Иосифа Виссарионовича и выйти на прямой продуктообмен в обществе. Он еще в 1949—50 году доказывал, что это нужно осуществить в ближайшее время...

Такие вот рассуждения. Было ли здесь что-либо правильное? Безусловно, человек, который работает во имя идеи, будет работать лучше человека, работающего ради денег. Вопрос лишь в том, сколько таких людей мы можем найти в нашем обществе. И можно ли на такой основе строить модель экономики. Практика же говорит о том, что всякий раз, когда мы пытались внедрять подобные формы, присущие обществу будущего, через несколько лет мы катастрофически откатывались назад. Это произошло в период военного коммунизма, когда мы пытались навязать тогдашней реальной России теоретические установки далекого будущего и практически развязали в своей стране гражданскую войну. Ибо — как иначе могло быть, чтобы в октябре 1917 года советская власть за две недели победила во всей стране, а через четыре месяца белые генералы смогли мобилизовать почти всех крестьян в свою армию? Только в одном случае: мы перестали реализовывать декрет о земле. Так было и в годы коллективизации, когда мы пытались внедрить такую форму хозяйства, при которой крестьянину не оставалось ни земли, ни скота. И в результате опять откатились назад. Уже в наше время Н.С.Хрущев ликвидировал приусадебные хозяйства. Чем все это кончилось? До этого решения электрички, идущие в Москву, были заполнены молочницами и зеленщицами; многие жители Москвы тогда вообще не знали молочных магазинов. Чем заполнены эти электрички сейчас? Теми же людьми, только с пустыми кошельками, они едут в Москву покупать молоко. Всякая попытка опередить ход развития истории, навязать ей наши представления о формах будущей жизни приводит к тому, что мы оказываемся отброшенными назад. Встать на путь очередного рывка в будущее означало бы опять — рано или поздно — оказаться в тупике. Таким образом, вывод состоял в том, что нам надо было провести перестройку в направлении социалистических, а не коммунистических черт. А коренной чертой социализма является распределение по труду. Поэтому в основу нашей перестройки была положена концепция, которую условно можно назвать концепцией экономических выгод.

Справедливости ради надо отметить, что эту идею высказывал еще А.Н.Косыгин в своем докладе 1965 года, в самом начале хозяйственной реформы. Он говорил, что задача состоит в том, чтобы перейти от преимущественно административных методов к преимущественно экономическим. Но развернуть это положение в достаточно стройную концепцию он не смог — под воздействием того сопротивления, которое он встретил в руководстве партии, — и лозунг остался только лозунгом.

Теперь несколько слов о том, что входило в эту концепцию. Речь шла о необходимости реформы в трех звеньях нашего хозяйства: воздействие на работника, воздействие на трудовой коллектив, направление государственной политики в масштабе экономики всей страны.

Сначала — о воздействии на работника. Идея состояла в том, что работнику надо платить по труду. Но возникал вопрос: разве сейчас мы не платим по труду? Это основа социализма, это особенность нашего строя. Но: плата ли это по труду или по итогам труда? А вот здесь есть очень большая разница. Мы платим по труду, но по ставкам, которые утверждены в центре, по тарифам, которые установлены заранее и от которых нельзя существенно отклоняться. Фактически система распределения зарегулирована централизованными решениями. Для чего центру необходимо было зарегулировать систему распределения? Это вполне логическая часть всей системы хозяйствования. Центр забирает себе все деньги и распоряжается ими. Это естественно, чтобы заставить меня выполнять распоряжения центра. Если я не захочу их выполнять по причине их неразумности, мне скажут: тебе все равно, разумно это или не разумно, потому что твою

зарплату мы тебе гарантируем. Заставить меня выполнять распоряжения вышестоящих звеньев очень просто: для этого мою зарплату нужно обособить от этих распоряжений, что и было сделано.

Как все это выглядит на практике? Практически, если рабочий прошел проходную и дошел до своего рабочего места, то с этой минуты тариф должен быть ему выплачен. По существу это плата за явку на работу, а не за работу. Далее — так называемая тринадцатая зарплата, надбавка к базисной оплате труда, которая у рабочего в среднем составляет 100 рублей. Как и базисная оплата, надбавка оказалась не связанной с итогами труда. Рабочего можно лишить ее за какие-то проступки, за выпивку, за прогул, но все это — не по итогам труда. Наконец, некоторую часть этих ста рублей — примерно 15 — можно считать оплатой итогов труда. Это сдельный приработок. Но если в него взглядеться, то все оказывалось не так просто. Откуда берется этот сдельный приработок? Вот есть, например, такие цифры: средний процент выполнения норм выработки по машиностроению составляет 130–140%. Откуда они берутся? Вспомним, что завод в среднем выполняет план на 101%, и то с большим напряжением. А каждый рабочий на заводе выполняет свои нормы на 130%. Откуда берется такая картина и как можно объяснить рабочему этот общий итог? Такая картина получается в результате заниженных норм. При их введении ход мыслей нормировщика примерно таков. Средняя заработная плата шофера в Москве примерно 250 рублей. Я могу платить как угодно: за тонны, километры, за тонно-километры, платить по каким угодно нормативам, но все время думать о том, что эту зарплату я должен ему вывести. Иначе он от меня уйдет. По существу, один миллион нормировщиков в стране работает, рассчитывая всевозможные нормы выработки, учитывая итоги и т.д., но в результате обязательно должен выйти на ожидаемые нормы оплаты. Каков в этой системе разрыв между лучшим и худшим работником? 10–15–20 рублей. Но если в системе зарплаты мы заложили разрыв в 10%, то и в производительности труда большего разрыва мы не получим. Потому что если в производительности возможен разрыв в 2 раза, то и система зарплаты должна обеспечить такой же разрыв. Есть ли в нашем народном хозяйстве участки, где из двух рабочих один может получить зарплату в 2 раза больше другого?

То же происходит и с инженером. Когда-то меня посылали проверять одно оборонное предприятие. По каким-то причинам там не внедрили более совершенную машину, которую с большим трудом удалось достать на Западе. Я ничего не мог понять: новая машина действительно эффективнее, проще, результат от ее использования должен был быть впечатляющим. Наконец начальник отдела надо мной сжалился и объяснил: ты, дескать, успокойся, тут же все ясно. У нас на заводе в качестве премии можно получить максимум 6 месячных окладов, полтора оклада в месяц. Старая машина, которая у нас была, уже давала нам эти шесть окладов. Зачем же нам возиться с этой новой машиной, затрачивать черт знает сколько усилий, если эти шесть окладов у нас и так уже в кармане? Через год, когда нам нужно будет снова думать о премиях, — вот тогда мы и возьмемся за новую машину. Таким образом, в рассуждениях о техническом прогрессе с самого начала выбирается тот вариант, который уже ранее давал возможность получить премию.

В 1985 году я написал статью о заработанном рубле. Было более тысячи откликов, и все в основном ругательные: никому не хотелось отходить от прежней системы, она всех устраивала. Среди откликов было и такое письмо. Одна женщина писала мне: вы вот говорите, что кто-то зарабатывает не по труду, не те деньги; да вы посмотрите на мир реально; я сама окончила юридический факультет, зарабатываю 120 рублей, у меня ребенок, как можно на это жить? а вы еще предлагаете провести сокращение оплат. Мне пришло в голову, что я, вероятно, многого не продумал. Я позвонил одному директору завода, другому; они говорят, что юрист у них меньше 180 рублей не получает. Тогда я отправил ей

открытку, попросил позвонить мне. Никакого ответа. Послал еще одну открытку, уже с уведомлением. И тогда она позвонила. Сказала, что ей очень неловко, что она сама знает о тех работах, где можно зарабатывать гораздо больше. Но сейчас она работает в исполкоме, и спустя еще какое-то время она должна получить квартиру. Вот после этого она и найдет себе работу с лучшей оплатой. А письмо написала под воздействием эмоций.

После разговора я сел считать. Если она получит даже однокомнатную квартиру, это значит, что в месяц к своим ста двадцати рублям она получает еще сто пятьдесят рублей из общественных фондов потребления. Ибо стоимость квартиры по нашим далеко не спекулятивным ценам 6000 рублей, которые разбиваются на три года — время, необходимое ей для получения квартиры. Какое значение имеют все мои усилия совершенствовать заработную плату, если рядом можно получать дополнительно 150 рублей? А ведь она не только 150 рублей получала дополнительно: наверное, в исполкоме и ясли, и детские садики лучше устроены, чем рядовые. Поэтому в реформе нуждалась вся система распределения в совокупности. В этом кардинальном изменении надо было снять пределы оплаты. Пределом может быть только производительность: больше сделал — больше получи. Необходимо пойти на разрыв между лучшими и худшими работниками, не опасаясь того, чего мы опасались в 20-е годы: обидеть классового союзника. Короче говоря, нужно было отказаться от всех догм предыдущего периода и создать активную систему экономического стимулирования. Фактически, она давно навязывалась нам самими рабочими. Они постоянно говорили нам: у нас бригада из шести человек, мы получаем тысячу рублей фонда зарплаты; если мы справимся с этой работой вчетвером, — вы нам оставите тысячу рублей? Нет, отвечал я им, я могу оставить вам только то, что положено четверым. Система зарплаты оказывалась первым звеном в той перестройке, которую нужно было провести.

Далее — необходимо было перестроить систему хозрасчета, то есть систему работы наших предприятий. Не сделав этого, нельзя было перестроить и систему оплаты. Вот пример. В одном из южных портов нашей страны идет разгрузка хлеба, который мы закупаем за рубежом. И хотя хлеб мы закупаем уже 20 с лишним лет, своих судов для перевозок в достаточном количестве мы так и не удосужились завести. Мы все время фрахтуем иностранные суда, они приходят в порт и начинают ждать разгрузки. Ждут неделю, вторую, третью. Начиная с четвертой недели мы начинаем платить неустойку в валюте. К концу второго месяца сумма неустойки превышает стоимость зерна, которое привез этот корабль. Почему же мы не можем его разгрузить? Тысяча докладных записок от дирекции порта разъясняет, почему невозможно работать лучше. Масса объективных причин: и реконструкция нужна, и новый причал, и новые краны, и т.д. Когда читаешь, кажется, что ничего сделать нельзя. Однако решили попробовать: вызвали бригаду докеров, тех самых одесских бендюжников. Их спросили: можете ли вы разгружать больше и быстрее? Можем, ответили они, только платить нам будете иначе — с каждой тонны разгруженного зерна. Они проработали месяц, их производительность труда по сравнению с другими бригадами была в 10 раз выше. Оказалось, что все эти тысячи причин — краны, причалы и все прочее — можно преодолеть. За этот месяц они заработали по 700–800 рублей на человека. Что же произошло потом? К начальнику порта пришла другая бригада и заявила, что она не хуже и тоже хочет работать по системе сквозной сдельной оплаты труда прямого подряда. Самое интересное содержалось в ответе начальника порта: перевести вас на эту систему я не смогу, сказал он, все свободные деньги, которыми располагал порт, первая бригада уже съела. Дело в том, что фонд заработной платы директор порта получает совсем не по количеству зерна. Этот фонд плановый, рассчитанный по числу грузчиков. Но ведь страна выигрывает от того, что зерно разгружено, неустойку платить не нужно. Как же теперь сделать, чтобы этот выигрыш страны превращался в заработную плату?

Нынешний наш хозрасчет — это хозрасчет заданий, а не хозрасчет результатов. Казалось бы: какая разница между заданием и результатом? В общем-то, существенная. В Подмосковье есть два соседних колхоза с абсолютно одинаковыми условиями. В одном надаивается от коровы 3200 литров, во втором 3900. Как вы думаете — какой из них лучший? Если бы у нас был хозрасчет результатов, без колебаний нужно было бы ответить: тот, где надаивают 3900 литров. Однако в данном случае ни вы, ни я на этот вопрос ответить не можем. Необходимо задать другой вопрос: а каков у них план по удою? И тогда выясняется, что тот колхоз, где надои составляют 3200 литров, — образцовый, передовое хозяйство. Ибо у него всегда был план 3000 литров, и он регулярно этот план перевыполнял. Другой же колхоз — хозяйство отстающее, потому что план у него был 3950 литров, и 50 литров он не добрал. И хотя его удои гораздо выше, чем у соседа, его надо клеймить на активах, прорабатывать и т.д. Но ведь для экономики 3900 всегда больше, чем 3200. До тех пор, пока у нас будет процветать система, при которой колхоз с меньшими удоями — образцовый, а с большими — отстающий, мы будем жить в государстве, которое процветать не может. В этом суть нашего хозрасчета. Мы оцениваем по плановому заданию, а не по абсолютному результату. Сейчас наши передовые московские заводы горят синим пламенем. Раньше их директора сидели в президиумах, считались передовиками. А сейчас, как только эти заводы стали переходить на полный хозрасчет, оказалось, что они отстающие. А ведь именно из руководства подобных предприятий набирались кадры в министерства, из этих людей отбирались райкомовские и горкомовские работники. Теперь же эти предприятия одно за другим демонстрируют свою неспособность работать в новых условиях.

Чтобы справиться с этим самым хозяйственным расчетом, необходим какой-то критерий. Вот мой старый и добрый друг Петр Макарович Кацура, доктор экономических наук, профессор, ныне — заведующий отделом управления Совета Министров. Он говорил так. У меня конвейер, каждый год на нем делают одно и то же количество автомобилей. Но если я каждый год буду делать одно и то же количество автомобилей, я оставляю завод без премий. Я обязан каждый год наращивать объемы производства. Как я могу это сделать? Только одним способом. Зная, что данная модель будет выпускаться в течение пяти лет, я должен в первый год дать объем значительно ниже возможного, чтобы потом ежегодно понемногу добавлять и, соответственно, наращивать проценты прироста и тем самым продемонстрировать повышение экономических показателей в течение пяти лет. Есть и другой прием. Нужно сделать хотя бы две детали в этой машине дефектные — например, крестовину. После этого все будут нуждаться в этой крестовине, обращаться за этой деталью ко мне, и в обмен на этот дефицит я могу сам получить какой-то дефицит. Если же я буду делать все точно, из года в год одинаково, без дефектов, то через два года мое предприятие сгорит, ибо таким образом функционировать в этой системе нельзя. Потому что от меня все все получают, и я никому не нужен.

Что нужно было здесь изменить? Прежде всего — сам принцип работы. Необходимо было итогом считать работу, а не относительные показатели.

И, наконец, о третьем звене, которое нуждалось в перестройке. Это вся наша система централизованного руководства. Она была основана прежде всего на административном командовании. Мне дана власть, я говорю тебе: делай. Казалось бы, что может быть проще такой системы? На самом деле она приводит к весьма плачевным результатам. Например, я вижу, что в стране не хватает молока. Я спускаю план по молоку. Проходит год, но молока в необходимых количествах нет. Я начинаю думать о причинах, причем думаю только в категориях плановых заданий. Видимо, молока нет потому, что не хватает поголовья скота. Поэтому я должен дать план не только по молоку, но и по количеству голов скота. Я даю план уже по двум показателям — по молоку и поголовью. Выясняет-

ся, что молока опять нет. Тогда я провожу обследование и обнаруживаю, что очень мало дойных коров. Поэтому я даю третий показатель: количество коров в общем поголовье. Чтобы рассчитывать эти три показателя, мне необходимо увеличить свой аппарат управления. Проходит некоторое время, но молока по-прежнему нет — вероятно потому, что коровы дают небольшой удой. Теперь надо ввести показатель удою. После этого — опять что-то не то: видимо, просто нечем кормить. Необходим еще один показатель — количество кормов, которые надо произвести в этом хозяйстве. Спустя некоторое время я обнаруживаю, что корма есть, но это плохие корма, корова их не ест. Теперь я должен дать структуру кормов. Конечным результатом становятся 100–200 показателей. Камский автомобильный завод получал от центральных органов план по двумстам пятидесяти показателям. Соответственно и центральные органы раздувались по всем параметрам. В административных методах логика одна: с утра до вечера я сижу на телефоне и звоню — вы начали сеять? вы начали убирать? вы начали прополку? и т.д. Мне говорят: убираем, пропалываем, делаем. Результата, конечно, нет. нынешняя система централизованного руководства, основанная на административном командовании, выжила на всеохватывающее командование хозяйством. И конечно же, это самое всеохватывающее командование она обеспечить не могла.

Здесь же возникала еще одна ситуация. Поскольку я отдаю 100 различных команд, то проверить их эффективность я не в состоянии. Поэтому стимулирование с командами никак не связывалось. Хозяйство может выполнить план на 5%, не выполнить план, оно может дать 7% прироста, а может — 2%. Ни один работник Госплана, Минфина, Госбанка на эту разницу своим рублем не реагирует. Он получает твердый оклад. Конечно, он стремится к тому, чтобы хозяйство работало лучше, но в принципе он ни одним рублем с итогами работы экономики и состоянием дел в стране не связан. Ежегодно думая о том, что и в будущем году необходимо перевыполнить план, он стремится что-то спрятать, утаить, приберечь.

В чем же должна была состоять перестройка централизованного руководства? Прежде всего это означало отказ от административных методов, то есть переход в ту систему, где команда выгодна исполнителю. Вероятно, вы не раз читали о том, какая борьба идет в капиталистическом обществе, какие взятки дают министрам, чтобы получить у правительства заказ. Много ли есть у нас директоров заводов, готовых платить Госплану взятку за получение заказа? Чтобы получить заказ на новый самолет или на подрядное строительство, фирма готова платить, потому что это самый выгодный из возможных заказов. Значит, централизм может быть выгодным. Но выгодным он может быть только при том условии, если он наиболее рентабелен. В этом случае меняется и мое положение в центре. Если сегодня я могу навязывать предприятию все, что придет мне в голову, то с переходом на новую систему я должен предложить ему только то, что обеспечит выгоду и ему, и мне. Переход к экономическим методам является решающим и главным фактором ограничения волюнтаризма в централизованном руководстве и решающим инструментом борьбы с бюрократией. Ибо, если я получил деньги и хозяйство в пределах этих денег, я уже не думаю о том, что мне нужно увеличить штаты еще на 100 человек. Я думаю о том, как обойтись меньшим числом людей, как обеспечить качественные команды, как найти приложение своим идеям, чтобы отдача от них была максимальной.

Наконец, для того, чтобы эта система была цельной, мне необходимо соответствующим образом оплачивать труд. При переходе к нэпу Ленин разработал систему, при которой каждый работник Госплана должен был получать зарплату в зависимости от торгового оборота в стране. К сожалению, эта система у нас так никогда и не применялась, потому что она мешает администрированию. Представьте себе: я работаю в Госплане и работаю с министерством, которое трудится по такой системе. Я говорю министерству: сделайте то-то и то-то. Мне

отвечают, нет, мы этого сделать не можем, нам это не выгодно. Услышав такой ответ, что я делаю сегодня? Я меняю человека. При иной системе я ничего сделать не могу, а самое главное — я и сам должен быть совершенно другим человеком для того, чтобы работать в такой системе.

Таким образом, экономическая модель перестройки исходила из идеи, что могли быть изменены все параметры экономики: рабочие, хозрасчет, центр. Без сквозных изменений провести перестройку невозможно. Но все это лишь идеи, принципы, хотя и одобренные XXVII съездом. Но, как не раз у нас бывало в прошлом, возникла реальная опасность, что принципами мы и ограничимся. Прошел месяц, два, шесть, а никакого движения не намечалось. Аганбегян рассказывал такую историю: не так давно он встречался в Италии с руководством итальянской компартии. Его попросили: "Академик, здесь все свои, товарищи-коммунисты, ответьте нам: почему вы не хотите опубликовать конкретную программу вашей перестройки? почему вы держите это в секрете?" "Что я мог им сказать, — рассказывал Аганбегян, — что этой программы просто нет? Так они бы не поверили. Они были убеждены, что мы ее прячем". В общем, стало совершенно ясно, что если мы хотим идти дальше, то нам необходимо разработать конкретную программу перестройки. Здесь возникло несколько сложных проблем.

Прежде всего — в чем она должна была состоять? Госплан и прочие вышестоящие ведомства предприняли маневр, который сводился к следующему: надо идти поэтапно, необходимо разработать закон о предприятии, перевести предприятие на новые условия работы, а потом думать, что делать дальше. Эта точка зрения победила, и проект закона был опубликован. Все, кто знает историю, возражали. Я, например, хорошо помню историю 1965 года. Тогда готовилась та же самая перестройка, даже закон назывался "О социалистическом предприятии". Опытные экономисты, еще старой школы, говорили, что нельзя в нашей системе ограничиваться предприятиями, надо идти дальше. Тогда А.Н.Косыгин сказал: вы абсолютно правы, ограничиваться нельзя, но представьте себе всю эту махину, которую мы сразу против себя восстановим, — все эти Госпланы, Минфины, Госбанки; давайте все-таки идти поэтапно. Создадим новый режим работы предприятий, опираясь на перестроенные предприятия, — перейдем дальше, к следующему этапу. Тогда мне казалось, что он не авантюрист и рассуждает очень реалистически. Спустя два года все прояснилось. Не перестроенные предприятия стали давить на министерства, а министерства выкрутили руки подчиненным предприятиям. В 1967 году последние деньги из фонда технического развития были изъяты в пользу министерств, потому что предприятия ничего не могли сделать с этими деньгами. Ибо если суть нашего строя в централизованном руководстве, то всякая мало-мальски последовательная реформа должна с него и начинаться, никаких других подходов тут быть не может.

К сожалению, и в этот раз нам тут не многого удалось добиться. Но кое-что все-таки удалось — в частности, руководство страной и партией на определенном этапе приняло решение о том, что перестройка будет комплексной: должен быть принят не только закон о предприятии, но и закон о перестройке Госплана, Минфина, Госстроя и т.д. Однако решение это было принято с опозданием, поэтому опубликовать его для всенародного обсуждения не удалось. Сейчас это отрицательно влияет на ход преобразований: принятое аппаратно, без критики снизу, это решение является базой для тех, кто тормозит перестройку.

Центральным вопросом был вопрос о командовании. Право командовать выражается в нашей экономике контрольными цифрами — директивными плановыми заданиями, которые получают наши предприятия. Об этих контрольных цифрах ожесточенно спорили — сохранять их или не сохранять. Они — суть нашей экономической системы: сначала разрабатывается проект плана (здесь идет борьба за то, чтобы были предложены хорошие показатели), потом этот план утверждается, потом начинается борьба за выполнение плановых заданий, потом начинается

борьба за принятие встречных дополнительных плановых обязательств. Вокруг этого работают партийные инстанции, комсомол, профсоюзы. Выполнение контрольных цифр — стержень нашей экономической жизни. Вот от этого стержня и нужно было отказаться, потому что этот метод изжил себя. Мы ругали Министерство легкой промышленности за то, что оно не выполнило план по производству обуви. Предположим, этот план выполнен. Что это означало для народного хозяйства? Еще несколько миллионов пар обуви, которые лежали бы на полках магазинов, потому что никто эту обувь не покупает. Не выполнен план по производству металла; сейчас мы производим металла вдвое больше, чем США, и тем не менее там мы его и закупаем. Не хватает тракторов, а у нас их в 4,5 раза больше, чем в США. Борьба за эти контрольные цифры не давала результатов в экономике. Вместо контрольных цифр включаются два рычага: государственный заказ и экономический норматив. Экономические нормативы определяют основу жизни предприятия, а государственный заказ определяет тот минимум, который предприятие должно сделать для государства.

В рамках того, о чем я сказал выше, были приняты и другие интересные решения. В частности — по реформе кредитной системы. Смысл реформы состоял в том, что нужно было ликвидировать крепостную систему, которая привязывает наши предприятия, как крестьянина к барину, к одному банку. Нужно иметь несколько банков, чтобы предприятие могло выбрать тот банк, который платит наибольший процент. А банк, имея деньги, имеет возможность дать их тому предприятию, руководители которого говорят: мы готовы заплатить вам за кредит 10%. А вот руководители другого предприятия заявляют: мы нашли технически новое эффективное решение и готовы заплатить за кредит 20%. В такой системе деньги достанутся не тому, кто обладает пробивной силой и кого поддерживает 1-й секретарь обкома, а тому, кто обеспечит наибольшую выгоду для банка. Реформа кредитной системы позволяет преодолеть ограничения в этой области.

Была предусмотрена и реформа цен. Цель ее состояла в том, чтобы отойти от цены, которая ориентирована на затраты, к цене, которая ориентирована на эффективность. Что это значит? Вот выпускаются у нас шины. Самые дорогие — самые худшие в стране. А самые дешевые — Омского завода — самые лучшие. Почему? Потому что у омских шин низкая себестоимость, а у дорогих — высокая, хотя они и плохие. Такова логика нынешнего ценообразования. Необходимо перейти к новым ценам, перестроить снабжение, перейти на полный хозрасчет, самофинансирование. Все эти решения и были приняты. Независимо от судьбы, которая ожидает нашу перестройку, сама формулировка такой программы является гигантским шагом вперед, и она будет иметь огромное значение для будущего. Удастся победить сейчас или не удастся — вопрос второй. Но цельная программа перестройки сформулирована, и она будет иметь такое же значение, как создание Советов в 1905 году. Тогда Советы не победили, но к 1917 году была готова модель власти.

Теперь — о реализации: что удалось и что не удалось сделать. Это, пожалуй, самое существенное.

С 1 января часть предприятий переведена на новую основу. Каждую неделю заседает комиссия по совершенствованию перестройки (я являюсь членом этой комиссии), каждое заседание проходит в спорах. Они идут не о сути дела, а о деталях, о том, как реализовать то или иное решение. В жизни каждой большой реформы наступает момент, когда в деталях начинает выражаться суть. Когда в 1861 году в России отменялось крепостное право, то на каком-то этапе уже никто не спорил о том, освобождать или не освобождать крестьян. Спор шел — сколько десятин земли дать крестьянину при освобождении. В этих десятинах и была суть перестройки тогдашней. Так сейчас и у нас: суть перестройки — в тех конкретных размерах нормативов, показателей и т.д., которые нужно при-

нять. И вот в этом-то вопросе предприятия оказались абсолютно беззащитными перед вышестоящими инстанциями. Вот хозрасчет. Чем определяются нормативы отчислений? Если я определяю их правильно, я должен, например, учесть определенную сумму на техническое развитие. Госплан решает этот вопрос элементарно. Он не думает ни секунды. Он берет план, который был в пятилетке, пересчитывает нормативы и спускает их заводу. То, что по плану полагалось на техническое развитие, теперь получено в виде норматива. Есть ли тут плюс? Конечно. Потому что норматив можно перевыполнить. Безусловно, это какой-то выигрыш, но по существу принципиального решения все-таки нет. Ибо для того, чтобы иметь правильный норматив технического развития, необходимо знать тип технического прогресса. Если ВАЗ не сделает нового легкового автомобиля, его не сделает никто. То же, если КамАЗ не сделает новый грузовик. В этой отрасли необходимо составить такой норматив, чтобы основная часть накопления на техническое развитие досталась заводу. Потому что он сам будет конструировать новые автомобили и запускать их в производство. А теперь — о другой отрасли, скажем, радиоэлектронике: сколько денег ни давать допотопному предприятию, на принципиально новые основы оно не выйдет. Здесь, напротив, деньги необходимо оставлять у центра и предпринимать сразу какой-то мощный маневр с целью ликвидировать отставание. Может быть, закупить за границей один очень мощный завод, как было с тем же ВАЗом. Короче говоря, сколько денег оставлять на техническое развитие — это не может решаться, исходя из старого плана. Потому что план был административным документом. Тем не менее решение принято именно такое. Госзаказ. В принципе он был предусмотрен в качестве инструмента обеспечения минимума государственного потребления. А на практике? Наши министерства включили в госзаказ все то, что раньше входило в контрольные директивные показатели. Недавно я ездил в Грузию, разговаривал с секретарями ЦК. Спрашиваю: что вы делаете с той частью продукции, которая не охвачена госзаказами? Мне ответили так: о чем вы спрашиваете, если у нас на большинстве предприятий госзаказ составил 105%?

Подумайте: что значит — госзаказ составил 105% или 100%, или даже 95%? Это конец хозрасчета, конец самофинансирования. Это мы уже имели в 1965 году. Предположим, я заработал деньги в фонд технического развития. Мне нужны станки. Я звоню на завод, который их производит, и в ответ слышу: все мощно-сти загружены государственными заказами. Мне нужны новые красители, я звоню на химический завод и слышу тот же ответ. Зачем же мне тогда эти деньги?

Другая сторона той же проблемы. Меня выбрали директором. Зачем? Если у меня есть поле для хозяйствования, то коллектив выбирает меня, чтобы я дал дополнительный результат. А если все зависит от того, какой норматив я получу в министерстве, то коллектив должен выбрать человека, который может ладить с министром, а не того, кто может поставить на ноги хозяйство. И теряет смысл не выборность, а само управление.

Или вот перестройка ценообразования. Я говорю: цена должна ориентироваться на спрос, на потребность. Мне отвечают: в сельском хозяйстве столько-то миллиардов убытков, поэтому нужно повысить цены на мясо, молоко и т.д. Я спрашиваю, чем должна определяться цена — затратами или каким-то другим показателем? В партийных документах вы написали, что — не затратами, а меня убеждаете в необходимости повысить цены на сельскохозяйственные продукты именно из-за высоких затрат. А почему затраты так высоки? Да потому, что несколько миллионов бездельников составили Агропром, и чтобы их содержать, мы должны теперь повысить цены. И пока эти бездельники там сидят, им нельзя давать ни рубля. Здесь действует знаменитая формула Генри Форда, основателя империи. Может ли миллион долларов устранить миллион убытков? Он отвечал: никогда, если этот миллион будет вложен в тех же условиях, что породили предыдущий миллион убытков. Поэтому повышение цен при нынешней структуре управления

Агропрома, при тех людях, которые там сидят, будет означать одно: через пять лет цены нужно будет повышать снова. Если же основой будет, скажем, семейный подряд, тогда цены повыситься не жалко. Но они и повысятся совсем иначе, не в результате государственного решения. Они будут повышаться в результате спроса, в одном районе больше, в другом – меньше, они будут экономическим инструментом в хозяйственной жизни, а не бюрократической операцией по выравниванию всех под одну гребенку.

Главная проблема, которая стоит сегодня: идти ли по пути реализации нынешнего варианта перестройки? Он основан на трех догмах. Первая: мы должны провести перестройку на ходу, одновременно с ней выполнить пятилетний план, и поэтому все нормативы рассчитываются под этот план. Но если нормативы рассчитываются под план, а он идеален, то перестройка не нужна. Нужно лишь продолжать реализовывать план. Вторая догма: мы не можем пойти на решительную перестройку, поскольку это ударит по трудящимся – начнется безработица, многие предприятия будут "гореть", закрываться и т.д. Есть ли логика в таком рассуждении? Безусловно. Но те, кто его выдвигают, беспокоятся прежде всего о том, что в рамках новой системы их административные органы вообще не нужны. И, наконец, третья догма: сейчас, за эти два года, мы должны отработать механизм, с которым войдем в следующую пятилетку, и вот она уже будет совершенно новой. Однако отработываемый нами сейчас механизм подогнан под старые критерии. Это все равно, что собираться в горы с лыжами для бега по парку.

По-моему, уже можно говорить о результатах. Во-первых, мы вряд ли выполним план – если, конечно, не прибегнем к традиционным статистическим комбинациям. Во-вторых, мы вряд ли защитим интересы трудящихся, потому что в конечном счете эти интересы состоят в том, чтобы хозяйство и экономика развивались эффективно. И в-третьих, к началу пятилетки мы не получим того механизма, с которого можно что-то начать. Конечно, это мое личное мнение. Мне все больше и больше становится ясно, что за тот год, который мы потратили с прошлого июня, первый вариант перестройки, который я называю аппаратным вариантом, в основном себя исчерпал. Его еще надо доводить до конца, но уже и сейчас видно, что до принципиальных изменений не дойдет. Нужно переходить к принципиально иному варианту. Идеи – те же самые, но механизм их реализации другой. Это должен быть полный хозрасчет, должен быть закон о банкротстве предприятий, которые не могут хозяйствовать. Очевидно, это означает резкое обострение ситуации в экономике и во внутренней политике государства в целом. Исчезнет большая группа предприятий, которые не являются современными и не в состоянии вести дело. Но вместе с ними исчезнет и вся хозяйственная бюрократия, которая держалась тем, что отбирала у лучших предприятий и этим кормила худшие. Потрясение будет тяжелым, но мы выйдем из него достаточно быстро, получив стартовую площадку для какого-то развития.

Центральный вопрос состоит в следующем: кто должен платить за эту самую перестройку? На сколько лет растянуть эту плату? Аппарат считает, что ее надо растянуть на десятилетия и целиком переложить ее на предприятия или на население. За эти десятилетия он понемногу научится работать по-новому. Можно идти по второму варианту: перестраиваться решительно. В этом случае нам придется платить за то, что 40 лет мы носили на демонстрациях портреты и ликовали на партийных активах. Платить надо, платить придется каждому, и много. От этого никуда не деться. Но в первую очередь платить должны те, на ком лежит наибольшая вина за всю сложившуюся ситуацию. Это будет справедливо.

И, наконец, последний момент, на котором я хотел остановиться. Подлинно глубокая экономическая перестройка только в экономике осуществлена быть не может. Она неизбежно требует перестройки всей общественной жизни. Вот перевели некое предприятие на хозрасчет, и его директор рассказывает мне следующую историю. Он – на полном хозрасчете. Утром 31 августа звонок: сроч-

но дайте все машины, надо вывозить детей из пионерских лагерей. Директор отвечает (звонок из райкома), что ему сегодня необходимо выполнить обязательства перед его потребителями, иначе он не выполнит месячный план. Завтра, первого сентября, он готов предоставить машины. Нет, говорят из райкома, 1 сентября должны открыться школы, поэтому машины нужны сегодня. Директор говорит, что о 1 сентября он помнит сам, но машин дать не может. В райкоме кладут трубку. Проходит два часа. Директору звонит начальник автобазы и говорит, что все окружающие улицы заполнены инспекторами ГАИ, у 20 шоферов отобрали права, а другие 20 машин поставили на прикол, поскольку глубина бороздочек в их шинах не та, что должна быть. Директор звонит начальнику ГАИ, который говорит, что ничего поделаться не может, он выполняет советские законы. Тогда директор спрашивает начальника ГАИ: кто может приказать ему, чтобы он нарушил законы? Наверное, райком, отвечает тот. Тогда директор звонит в райком и говорит: через час машины будут у вас. В доверительной беседе директор сказал мне: с вашей перестройкой уже все ясно, и с полным хозрасчетом тоже ясно: я сократил всех лишних работников, а на следующий день получил разнарядку на овощную базу...

Я мог бы привести десятки других примеров, и все они сводятся к одному: глубокая экономическая перестройка требует изменений во всех звеньях жизни. Эти изменения в первую очередь должны состоять в том, что у директора, о котором я рассказал, должна быть возможность заставить райком считаться с его интересами. Необходима такая система внутрипартийной демократии, при которой секретарь райкома, не желающий считаться с полным хозрасчетом, не останется секретарем. Комплексная система перестройки требует глубокой демократизации всей жизни. Это два взаимосвязанных рычага. Чем больше ответственности и экономических тягот мы возлагаем на людей, тем больше мы должны дать им демократических прав. В этих двух рычагах — суть нашего дела.

Вопрос. Поясните, пожалуйста, как следует совершенствовать методику определения оплаты по труду? Как оценивать в рублях качество труда?

Ответ. Совершенно правильный вопрос. Для того, чтобы последовательно оценить результаты труда, цена должна быть предметом соглашения между производителем и потребителем. У нас же сейчас есть все предпосылки для образования монополий.

Вопрос. Сравните, пожалуйста, уровень зарплаты хорошо работающих рабочих, инженеров, ученых, преподавателей в настоящий момент с перспективой.

Ответ. Да мы с вами каждый день этим занимаемся. Центральная проблема состоит в том, что необходимо изменить положение интеллигенции в стране в целом. Страна, которая не платит своей интеллигенции и не может поддерживать ее на должном уровне, не способна форсировать технический прогресс. Как это положение изменить — второй вопрос. Здесь возможны различные меры. Возможно, следует резко сократить количество инженеров. Мы проводили исследования по аппарату управления. Предположим, отдел главного технолога на нашем предприятии состоит только из инженеров. На американском предприятии в таком отделе — два инженера и десять клерков. А у нас и людей столько же, и зарабатывают они хуже инженеров и хуже клерков. Но главное — необходимо изыскать какие-то возможности роста оплаты. Вопрос этот очень сложный, на Пленуме он не получил должного решения. По этому вопросу у меня чисто эмпирические соображения. Мне кажется, нужно изыскивать внутренние резервы. К примеру, нужно, чтобы всем победителям социалистического соревнования профсоюз дал бесплатные путевки. Разве это не стимул? А если речь идет об интеллигенции, то чтобы профсоюз выделял такую путевку не только профессору, но и его жене. Когда-то я вел занятия в американском университете, спустя месяц меня известили, что мне положено 80 долларов на книги. Оказывается, американский про-

фессор получает дополнительно 800 долларов в год для приобретения литературы, которая там очень дорогая. Кто нам мешает, используя безналичные расчеты и хозяйственные деньги, ввести ту же систему? Надо думать, искать варианты, иначе никто нам не поможет.

Теперь — несколько слов об экономике в науке в связи с переходом на самофинансирование. Общее мое соображение сводится здесь к следующему: экономики науки как таковой быть не может. Есть теоретические исследования, которые могут оцениваться только экспертами. Жалеть деньги на теории нельзя, мы тераем одну позицию за другой. В математике, в областях, где когда-то мы были впереди, мы отстали. Конечно, есть области науки, которые носят прикладной характер. Здесь действительно нужна экономика, но она опять же должна быть связана не с наукой, а с теми, кто эту науку применяет. Поэтому нам нужно создавать самостоятельную экономическую сферу науки.

Вопрос. Могли бы вы дать краткую оценку перестройке в других социалистических странах?

Ответ. На мой взгляд, наиболее прогрессивные преобразования идут в Китае. Во-первых, китайцы начали с того, с чего и следовало начать: с сельского хозяйства. Пока страну не накормишь, преобразования производить трудно, это базисная основа любой перестройки. Во-вторых, китайцы приняли закон о банкротстве предприятий.

Здесь же надо сказать и о количестве видов денег. У нас — 20–30 видов рублей. Когда-то покойный В.С.Немчинов говорил о том же. Ему отвечали, что карман все равно один, государственный. Немчинов на это сказал: да, карман государственный, но кошельки в нем разные. И пока существует столько видов рублей, навести какой-то порядок очень сложно. Мы очень много говорим о нэпе, забывая при этом, что нэп начался с введения золотого червонца. То есть был введен единый измеритель рубля, который соответствовал и мировой валюте. Чтобы иметь ориентировку на среднемировые цены, необходимо произвести перестройку базовой оценки рубля.

Вопрос. Как вы оцениваете реформу в Китае?

Ответ. Очень высоко. Я считаю, что китайский вариант перестройки — один из лучших. ●

Михаил МОЛОСТВОВ
(Калининская обл., дер. Еремково)

ОТ ДОГМАТИЗМА К НОВОМУ МЫШЛЕНИЮ

(на личном опыте)

Публикуемое ниже эссе было первоначально предложено автором журналу "Новый мир", который его отклонил ввиду неопределенности жанра, и журналу "Знамя", который автору не ответил. Автор эссе — Михаил Михайлович Молоствов родился в 1934 г. в Ленинграде в актерской семье. Во время массовой высылки из Ленинграда лиц дворянского происхождения (Молоствы — старинный дворянский род) в 1935 г. выслали в Саратов и семью Молоствых. В 1957 г. окончил с отличием философский факультет ЛГУ. В 1958 г. был арестован в составе группы из четырех человек по ст. 58 старого УК и приговорен к 5 годам лагерей. Приговор был опротестован "за мягкостью" и изменен на 10 лет, а затем пересмотрен "за суровостью", и окончательный срок М.Молостова составил 7 лет. Отбыл срок "до звонка", после освобождения стал сельским учителем, сменив множество мест — в Карелии, Омской, Псковской, Калининской и других областях.

М.Молоствов — автор многих самиздатских работ. В своих мемуарах "Моя феноменология" он писал: "— Ты все еще марксист? — спрашивают меня. — И буду им, — отвечаю, — буду до тех пор, пока не потеряю чувство юмора". С марксистских позиций написано и предлагаемое читателю эссе. Эссе о "расконсервировании" марксизма. Редакция "Страны и мира", стоящая на иных позициях, не считает уместным вступать здесь в полемику с автором — такой полемикой, по сути, являются все выпуски нашего журнала. Хочется лишь, в расчете на чувство юмора автора, заметить, что вместо консервов в конце XX века хочется уже свежей пищи. Кажется, лучшее употребление марксизма в недавнее время было сделано Л.Баткиным в знаменитом сборнике "Иного не дано", когда он поставил вопрос "о приведении в соответствие наших производственных отношений *чужим* производительным силам".

Но при всей разнице во взглядах, мы считаем эссе М.Молостова очень серьезным и важным. Исторические судьбы марксизма были трагическими, но игнорировать воздействие этого мощного философского учения на человечество в целом и на каждого из нас в отдельности невозможно. Каждый из нас — марксист или антимарксист — осознанно или нет, но испытал это влияние, как испытали влияние христианской культуры даже самые заядлые атеисты. Модное сейчас перечеркивание целой области человеческой мысли — занятие мало достойное. Его можно было бы назвать детским, если бы не злобность неофитов, с которой это делается. Эссе М.Молостова — значительный вклад в еще ненаписанную историю духовных исканий в постсталинском советском обществе. Оно тем более интересно, что касается "выпавшего" периода истории инакомыслия. Если об инакомыслии современно, в силу его актуальности, можно прочесть много — хотя бы в самиздате, если о сталинском периоде теперь много пишет советская печать, то конец 50-х—начало 60-х гг. до сих пор остаются в этом отношении "белым пятном".

Завершаем вступление небольшой справкой. Упомянутый в тексте Михаил Александрович Лифшиц (1905—1983) — видный советский философ, публицист, эстетик, член Академии художеств СССР, один из последних блестящих, оригинальных представителей классической марксистской мысли.

"Социализм — не точка в пространстве,
а линия во времени".

О.Бланки

Овес растет по Гегелю

— Быть может, ваш муж — догматик? — спросил судья.

— Мой муж — диалектик, — ответила жена.

Нас судили за ревизионизм. Год 58-й, статья 58-я. Опускаю юридические, бытовые и психологические подробности.

Предмет, интересующий меня сейчас, — эволюция общественного сознания за последние 30 лет. В этой "драме идей" участвовали многие, участвовал и я, Хома Брут, окончивший философский факультет университета имени... ну, скажем так: имени Зощенко и Ахматовой.

Седой судья, допрашивавший жену, сам был, конечно, "мучеником догмата и жертвой века", и все же он разглядел во мне, 24-летнем философе, догматика и был прав.

В известном смысле я и сейчас догматик. Я верю, например, что "овес растет по Гегелю".

Люсенковщина тут ни при чем. Речь идет о противоречивости развития чего бы то ни было, овса или общественного сознания, о тройственном ритме, присущем ему: тезис, антитезис и синтез.

Людам простодушным может показаться, будто *новое мышление* возникло из догматизма, как овес из овсюга, стоило сложиться благоприятным условиям. Или как вино из воды, если вспомнить куда более почтенную легенду.

Свидетельствую: дело было не так!

Только не будем вспоминать жуликов, прикрывавших цитатами свои неблагоприятные поступки.

Был и честный догматизм. Его я и рассматриваю как тезис. Антитезис — это инакомыслие. Надо ли говорить, что инакомыслящими могли быть вполне нормальные люди, лишь ввиду неблагоприятных условий населявшие "психушки", тюрьмы или выезжавшие за рубеж?

Наконец, синтез — *новое мышление*.

Плохим бы я был гегельянцем, если бы под синтезом разумел эклектическое соединение противоположностей. Гегель говорил о "снятии" их, придавая этому слову опять-таки тройственный смысл. Снять — значит: 1) устранить, 2) сохранить, 3) поднять на более высокую ступень.

— Позвольте, — скажут мне, — что же вы все-таки подразумеваете? Устранение здесь и сохранение там?? Не напоминает ли ваше "поднятие на более высокую ступень" известные номенклатурные игры???

Ирония и обилие вопросительных знаков — показатель пробуждения мысли. Это и имел в виду еще Гете: "Говорят, между противоположными мнениями лежит истина. Неправда. Между ними — проблема!"

В нашем случае проблемой является *новое мышление*.

Догматизм

Определенность точки зрения — необходима и желательна.

Ограниченность кругозора — нежелательна, но неизбежна.

Беда, когда собственную точку зрения принимают за центр мироздания, а линию горизонта за край света — "там, где девки лен прядут, прялки на небо кладут".

Догматизм — это система взглядов, так или иначе изолированная от реальности. Его можно сравнить с комнатой, где опущены шторы, а двери в широкий мир на ключе. Или со штабным бункером, откуда по прямой линии идут приказы, но отсутствует обратная связь. Или с тюремной камерой.

В годы моего студенчества ярлык догматизма выдавался порой не худшим профессорам.

— Ты что? Логику учишь по Асмусу? Типичный начетчик и талмудист. Возьми Строговича — это учебник! Примеры — из речей Вышинского, связь с жизнью!

Но я предпочитал В.Ф.Асмуса, а он, мудрый книжник, в свободное от академических занятий время смотрел на звезды в домашний телескоп или читал Пастернака. Благодаря таким профессорам студенты получали доброкачественный консервированный марксизм, а не только испорченный — "творческий".

Свою дипломную работу я писал, слава Богу, уже после XX съезда, но, увы, вслед за польско-венгерскими событиями.

— Постоянно ссылается, — отмечал оппонент, — на книгу о молодом Гегеле небезызвестного ревизиониста Дьердя Лукача.

У моей дипломной было длинное название — "Гегель о роли практики в опровержении агностицизма в "Феноменологии духа". Я защитился-таки. Обязан этим своему научному руководителю М.В.Эмдину, прибывшему незадолго до того с Колымы. Голос у Эмдина был как иерихонская труба, любовь к Гегелю равновелика, он встал горой за мои благие намерения, и силы ада не одолели нас. Год 58-й был еще впереди.

А "Молодой Гегель" и "Разрушение разума" стали моими настольными книгами.

Тридцать лет спустя издательство "Наука" выпустит в свет "Молодого Гегеля" уже на русском языке. Перелистываю, "минувшее проходит предо мною". Теперь, как и тогда, — посвящение: "Михаилу Александровичу Лифшицу в знак уважения и дружбы..."

Имя Лифшица попало мне и среди редакторов издания Лессинга, и в сочинениях Луначарского, им были систематизированы и прокомментированы высказывания Маркса и Энгельса о литературе и искусстве.

Позднее, сидя на нарах, я с восхищением читал его статьи в "Новом мире" Твардовского. Импонировали глубина, определенность марксистской точки зрения, полемический блеск, свойственные М.А.Лифшицу. Как мастерски, например, препарировал он сцену охоты в "Войне и мире"!

Когда я вновь обрел возможность не только читать, но и писать, я как-то послал письмо в "Новый мир".

"Уважаемый тов. Молоствов! — ответили мне. — Совершенно согласны с Вами — и в оценке работ М.А.Лифшица, и в оценке сочинений А.Дымшица. Если удастся использовать Ваше письмо в журнале (в случае, если возьмемся за эту тему), я извещу Вас непременно. С Вашего позволения перешлю письмо Ваше М.А.Лифшицу — ему будет приятно прочесть его. С уважением член редколлегии по отделу критики И.Виноградов. 24/IV-69."

Вот так — через Дьердя Лукача и Игоря Виноградова — состоялось мое знакомство с Михаилом Александровичем.

Я приведу несколько писем Лифшица ко мне, расскажу о встрече с ним. Зачем? Во-первых, это непосредственные свидетельства о минувших годах. Во-вторых, эволюция моего собственного догматизма высвечивается благодаря письмам М.А. и перипетиям наших взаимоотношений.

"Москва, 1 февраля 1975...

...Простите за то, что я не ответил на Ваше письмо вовремя. Дело в том, что меня два с половиной месяца не было в Москве, и за это время я сделал себе глазную операцию. Теперь привыкаю к новой оптике, а это оказалось не так просто.

...Вы придаете слишком большое значение моим слабым "выплескам", нашедшим дорогу в печать, разумеется, односторонним, требующим понимания и снисхождения... Я могу надеяться на благополучный итог моей литературной службы только по совокупности обстоятельств. Все зависит от будущего, оно же, как известно, "в руке божьей".

Вы говорите, что судьбы марксизма причудливы. Это справедливо. Но, к сожалению, мы не знаем ни одного великого исторического явления, свободного от этих причуд. Христианство, Просвещение, борьба за демократические свободы не являются исключениями.

От более конкретного разбора предложенных Вами вопросов я вынужден уклониться, ибо не мастер объясняться на такие темы в письмах...

Что же касается Вашей личной судьбы, то она глубоко тронула меня, и я, разумеется, испытываю чувство вины перед Вами. Приходит на ум один превосходный рассказ Лескова о взаимозависимости человеческих судеб, но это плохое утешение. Искренне желаю Вам здоровья и надеюсь, что Вы еще увидите небо в алмазах.

С товарищеским приветом Мих.Лифшиц."

Жил М.А. на Воробьевых горах, я обитал тогда в деревне Рвы у станции Дно. Это различие "жизненных позиций" обыгрывалось нами в письмах.

"11 апреля 1977 г.

...Спасибо за поздравление. А.Франс сказал, что ордена и звания нужно презирать, но лучше презирать, их имея, чем не имея. Я испытал и то, и другое, поэтому могу подтвердить справедливость его взгляда. Что касается meiner Herrlichkeit, то, как гласит арабская поговорка, "чернила ученого — то же самое, что кровь мученика". И на вершинах Ленинских гор бывают невидимые миру слезы. Жаль, что наше личное знакомство так и не состоялось, но пока удовлетворяемся тем, что глядя на мир со Дна и с вершины Олимпа, как Вы изволили писать, мы можем видеть его стереоскопически.

Что читать? Поскольку Вас интересует "совокупность производственных отношений", лучше литературу на эту тему не читать, а читать Щедрина, Глеба Успенского, Лескова или хотя бы журнал "Вокруг света"...

Придется Вам, по всей вероятности, во Рву львином, как пророку Даниилу, изучать производственные отношения на практике. Если у меня будет что-нибудь выходить, могу прислать, но, к сожалению, о производственных отношениях я не пишу, исходя из соображения, высказанного Волгиным: "Не считаешь сил, выйдет гадость". Пишу об эстетике.

...Напишите, чем мы с женой можем быть Вам полезны, имея в виду, что не единым духом жив человек, а Москва обладает в этом отношении некоторыми преимуществами... Ваш "антипод" Мих.Лифшиц."

И тогда мне казалось и теперь кажется, что кое-что о "совокупности производственных отношений" здесь прорвалось между строк.

"28 июня 1977 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

...1 мая был у меня тяжкий приступ стенокардии + мерцательная аритмия, а после этого разные последствия, но, к счастью, не инфаркт. Повезли меня в санаторий, теперь свозят на дачу... Лечился голодом — десять дней вообще ничего не ел, теперь пощусь только один день в неделю, остальное время ем все сырое, траву, как парнокопытное, но два раза в неделю положен мне все-таки кусок мяса. Словом, я похудел примерно на 12 кг и приобрел некоторую общую отвлеченность, как бы духовность...

...К "Новому миру" я имел некоторое отношение, но "молодая редакция" стремилась меня оттолкнуть и поссорить с Твардовским, что им отчасти даже удалось. Помирились мы по-братски уже перед самой смертью его, и, кажется, он все-таки понял, что чего-то не понял... Он слишком доверялся своим "портфеленосцам" (его собственное выражение) и разочарование у него было большое, тяжелое... Игорь Виноградов считался в редакции моей "пятой колонной", поэтому я его, естественно, выделяю. А впрочем — все это уже отшумело.

Если Вы будете в Москве и захотите меня повидать... — далее М.А. описывал, как попасть на дачу, куда его "свезли".

Я побывал у него.

Разговор шел о старом "Новом мире". На так называемых "портфеленосцев" у меня был свой взгляд. Но и хозяин, надо сказать, сознавал "полемическую заостренность" своих оценок.

Рассказывал М.А. о Д.Лукаче. Запомнилась такая то ли быль, то ли байка. Берия арестовал Дьердя: наркомом был у "врага народа" Бела Куна и много о себе понимает. Матиас Ракоши к нему: "Верни, Лаврентий, философа, он нужен будет новой Венгрии." — "Сыграем в покер. Выиграешь — верну". Сыграли, Ракоши выиграл, и Лаврентий Павлович, как вор в законе, вернул должок.

Даже если это не факт, то, согласитесь, анекдот — характерный.

На столе рядом с пишущей машинкой М.А. лежали желтые томики Плеханова. Я "впился". Признаюсь, на "совокупность производственных отношений" (предмет более всего интересовавший меня) я смотрел в значительной степени поплехановски. И такой взгляд, как мне казалось, не противоречил советам читать Щедрина, Глеба Успенского, на худой конец, журнал "Вокруг света"...

Но как выяснилось позднее, я заблуждался.

"4 ноября 1977 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Извините, что, получив Ваше письмо так давно, я до сих пор не ответил.

Тому есть две причины. Первая — желтые томики Георгия Валентиновича, которые Вы заметили у меня на столе, вторая — связанное с ними возвращение болезни... Как видно, нельзя связывать свои научные дела с издательскими планами. Всю жизнь я предпочитал не делать этого, занимаясь преподаванием — поэтому и дожил до 72, но зато не написал полное собрание сочинений. Даже Храпченко — и тот меня обогнал на теоретической ниве, а Вы говорите — Лосев или Бахтин!

...К марксизму без берегов у меня такое же отвращение, как и у Вас. Эклектика — это идеология обывательщины XX века от одного полюса до другого.

Насчет Е.Дороша — готов Вам уступить. Я ведь Собакевич, особенно если мне на мозоль наступят, а эти благородные передовые люди внесли рознь в наши отношения с Твардовским...

Теперь то, с чего я хотел начать. Шлю Вам мои искренние поздравления по случаю великого пролетарского праздника, предсказанного две тысячи лет назад в Риме Брутом, в Афинах Периклесом, а также Вашим предком, Чаадаевым, всей их компанией во времена Пушкина. Это Вам не Бахтинская "карнавализация", а уж если пошло на изящные выражения, то скорее "вакхический хоровод" всемирной истории, по выражению Гегеля...

Будьте здоровы и благополучны! Ваш Мих.Лифшиц."

Когда человеку 72, следует считаться с его настроениями. Кроме того, разве не ясно, что на дне во рвах и с высот Ленинских гор мыслят не одинаково? Но я, увы, задним умом крепок.

Отвечая М.А. на его любезное поздравление, я ввернул что-то об "аполлоновом начале", олицетворенном в Георгии Валентиновиче. Оно-де необходимо дополняет "дионисийское начало" этого самого "хоровода".

Последовала отповедь.

"Я иначе понимаю роль Плеханова в русской истории... Гегель, которого Плеханов не понял..." и т.д. (28 декабря 1977 г.)

Правда, в следующем письме М.А. смягчился:

"Боюсь, что... я был слишком в раздраженном состоянии и написал Вам о Плеханове что-нибудь недостаточно деликатное. Если так, то извините меня". (28 февраля 1978 г.)

К сожалению, само время ожесточало. Накапливались "негативные явления", а тогдашнее руководство страны предпочитало не замечать их, преследуя "возмутителей спокойствия" — инакомыслящих.

В этой двойственной атмосфере официального благодушия и официальной нетерпимости в журнале "Коммунист" появилась статья Лифшица.

Статья была, как обычно, блестяща по стилю и по существу, казалось бы, отстаивала верную мысль: нет двух истин — одна для Мадрида, другая для Москвы, логика обязательна для всех, поэтому надо не бояться единомыслия, а добиваться его. Все так, но разве автору не понятно, какой дополнительный смысл обретает его слово в общем контексте благодушия и нетерпимости?

В таком духе я и написал М.А.

В ответ с Олимпа ударила молния. Мне сказано было, что я... Нечаев. И если бы М.А. не велел себе сказать иного словца, он не так бы еще квалифицировал мою милость.

Я, конечно, обиделся. Демагог, анархист, наконец, — к политическим ярлыкам я привык. Но обвинение в аморализме было для меня ново, да и не заслуживал я его.

Переписка Воробьевых гор со Рвами оборвалась.

Тем не менее, когда несколько лет спустя я увидел фамилию М.А. в траурной рамке, сердце сжалось, как при известии о кончине очень близкого человека.

Как эстетик и литературовед М.А. отличался вкусовой и мировоззренческой последовательностью. Достоинство это? Недостаток?

Меня не устраивало в нем сознательное самоограничение эстетическими рамками ("к сожалению, о производственных отношениях не пишу").

Но имел ли я право требовать от старого человека иной жизненной позиции, чем избранная им? Конечно, нет, и не требовал — прямо. Но чуткое ухо М.А. улавливало и невысказанное — "комплекс Тяпушкина", присущий мне.

— Неужели он считает Венеру Милосскую несомненной принципов 1789 года? — спрашивал я себя, и вопрос этот, этот молчаливый укор, плюс моя оглядка на Плеханова, плюс то, что я наступил ему на мозоль, не одобряя статьи в защиту единомыслия, поссорили нас.

Хома Брут, философ, Тяпушкин, учитель, почтальон Печкин из Простоквашина, — оглядываясь на себя, вчерашнего, начинаешь понимать, как выглядел ты со стороны со своими амбициями и нетерпением.

Если такие люди как В.Ф.Асмус или М.А.Лифшиц хотели во что бы то ни стало сохранить марксизм до лучших времен, то мне казалось, что время требует от моих товарищей и от меня расконсервирования марксизма.

И я попытался еще студентом "марксистски взглянуть окрест себя". Каков же был результат?

Выражаясь языком протокола, "Молоствов М.М. изготовил рукопись на 24 машинописных листах, начинающуюся со слов "Нам нельзя жить согласно поговорке: кто старое помянет, тому глаз вон..." — и кончающуюся словами"... повисла в воздухе".

Рукопись была квалифицирована как "статья программного характера, содержащая требования, направленные на изменение политического строя в СССР". Называлась она "Статус кво", состояла из трех частей.

В первой части ("Культе личности и сталинизма") обожествление Сталина рассматривалось как следствие сталинизма. "Сталинизм, — писал я, довольный блеском фразы, — это ленинизм на словах, троцкизм на деле, плюс экзотически восточная жестокость и самохвальство деспота". Социально-политической базой сталинизма я считал бюрократизм, систему, которая освобождает иерархию должностных лиц от контроля со стороны рядовых граждан и поднимает главное должностное лицо — главу государства — выше юридических и нравственных норм.

Во второй части ("Демократия и диктатура") я противопоставлял практике сталинизма воззрения В.И.Ленина на диктатуру пролетариата, доказывая, в частности, что автор "Государства и революции" не представлял себе власти рабочего класса без институтов и норм, выявляющих и выражающих его коллективную волю.

Но самой криминальной оказалась третья часть — "Чего мы хотим?".

Я хотел ленинизма вместо сталинизма, демократии вместо бюрократии и т.д. Цитирую: "Сегодня мы требуем: 1) гласности политической жизни, 2) всенародной реабилитации жертв сталинского террора и всенародного покаяния его участников, 3) гарантий от рецидивов бериевщины". Такими гарантиями я считал не обещания и заверения, а осуществление принципов, провозглашенных в "Государстве и революции": выборности, сменяемости всех должностных лиц, ограничения их жалования средним заработком рабочего.

Был ли я тогда сторонником уравниловки? Совсем нет: распределение совершенно количеству и качеству затраченного труда и тогда представлялось мне справедливым, но привилегии всякого рода возмущали меня.

"Статус кво" был отпечатан в трех экземплярах и "распространен": бывший парторг нашего курса Гаранин Л.Я., кстати, участник войны, имевший правительственные награды, а также Козлов Е.А., мой однокурсник, и студент-журналист Солохин Н.Д. получили из моих рук "пропуск" и во внутреннюю тюрьму, и на скамью подсудимых.

В 1958 г. я долго препирался со следователем Елесиним: против чего я? Против социализма? — Нет. Против советской власти? — Нет. Против лично Никиты Сергеевича? — Пожалуй, нет. Так против чего же в конце концов? Я согласился на такую формулировку — "против режима личной власти". И расписался...

Но что двигало моей рукой, когда я "изготавливал рукопись"?

Сейчас я вижу в моем тогдашнем пафосе элемент хлестаковщины, игры, в которую втянулся не только я, но и вполне серьезные и зрелые люди. Поворот гоголевского сюжета: запоздывая "ревизию", отправляют юного краснобаю в места не столь отдаленные: на Воркуту, а потом в Мордовию. Пять лет — мало, десять — пожалуй, многовато, семь и — до звонка.

Все же не хлестаковщина определила мою судьбу.

С младых ногтей я был запрограммирован на то, чтобы именно так, срываясь на крик от волнения, прореагировать на горькую правду, открывшуюся нам в докладе Н.С.Хрущева на XX съезде. Святая русская литература не учила смиренного мудрию. Конечно, "Выбранные места из переписки с друзьями" прочитаны были мной лишь из уважения к имени автора. Зато письмо Белинского к Гоголю я знал наизусть еще в школе. А общение в университете с такими сверстниками, как молодой Гегель и молодой Маркс, разве доведет до добра?

Вот так появился на свет мой ревизионизм-58. По сути, конечно, это было "свое другое" догматизма, как сказал бы Гегель. Все мои и правильные, и скоропалительные выводы являлись плодом дедукции, вытекали не из "анализа конкретной ситуации", а прямехонько из "первоисточников".

Тем не менее и я, и мои товарищи учились мыслить и высказывать свои мысли.

Журнал "Огонек" опубликовал в прошлом году фрагменты из книги И.Г.Эренбурга "Люди, годы, жизнь", которые в свое время не попали в печать.

"Молодежь пытались припугнуть, — говорит писатель об обстановке между XX и XXII съездами, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали."

"Пытались припугнуть" — эвфемизм. Чтобы заставить уже после XX съезда студенческую массу говорить на собраниях не то, что она думала, потребовалась определенная работа следственных органов, судов и исправительно-трудовых учреждений.

Мордовская АССР стала в шестидесятые годы своеобразным заповедником, куда со всей страны свозили "русских мальчиков", которым было важно во что бы то ни стало "мысль разрешить".

И я там был.

Строгий режим в буквальном — юридическом — смысле этого слова не способствовал ни физическому здоровью (у меня, скажем, опустились почки и начался туберкулезный процесс в легких), ни душевному равновесию. Но, оглядываясь назад, с благодарностью вспоминаешь это свое второе студенчество.

Как Греция, по выражению Энгельса, дала зачатки почти всех позднейших мировоззрений, Мордовия позволила своим молодым невольным гражданам быстрее, чем в иных университетах, взрастить в себе зародыши идей, получивших потом развитие и в обществе, и в литературе.

Ревизионизм-58 родил инакомыслие-70, но об этом речь впереди.

Инакомыслие

"Был у царя генерал, он сведения собирал. Спрячет рожу в бороду — и шасть по городу. Вынюхивает, собака, думающих инако" (Л.Филатов). Нам свойственно весело расставаться со своим прошлым. Нельзя лишь забывать, что сказка сказывалась и дело делалось не при царе Горохе.

"Это было при нас, это с нами вошло в поговорку..."

Вначале несколько слов об инакомыслии вообще, о философской значимости этого понятия.

— Я не инакомыслящий, я просто мыслящий, — говорил один известный математик, когда его в очередной раз "побеспокоили".

Красиво сказано, но неверно.

Если мужчина утверждает, что дважды два — пять, а женщина — что дважды два — стеариновая свечка, мы имеем дело не с инакомыслием и даже не с недомыслием, а просто с бессмыслицей.

Однако и в практической жизни, и в науке нельзя все свести к субординации интеллектов от нуля до бесконечности. Возникает, и часто, необходимость в координации противоположных суждений, точек зрения, даже теорий.

Диалектика, говоря о противоречии, узаконила инако-мыслие.

Принцип дополнительности в физике по сути дела означает то же самое.

Да и можно ли быть по-настоящему мыслящим, не будучи инакомыслящим и не признавая права других на инакомыслие? И это не дань вежливости, а если хотите, гносеологический принцип.

Конечно, инакомыслие-70 — не совсем то, что инакомыслие вообще. Как название "нигилист", данное шестидесятникам прошлого века, так и прозвище "диссидент" может быть правильно разъяснено не столько с помощью толкового словаря, сколько особенностями "текущего момента", в последнем случае обстановкой, сложившейся у нас в 70-е годы.

Среднестатистический диссидент — это кандидат наук, подобно тому, как среднестатистическим "ревизионистом" был студент. Это одно поколение — шестидесятники XX века, поставленные в жесткие юридически-хронологические рамки: 58—70.

Что вытолкнуло их на авансцену?

Не секрет, что Н.С.Хрущев в качестве главы партии и правительства был противоречивой фигурой. Несомненные его благие намерения, очевидна свойственная ему импульсивность. Да и история возложила на его плечи трудную задачу: с прежней командой, с грузом старых привычек искать новые пути. А после октября 1964 г.? Отторгается постепенно уже провозглашенная экономическая реформа, трагедия сталинизма повторяется как фарс, метод проб и ошибок, позволявший все же идти вперед, уступает место "научно обоснованному" торможению.

Интеллигенция, однако, сохраняла инерцию движения.

На имя Л.И.Брежнев, в ЦК и в Совет Министров шли письма, подписанные видными деятелями науки и культуры. Среди "подписантов" был и А.Д.Сахаров.

Разложите эти письма в хронологическом порядке: число подписей со временем будет убывать, пока из знатных имен не останется ни одного рядом с трижды Героем Социалистического Труда, лауреатом – пока еще не нобелевской – премии, академиком, имя которого станет притчей во языцех, символом надежды для одних, тайного страха для других, а у большинства, плохо информированного, будет вызывать недоумение: ему-то чего не хватает?

Вокруг Сахарова соберутся те, кого называют диссидентами, те, кто имел мужество думать не по шаблону и говорить, что думает. То их беспокоила судьба очередного "чокнутого" (на научном жаргоне: "психопатическая личность абстрактно-эмоционального склада... реформистский бред... склонность к сверхценным образованиям..."), то положение крымских татар. Они же были и источником самиздата, без которого прежде нельзя было прочесть ни "Реквиема" Ахматовой, ни "Доктора Живаго" Пастернака. Они добивались законности и интеллектуальной свободы.

Говорят, что поднятая диссидентами проблема "прав человека" раздута западной пропагандой. Раздута? Разве не ветер раздувал костер, на котором сожгли Яна Гуса? И все же историки возлагают ответственность не на ветер, а на императора, собор и "святую простоту", подкладывавшую хворост в огонь. А главное: наши журналисты сегодня уже огласили столько фактов попрания законности за последнее десятилетие, что и не снилось любителям сенсаций на Западе. Следовательно, диссиденты, поднимавшие проблему "прав", не зря ели хлеб, и их усилия можно отнести к разряду "индивидуальной трудовой деятельности", а не по графе "нетрудовых расходов".

Я шучу, а с диссидентами не шутили. 190¹ как минимум, 70 – максимум. Каково-то гражданину, обостренно чувствующему ответственность за все, что происходит "здесь и теперь", оказаться вдруг "отщепенцем", отлученным от общества, как Авдий – герой Айтматова – был отлучен от церкви?

Дело даже не в больших сроках, дело в бессрочном отчуждении, которое обжалованию не подлежит.

Гегелю казалось, что он знает универсальное средство от отчуждения – "Er-Innerung", то есть самоуглубление, уход от внешнего в глубины памяти. Гегель был идеалистом, и не только в философском смысле. Он не подозревал, какие темные предрассудки таятся там, где ему виделся кладезь абсолютного знания, как трудно внутри себя отделить память подлинную от "памяти" в кавычках, "Er-Innerung" оборачивается порой не снятием, а усугублением отчуждения в прямом и резко смысле этого слова (Ent-Fremdung). Внешнее обособление перерастает во внутреннее.

Как бы компенсируя потерю всего, чем он жил "здесь и теперь", бывший гражданин идеализирует либо далекое прошлое, либо далекое "там, где нас нет".

Указуют перстом на идейные крайности диссидентства: неославянофильство, с одной стороны, неозападничество, с другой.

Я не уполномочен излагать и не хотел бы сейчас оценивать взгляды ни тех, ни других. Знаю только: если зайца бить, он научится спички зажигать.

Но среди инакомыслящих были и такие, как я: удары судьбы не оттолкнули, а "вогнали" меня в марксизм — как гвоздь, по шляпку.

Расширило ли это или сузило мой горизонт — судить не мне, и даже жена моя — тут не эксперт.

Я могу лишь откровенно изложить мои взгляды перед высоким судом гласности — как жожаевские мужики, как Авдий Каллистратов с его "новомыслием", как любой другой, кому выпала доля жить на этой земле в это время и не потерять интереса к истине.

Начну с вопроса, который покажется наивным, но тем лучше.

Зачем К.Маркс потратил столько времени, умственных и физических сил на критический анализ товарно-денежного хозяйства? Только для того, чтобы подтвердить "Монбланом фактов" и логикой, что и без того было ясно уже к моменту выхода в свет "Коммунистического Манифеста"?

Не проще ли было констатировать: "Собственность есть кража" — и, не прибегая к латыни, бросить лозунг: "Грабь награбленное"?

Напрашивается сравнение.

Когда в Москве было принято решение разрушить Храм Христа Спасителя, чтобы освободить место для проектируемого Дворца Советов, нашлись искусствоведы, фотографы и кинооператоры, которые сделали все возможное для сохранения на бумаге и пленке изображения как отдельных деталей, так и общего вида этого исторического памятника.

"Ломать — не строить". Справедливость данной поговорки мы теперь сознаем в ее буквальном смысле.

Но в социально-экономической области понятия "разрушение" и "строительство" стали для нас столь привычны, что потеряли свой фигуральный и, стало быть, приблизительный характер, превратились чуть ли не в категории политэкономии и исторического материализма.

Многоотомный труд Маркса в этой связи уподобляется работе тех, кто снимал на пленку, перерисовывал и описывал обреченное на снос здание.

Разрушитель по призванию, С.Г.Нечаев имел резон отговаривать М.А.Бакунина от перевода "Капитала". Зачем нам теоретическая копия Храма Золотого Тельца? Мы взорвем этот мерзостный храм и откроем человечеству прямой путь в рай — "атеистический и анархо-коммунистический".

Нечаев у нас не в чести. Маркса мы чтим. И тем не менее наша экономическая мысль начала с "большого скачка"... через "Капитал". Куда, спрашивается? В теории — в утопический социализм, на практике — в сталинизм, маоизм и даже в подпотовщину.

Потом ей пришлось отрабатывать задний ход: еще при жизни "зодчего коммунизма" реабилитировали закон стоимости, правда, в "оседланном" виде. Потом, смущаясь, заговорили о рентабельности, фондоотдаче и т.д. и т.п.

Не пора ли открыть "Капитал"?

В его основе — взгляд на общественно-экономическую формацию, названный Марксом "естественно-историческим".

Совокупность производственных отношений с этой точки зрения не является незбылемым монолитом ("его не объехать, не обойти, единственный выход — взорвать"), а, скорее, представляет собой организм, находящийся в процессе непрерывных метаморфоз. И революция — это не "разрушение" сначала и "строительство" потом, а родовой акт. Из недр старого общества рождается в муках новое. Декретами фазы этого процесса не отменить. Можно только смягчить и сократить родовые муки.

Так говорил Маркс, и справедливость того, что он говорил, доказана теперь и от противного.

Подобно тому, как политическая победа рабочего класса не могла означать "отмену государства с сегодня на завтра", анархистская ликвидация в экономической сфере — в организации производства и обмена — явилась бы движением назад от того уровня обобществления труда, который был достигнут товарно-денежным хозяйством.

"Капитал" был адресован не музеям в будущем бесклассовом обществе, где рядом с каменным топором ржавеет государственная машина, а рядом с первым персональным компьютером — совлеченная с общественному продукту товарно-денежная оболочка. "Капитал" был адресован международному рабочему движению, которому предстояло овладеть всеми механизмами не только политической, но и экономической гегемонии.

— Но разве социализм по Марксу, — возразят мне, — не является отрицанием товарно-денежного хозяйства?

"Плод отрицает цветок", — говорит Гегель. И на древе познания, и на древе жизни не следует, однако, уничтожать цветы ради будущих плодов.

Социализм есть результат развития товарно-денежного хозяйства. Утописты мечтали о социализме как "голом результате" — "вне процесса его осуществления". Но "голый результат, — говорил Гегель, и отлично знал Маркс, — есть труп, оставивший тенденцию позади себя".

Конечно, история не ходит прямо по логике, даже если это логика "Капитала". На ошибках учимся.

Сегодня наши экономисты, философы и историки заново перечитывают В.И.Ленина, партийные документы первых послеоктябрьских лет, осмысливают опыт военного коммунизма и нэпа. Это отраднo. Но меня удивляет пробел, возникший в восстанавливаемой ленинской концепции новой экономической политики. Я имею в виду госкапитализм — термин, вокруг которого тогда кипели страсти, а теперь царит молчание. Почему?

Быть может, "ходить бывает склизко по камушкам иным"? Едва ли. Пишущие о нэпе сейчас, как правило, не робкого десятка.

Обаяние Н.И.Бухарина, "любимца партии"? Именно он на XIV съезде предложил отказаться от этого термина как "неудобного". Удобней для пользы дела и пропаганды отождествить государственный сектор в экономике с социализмом. Но позиция Н.И.Бухарина в этом вопросе никогда не совпадала с ленинской точкой зрения. О государственном капитализме Ленин писал и говорил достаточно много, и надо бы понять, что он имел в виду.

В "Философском энциклопедическом словаре" (1983 г.), к помощи которого я было прибегаю, о госкапитализме сообщается нечто вообще маловразумительное: "Его основными формами являются концессии иностранного капитала, аренда гос. предприятий, частная торговля, кооперация и др."

Я не могу считать частную торговлю формой государственного капитализма. А кооперация и "др."? Думаю, что авторы словаря отнесут в новом издании кооперацию к социалистической форме собственности.

Но и у Ленина, и у Бухарина речь шла прежде всего о государственных предприятиях. Быть может, сам факт, что государство у нас "рабочее", ликвидирует автоматически характерное для капитализма отделение работников от собственности на средства производства и работу по найму?

"Тов. Троцкий говорит о "рабочем государстве". Позвольте, это абстракция... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское — это первых. А из этого очень многое вытекает."

Бухарин: "Какое? Рабоче-крестьянское?"

Задавая этот иронический вопрос, Николай Иванович имел в виду, что РКП(б), партия пролетарская по определению, ни с кем не делит власть. Но Владимир Ильич имел в виду нечто более существенное — массовую опору власти.

"Мало того, — продолжает он развивать свою мысль, — государство у нас рабочее с *бюрократическим извращением*" (ПСС, т. 42, стр. 203).

Это цитата из выступления Ленина на знаменитой дискуссии о профсоюзах.

"Профсоюзы — школа коммунизма". Кто не знает этой формулы, рожденной тогда? Не все помнят только, что это не "вечная истина", а конкретный лозунг, с одной стороны, позволивший укрепить единоначалие на производстве и централизованное управление им, а с другой стороны, дающий шанс массовым рабочим организациям сохранить самостоятельность. Традиционная функция профсоюзов — защита непосредственных интересов их членов — по мысли Ленина, не исчерпала себя. Но профсоюзы — считал он — должны стать и школой управления.

"Школа коммунизма — школа управления". В чем смысл этого тождества?

Речь шла не о том, чтобы отдельные рабочие из рядов профдвижения поднимались в директора, тресты, главки и наркоматы. "Выдвиженчество" — дело нужное, но речь не о том. По идее, школа управления призвана дать "аттестат зрелости" целым трудовым коллективам, поднимая их до самоуправления, превращая их из наемной рабочей силы в хозяев тех фабрик и заводов, на которых они трудятся. Вот где зарождается, согласно Ленину, "коммунизм", или, как он сам уточнял, "первая стадия коммунистической формации — социализм".

И это вполне в духе "Капитала". Разве не говорил Маркс, что тайна общественно-экономической формации — в характере отношения непосредственного производителя к средствам производства? Капитализм лишает тружеников этих средств. Социализм, напротив, восстанавливает индивидуальную собственность рабочего на основе приобретенной капиталистической эры — кооперации труда и общего владения материальными условиями производства.

Поэтому, если госкапитализм — "полнейшая материальная подготовка социализма", то навыки демократического самоуправления трудовых коллективов — духовный потенциал и арсенал социализма.

Ленинская концепция нэпа, включающая в себя и идею госкапитализма, и кооперативный план, предполагала использование всех "механизмов и рычагов" товарно-денежного хозяйства, была поиском оптимального пути к социализму для развивающейся страны с многомиллионным крестьянским населением. Она актуальна и в наши дни, и не только для нас.

И тот факт, что нэп, введенный "всерьез и надолго", был насильственно прерван, никак не доказывает преимущества другого — сталинского — пути. Год Великого перелома, пятилетки в четыре года, сделавшие СССР индустриальной державой, имели оборотную сторону, негативное значение которой мы сознаем с каждым годом все больше и больше. Экологические, демографические и нравственные потери не могут быть оправданы никакими достижениями в производстве нефти, угля и стали на душу населения, тем более, что и достижения эти, поразительные на старте, становятся все скромнее, а *неоправданная нерасчетливость в отношении природных и людских ресурсов мстит за себя у финиша*.

— Как мне проехать к станции Дворец Советов?

— Нету такой, гражданин. Есть Кропоткинская, на ней и сойдете.

Ирония истории?

И для Гегеля, и тем более для Маркса она не означала тщету разума.

Как и ирония Сократа, помогавшая человеку "познать самого себя", ирония истории обнаруживает реальные задачи, стоящие перед обществом, за дымовой завесой мнимых целей, служит развитию общественного самосознания. Другое дело, что Сократ ничего не брал за свои уроки, а уроки старушки Клио обходятся чересчур дорого.

XIV партсъезд. Когда сейчас пишут о "новой" ("ленинградской") оппозиции, стыдливо замалчивают то, что наряду с Зиновьевым и Каменевым ее возглавляла Крупская. Оппозиционеры атаковали нэп, Рыков, Бухарин, Сталин и большинство делегатов, напротив, отстаивали необходимость нэпа. Что — заме-

тим на будущее — не помешает Сталину воспользоваться аргументацией оппозиционеров, когда он решится послать нэп к черту, а Бухарина, Рыкова и иже с ними объявить "правыми уклонистами".

Но перечитайте внимательно выступление Н.К.Крупской! Разве не продолжала она ленинскую критику генсека и его методов руководства? Разве ее замечания в адрес Бухарина как теоретика были так уж беспочвенны?

Было бы наивной ошибкой видеть первопричину грядущей сталинской "революции сверху" в том, что сказал Николай Иванович и что возразила ему Надежда Константиновна. Ведь даже шутка — во вкусе Варлама из "Покаяния": "Тов. Крупская хочет крови тов. Бухарина. Мы не дадим ей крови нашего дорогого Бухарчика", — даже эта шутка — лишь симптом, показатель субъективной предрасположенности Сталина к той страшной роли, которую ему удастся сыграть.

И все же Н.И.Бухарин помог в выборе не ленинского, а сталинского пути. Если госсектор, по определению, социалистический, то превращение его в полный круг — победа социализма, чтобы там ни говорили Ф.Ф.Раскольников и другие, оказавшиеся по ту сторону черты. И уж совсем не важно, каково живется простым труженикам внутри круга. Лишения? Скажем так: массовый героизм. Удобней, выгодней, целесообразней.

"Додумать не дай", — молил Эренбург. Сегодня, как никогда, нужно додумывать свои мысли до конца.

Государственная собственность на основные материальные условия производства плюс демократия — это путь к социализму. Минус демократия — это в конечном счете этак статистский тупик, полное подчинение общества бюрократическому аппарату.

Борьба этих противоположных тенденций, преобладание негативной или позитивной обусловлены множеством факторов: международной обстановкой, уровнем культуры, силой традиций, но и индивидуальным выбором каждого, мерой активности или пассивности рядовых граждан.

Если Вы, сударь, — "раб нерадивый" на производстве, а в свободное время — "пролетарий", которому дай "хлеба и зрелищ", а остальное до лампочки, не сетуйте на Государство, — оно лишь монументальное воплощение гражданских потенций, не использованных Вами лично и отчужденных от Вас.

Если Ты, товарищ, не довольствуешься ролью труженика поневоле и потребителя из милости, а хочешь быть Гражданином, не обольщайся: чтобы Врата Закона не оставались Вечным Преддверьем, мало боевого задора, необходимо гражданское мужество, зрелость мысли, воли и — увы! — готовность к самопожертвованию. "Кто хочет на Колыму, выходи по одному!"

На этой веселой ноте из сказки Филатова можно было бы и закончить рассказ о моем варианте инакомыслия. Все же стоит высветить его и со стороны, сопоставив с яркими примерами современной публицистики.

А Стреляный изобразил историю нашей экономической науки как борьбу "кавалеристов" и "купцов". По-моему, это правильно. Но я не могу полностью согласиться с тем, что кавалеристы представляют социализм чувства, а купцы — социализм мысли.

Что такое социализм чувства? Эмоциональное неприятие неравенства, сословных привилегий и классовых преимуществ. Да, те, кто участвовал в кавалерийском наскоке на капитал в 1918 г., пожалуй, исповедовали социализм чувства. А "кавалеристы"-29 или тем более — 65—85?

Конечно, главначпупс Победоносиков желал бы, чтобы Бельведонский живописал его "ретроспективно, как бы верхом на коне". Но ведь на самом-то деле он не маялся в седле, а занимал удобное кресло, испытывая чувства, соответствующие положению, то есть очень далекие от неприятия неравенства.

А социализм мысли? Я тоже могу назвать одного купца, безусловного представителя социализма мысли: это Фридрих Энгельс. Конечно, среди нынешних сторонников развития товарно-денежных отношений имеются искренние продолжатели дела этого человека и его великого друга.

Но вот Л.Попкова с ее "пирогамы"¹. Кандидат экономических наук и совсем не девица-кавалерист. За рынок она всей душой, лейбористов громит в духе Железной Леди, да только ли лейбористов? "Кошку бьют, невестке наветки дают".

Похоже, что социализм с точки зрения Л.Попковой — некая идеальная конструкция, на практике, увы, нерентабельная. Реальным Попкова признает "тот социализм", то есть образца 1937 года.

Боюсь, что среди купцов мужского пола отыщутся молчаливые сторонники такого образа мыслей. Они за экономическую реформу, но против отмены привилегий, против "выборности командиров производства" и прочей, как они выражаются, "игры в демократию".

— Это, знаешь ли, анархо-синдикалистский уклон. Нам, менеджерам, нужна самостоятельность, а с твоим "гегемоном" поваландались, хватит. Безработицу бы на него...

Технократия, как и бюрократия, заинтересована в делении общества на тех, кто только руководит, и тех, кто только работает.

А социализм мысли не существует в отрыве от социализма чувства.

В этом я убежден. И это мое убеждение не позволяет мне идеализировать казарменные порядки с их узаконенной иерархией чинов и полулегальной дедовщиной. Я знаю, что и завтрашнее товарно-денежное развитие экономики не превратит чудесным образом — моментально — наш общественный организм в "ассоциацию свободных индивидов". Необходимо время, чтобы мы от каждого смогли получить "по его способностям" и каждому воздать "по его труду". Но иного пути к этому идеалу, чем путь, открываемый радикальной экономической реформой и демократизацией политической системы, у нас просто нет. Как нет его и у других.

Горизонты Нового мышления

Чем является для меня Новое политическое мышление?

Прежде всего оно — не Очередное Решение, а задача, поставленная перед всем человечеством и любым из нас.

Когда говорят о тех, кто формулировал эту задачу, справедливо называют А.Эйнштейна и Б.Рассела, ссылаются на творчество писателей-гуманистов. Приводятся и слова В.И.Ленина о приоритете общечеловеческих ценностей. И все же провозгласил необходимость Нового мышления для нас не кто иной, как М.С.Горбачев.

Есть люди, не приемлющие революционного духа последних лет. Только привычка не спорить с тем, что спускается сверху, удерживает их от открытого выступления против перестройки. Есть и такие, кто всегда верил в партию и ждал, когда, наконец, к ее руководству придет "человеческий фактор". Очевидно, что среди веривших и ждавших были и действующие лица. "Под лежащий камень вода не течет".

Я не мог принадлежать ни к одной из названных групп.

Суди меня Бог и Центральный Комитет, как когда-то писал Плеханов, но я не уповал и не рассчитывал на то, что революционная инициатива будет проявлена

¹ См. письмо Л.Попковой "Где пышнее пироги?" в № 5 "Нового мира" за 1987 г. — *Ред.*

сверху. Таким образом, проблема Нового мышления, сама ее постановка имела и для меня лично принципиальную новизну.

Конечно, на моем веку бывали уже великие неожиданности. Довоенный разгром командных кадров РККА не сулил ничего доброго. Но в ходе Великой Отечественной войны выросли новые военачальники. Разоблачение Сталина Хрущевым – тоже факт, который трудно было вычислить, исходя из затрат на увековечивание культа "полководца всех времен и народов".

И все же казалось, что эра Брежнева настолько бюрократизировала нашу общественно-экономическую систему, что "человеческий фактор" весь ушел в "Утиную охоту" и "Полеты во сне и наяву". Тем более трудно было поверить, что лица, именно в эти годы поднявшиеся вверх, не пропитаются насквозь цинизмом и не растратят юношеской приверженности к правде-истине и правде-справедливости.

Макдональд, насколько помню, сочинил афоризм: "Кто не был социалистом до двадцати лет – бессердечен, кто остался им после тридцати – глуп". Сам он подтвердил сформулированное им правило. Но стать всеобщим законом этой максиме не удалось.

Замечая симптомы приближающегося кризиса, я, к своему сожалению, не видел сил, которые бы вывели из него страну. Что было делать? Привязанность к этой земле, к этому народу не позволяла нам с женой и детьми отряхнуть пыль отечества с подошв своих. Мы "эмигрировали" в деревню, сеяли "разумное, доброе, вечное" в весьма ограниченных размерах и с переменным успехом. Мой марксизм раздражал и смешил посторонних. И мне самому он напоминал о феноменологии консервной банки – выражение М.А.Лифшица, употребленное, правда, по другому поводу.

К счастью, и мой взгляд на совокупность производственных отношений, на перспективу выхода из этатистского тупика, на "верхи" и "низы" нашего общества оказался не исчерпывающим все и вся. Напротив, действительность оказалась неисчерпаемой – в смысле возможностей для дальнейшего развития.

Надо полагать, информационная революция наряду с возрастающей угрозой гибели цивилизации и самой жизни на земле внесла нечто новое не только "вообще" и "глобально", но и во взаимоотношения "верхов" и "низов" в каждом конкретном случае, а, значит, и на пространстве "от финских хладных скал до пламенной Тавриды".

Конечно, и теперь неимущему легче поднять голову, чем имущему власть опустить ее в покаянии. Но тем ценнее для меня выбор, совершенный таким человеком, как А.Д.Сахаров, академик, или таким, казалось бы, послушным функционером, как покойный Н.С.Хрущев.

События марта-апреля 1985 г. – в этой связи – оказались не просто сменой лиц у кормила власти, а поворотной вехой в нашей истории.

Договор, достигнутый недавно, о двух нулях – первая победа Нового мышления над глобальными стереотипами старого, ковбойско-кавалерийского образа мыслей.

Но нам предстоит еще самое трудное – победить самих себя.

Кто это "мы"?

Почти классический ответ: "Мы – это *не они*." Последнее местоимение может быть адресовано кому угодно: на Запад, Восток, Север, Юг, как "верхам", так и "низам".

Если "мы" всегда правы, "они" всегда виновны во всех наших бедах и неурядицах.

Новое политическое мышление означает взгляд на мир как единую систему. Каким же образом мы усвоим его, когда в собственном доме расколота на всегда "правых" и всегда "виноватых"?

Как презумпция невиновности — юридическая основа здорового общежития, так и чувство вины за происходящее вокруг — нравственная основа индивидуального бытия. Об этом хорошо сказал академик Д.С.Лихачев.

За вычетом чувства вины и сознания долга интеллигенция перестает быть интеллигенцией, остается каста "высоколобых", сословие "белых воротничков", "мозговой трест", служащий той "иерархии знания", которую в наши дни изобразил философ В.Н.Шубкин. Остается двойной страх: "власть тьмы" — снизу и "тьма власти" — сверху. Остается ссылка на Гегеля: народ-де достоин своего правительства...

Но звучит эта ссылка уже не традиционно иронично. Если раньше ирония целила одновременно вверх и вниз, то теперь она обращается против межеумочного положения самого иронизирующего.

— Читал статью в сегодняшней "Правде"?

— Это нетелефонный разговор.

В условиях, когда демо-кратия перестает быть потусторонним идеалом, необходим новый взгляд и на народ, и на власть, и на самого себя.

Требуется переосмысления и вопрос о взаимосвязи внутренней и внешней свободы.

"Нельзя освободить извне того, кто внутренне несвободен". Эта мысль настолько часто повторяется в периодике, что приобретает уже вид аксиомы и прочность предрассудка.

Но все дело в том, каков ее контекст. Александр Герцен и Екатерина Дашкова с разными целями прибегали к этому афоризму. Герцен критически осмысливал опыт освободительного движения, причастность к которому составляла смысл и былого, и дум. Дашкова оправдывала перед Дидро крепостнические порядки.

Напомню шутку Гегеля, направленную против кантианцев. Они хотели исследовать способность познания до того, как приступить к познанию. "Это напоминает мне, — говорил Гегель, — мудрое намерение схоласта научиться плавать, не входя в воду."

Сказанное имеет отношение не только к истине, но и к свободе. Нельзя учиться демократии, не входя в воду. Нельзя стать действительно свободным внутри себя, не выражая себя в слове, в поступках, внешнем действии. Нельзя мириться с несвободой других, если хочешь быть свободным сам. Диалектика внутреннего и внешнего не должна соскальзывать в дамскую (а la Дашкова) апологию застоя.

После того, как Ч.Айтматов обнародовал житие Авдия Каллистратова, многие доброжелатели сетовали: зачем юноша не подождал, не набрался терпения и обрек себя на плаху? Что мог тогда изменить его гибельный шаг?

Доброжелатели не усматривают генетической связи между гласом вопиющего в пустыне и гласностью, не понимают, что последняя выросла из первого как колос из зерна. Причем это произрастание совершается по Гегелю, то есть противоречиво.

Ну вот и все моя био-графия, пересекающаяся, как мне кажется, с линией, уходящей за горизонт. "От и до", геометрическое место болевых точек, равноудаленных от сердца, моего сердца. ●

7 марта 1988 г.

ЯЗЫК ОБМАНА

Коммунистические партии, которые мы неосторожно отождествляем с коммунизмом, овладевают властью в ходе политической борьбы. Эта истина представляется настолько очевидной, что ее часто забывают, а нередко и сознательно затушевывают. Между тем значение этого факта чрезвычайно велико. То, что коммунистические партии ведут борьбу за власть на всех уровнях, означает, что эти партии не возносятся к власти на волне исторической необходимости. Отсюда следует, что успех таких партий (за исключением случаев, когда они приходят к власти вооруженным путем) зависит от искусства их лидеров, от их умения использовать в своих интересах любую благоприятную возможность. Надо понять, что мы имеем дело не с абстрактной исторической силой, а с деятельностью определенных личностей в конкретных условиях.

Это тем более существенно, что сами коммунисты в своей практической политике давно перешли от исторического детерминизма к волюнтаризму. Поскольку понимание сущности этого перехода жизненно важно для характеристики всей природы коммунистического движения, на этом вопросе стоит остановиться немного подробнее.

Историкам и социологам, не связанным коммунистическими догмами, уже давно ясно, что классовая борьба, которую Маркс считал главной движущей силой исторического прогресса, развивалась не так, как он предсказывал. В промышленно развитых странах рабочие отнюдь не живут на хлебе и воде, средняя буржуазия не обнищала, циклы подъема и упадка не сократились, а сами депрессии не стали тяжелее. "Неизбежная" катастрофа капитализма не состоялась.

История сдалась на милость "экономизма". Возникли могущественные профсоюзы, сумевшие добиться от предпринимателей и государства повышения оплаты и улучшения условий труда. В результате в развитых индустриальных странах рабочий класс, которому полагалось впасть в нищету и отчаяние, достиг необычайно высокого уровня благосостояния — несравнимого, кстати, с уровнем жизни в коммунистических странах. Да и сами капиталисты, не желая следовать предписанной им Марксом роли самоубийц, отказались драться до последней капли крови за каждую копейку дохода. И государство в промышленно развитых странах не стало инструментом фашистского подавления: оно взялось за устранение основных зол капиталистической системы путем разумного законодательства. В некоторых странах — таких, как Великобритания, Швеция, Норвегия, Франция, — власть продвинулась в этом направлении так далеко, что ликвидировала даже некоторые важные элементы самой системы. Социальное законодательство, определяющее условия найма и увольнения, практика коллективных договоров, анти-трестовское законодательство, дифференцированный подоходный налог, развитое социальное страхование — вот далеко не полный перечень тех реформаторских средств, с помощью которых история опровергла предсказания Маркса.

Попытка Ленина поднять доктрину Маркса об историческом детерминизме и классовой борьбе до уровня универсального закона оказалась столь же беспомощной в научном отношении, сколько удачной — в пропагандистском. Сейчас уже очевидно, что идея Маркса была просто ошибочной и представляла бы интерес лишь как веха в истории человеческой мысли, — если бы она не стала официаль-

ной идеологией сверхдержавы. Научная несостоятельность марксизма привела к тому, что идея о неизбежной победе коммунизма лишилась всякого исторического фундамента и превратилась в чисто мистическое учение. Но хотя перерождение коммунизма давно стало фактом, смысл и последствия такого перерождения упорно игнорируются.

Мы знаем, что ошибочность основного постулата Маркса не остановила рост политического движения, действующего под коммунистическими лозунгами. Рост этого движения, однако, никоим образом не свидетельствует о верности предсказаний Маркса. Строго говоря, дело обстоит как раз наоборот. Победа большевистской революции в России стала возможной только потому, что Ленин снял с коммунистов бремя марксизма. Первый важный шаг в переходе от экономического детерминизма к политическому волюнтаризму был сделан в критический для русской революции момент, когда у большевиков появилась возможность захватить власть. В этот момент Ленин решил, что "абсолютный закон" истории не обязателен, что Россия может прийти к коммунизму, миновав капиталистическую стадию развития. Это был отказ от исторического детерминизма в пользу воли к власти. Если Маркс считал, что задача коммунистов – помочь истории, то Ленин предложил просто обойти или пережить ее.

Следующий важный шаг в сбрасывании шелухи исторического материализма связан с тем, что слаборазвитые и колониальные страны оказались многообещающим полем действия для коммунистической экспансии. Поощряя организацию коммунистических партий в колониальных, по преимуществу постфеодальных странах, Ленин окончательно освободил коммунистическое движение от бремени марксистских исторических догм. Если по Марксу коммунистическое движение является закономерным продуктом развития капитализма, то Ленин считал, что открыл куда более простой путь политических решений. Похоже, он верил, что разработанная им (глубоко ревизионистская по сути) теория, переводящая классовую борьбу с национального уровня на интернациональный, позволяет распространить теоретические построения марксизма на постфеодальные общества. В действительности он всего лишь придал доктрине классовой борьбы политический характер. Верно, однако, и то, что работа Ленина об империализме была последней серьезной попыткой большевистского лидера проанализировать марксистские схемы в свете практики.

Стоило коммунистам усвоить основную идею Ленина о том, что с помощью государственной машины можно обойти целые стадии исторического процесса, как стремление к захвату власти стало подлинной целью коммунистического движения во всем мире. Уже никого не интересовало, есть ли в стране пролетариат и класс капиталистов, с которым надлежит бороться. Классовая борьба, по новому определению, превратилась в борьбу коммунистической партии против любого некоммунистического правительства. А поскольку ее к тому же нарекли "интернациональной", под классовой борьбой стали понимать борьбу народов коммунистического блока против всех остальных народов.

Переход от экономического детерминизма к политическому волюнтаризму был обусловлен конкретными историческими обстоятельствами. Коммунистические лидеры обнаружили, что захват власти нередко возможен и в ситуациях, которые, если следовать Марксу, никак для этого не пригодны. И в каждой такой ситуации коммунисты, махнув рукой на непреложные, казалось бы, законы исторического развития, использовали любую возможность захватить власть или расширить ее до предела. Скажем, в Советском Союзе партия вовсе не стала ждать, чтобы перемены в стране произошли сами собой, как естественное следствие изменения отношений собственности. Массовый террор, тотальная пропаганда, мощный бюрократический аппарат – все эти средства были пущены в ход, чтобы заставить "законы истории" действовать в нужном направлении. Лишение союзных республик права на отделение, навязывание Восточной Европе "революции"

с помощью военной силы, захват власти в Чехословакии путем государственного переворота — звенья одной цепи. Упорная погоня за властью в обществах, где нет ни капиталистов, ни рабочих, ни классовой борьбы, — еще один, может быть, самый характерный пример полного равнодушия коммунистических лидеров к доктрине Маркса и Энгельса об исторической роли коммунизма.

Если бы действия людей вписывались в рамки рациональной модели, то готовность большевиков пожертвовать любой теорией ради власти могла бы служить доказательством того, что коммунистические лидеры скорее прагматики, чем догматики, что они честно представили идеи марксизма на суд истории и пересмотрели их в свете результатов эксперимента. Ничего подобного. Коммунисты в своей практике просто научились приспособливаться к реальным обстоятельствам, сохраняя при этом доктрину неизменной.

Таким образом, коммунистические вожди являются одновременно и догматиками, и прагматиками. Приспособление догм к конкретным историческим условиям именуется у них "тактикой", причем создана целая литература, разъясняющая, как это следует делать. Литература эта представляет собой весьма внушительное руководство по захвату политической власти, замечательно точное, реалистичное и циничное. Анализ ситуации и предлагаемые средства достижения цели идеологически нейтральны. Иначе говоря, рекомендуемая в каждом случае тактика может быть с успехом использована любым меньшинством, стремящимся к захвату власти. Многие из этих книг посвящены анализу целей, которые едва ли были бы достижимы в рамках классической марксистской теории. Отход от любых доктрин во имя захвата и расширения власти никого не смущает, это свидетельствует лишь о "тактической гибкости".

Тактическая гибкость позволяет внедрять "социализм" в дофеодалных обществах, создавать коммунистические партии — "авангард пролетариата" в странах, где нет ни пролетариата, ни капиталистов, ни промышленности. Все это не мешает именовать государственный переворот пролетарской революцией, а крохотные организации, объединяющие интеллектуальных пиратов, — рабочими массами.

При этом полагается время от времени произносить заклинания в духе классического марксизма. Такие заклинания придают простой идее захвата власти ореол святости: все делается по науке и в полном соответствии с нормами морали.

Порой классический марксизм еще кое-как приспособливают к реальности. Чаще, однако, к нему просто взывают, ибо его основные постулаты не обсуждаются ни в свете истории, ни в свете большевистской практики. Их предпочитают не трогать — именно потому, что основные положения марксизма опровергнуты историей. Тем не менее марксизм в коммунистическом движении выполняет очень важные функции. Во-первых, он придает этому движению видимость цели, которая служит моральным оправданием самого движения. Во-вторых, он освобождает коммунистов от норм обычной морали, которые могли бы ограничить безудержную погоню за властью. В-третьих, марксизм оправдывает враждебное отношение коммунистов к любым людям и организациям, не участвующим в этом движении. Наконец, он сообщает рядовым участникам веру в неизбежную победу движения.

Нет ничего более далекого от истины, чем излюбленный коммунистической пропагандой тезис "единства теории и практики". Марксизм, в отличие от религии, оперирует земными категориями и, следовательно, поддается проверке. Мы уже убедились, что основные предсказания Маркса и Энгельса опровергнуты реальными историческими фактами. Более того, марксистские идеи дискредитированы двояко: некоммунистами — как теория, самими же коммунистами — как практическое руководство к действию. Нежелание обсуждать их по существу, стремление сохранить в первозданном виде, без увязывания с исторической реальностью, предоставив в то же время этой реальности определять повседневную по-

литическую деятельность партии, неизбежно приводит к колоссальному разрыву между теорией и практикой. Чтобы удержать такую систему в равновесии, необходим иррациональный подход. И действительно, иррациональность становится определяющим признаком и самого коммунистического движения, и его лидеров. Психологически это ведет к состоянию постоянной настороженности в отношении всего, что может угрожать высокочтимой доктрине, порождает вражду к любым проявлениям инакомыслия.

Очень хочется верить, что догматизм официальной коммунистической идеологии является потенциальным источником ее слабости, и рано или поздно коммунистическому движению и его вождям придется платить за нежелание считаться с реальностью, ибо в этом смысле коммунисты куда более уязвимы, чем правительства, которые руководствуются в своих действиях прагматическими соображениями. Эти последние, как принято думать, застрахованы от серьезных просчетов, ибо постоянно корректируют свою политику с учетом практики.

Тот, кто на это надеется, упускает из виду два важных обстоятельства. Первое: в сложных условиях коммунисты ведут себя как законченные прагматики и мастера практической политики, не стесненные ни догматической идеологией, ни нравственными ограничениями. И второе: недооценивается роль самой официальной идеологии.

Как правило, некоммунистам чрезвычайно трудно понять значение того факта, что марксистское учение об исторических закономерностях никак не связано с их практической деятельностью. Коммунистическое движение не имеет ни экономической базы, ни прочных связей с каким бы то ни было классом. Отказавшись в своей практике от исторического детерминизма и сведя классовую борьбу к борьбе между коммунистическими и некоммунистическими партиями, коммунисты получили возможность искать поддержку на любой стороне и объявлять врагами всех, кто противится их приходу к власти.

Именно так они действуют. Анализ коммунистического движения в Индии, Бирме, Франции, Италии, Африке, да и повсюду, свидетельствует, что отношение коммунистов к другим группам населения не отличается ни постоянством, ни определенностью. Деление на врагов и друзей часто зависит от места коммунистического лидера в племенной иерархии, региональных интересов, языка, личного соперничества, цвета кожи и других факторов, а вовсе не от отношения данной группы к средствам производства.

В слабо развитых странах мы постоянно наблюдаем метания вестернизированных коммунистических вождей в попытке найти или создать хоть какую-то социальную опору для их крошечных партий. Они готовы опереться на любую группу, удаленную от центров власти или плохо вписывающуюся в существующую структуру. В Китае такими группами оказались интеллигенты и крестьяне, в Индии — некоторые местные и кастовые группировки, в США — часть средней буржуазии, в Британии — национальные меньшинства, во Франции — промышленные рабочие и интеллигенция, в Африке — отдельные племена, и так далее.

При этом коммунистические партии вовсе не обязательно делают ставку на беднейший класс или классы. Все зависит от того, насколько эти классы вовлечены в политическую борьбу, до какой степени они отчуждены от власти и каковы их потенциальные возможности в этом плане. Короче, коммунисты ищут сторонников всюду, где могут найти.

Универсальный прием коммунистов — описывать политические конфликты, в которые они ввязываются, в терминах классического марксизма — мешает нам понять, что экономические категории давно утратили для них хоть какое-то значение. Обычная племенная свара вполне может быть объявлена борьбой против местной буржуазии.

Уяснение особого положения коммунистических партий в классовой структуре общества чрезвычайно важно. Тот факт, что эта партия не представляет никакой

определенный класс, а является просто группой людей, стремящихся овладеть властью, плохо укладывается в сознании. Даже вполне здравые люди верят, что коммунисты каким-то образом участвуют в борьбе между богатыми и бедными, имущими и неимущими, рабочими и предпринимателями, угнетателями и угнетенными. Отсюда – упорное представление, будто коммунисты чем-то демократичнее и прогрессивнее их недемократических соперников. В результате многие честные демократы страшно неохотно соглашаются судить о коммунистических партиях на основе тех же критериев, что и о соперничающих с ними недемократических организациях. Предполагается, что коммунисты обладают неким моральным превосходством над другими недемократическими партиями, использующими те же аморальные средства для достижения власти и навязывающими обществу диктатуру меньшинства.

Опыт свидетельствует, что восприимчивость той или иной группы населения к коммунистическим идеям далеко не всегда зависит от ее экономического положения. Решающим фактором обычно является дистанция, отделяющая ее от власти. В некапиталистических странах Азии, Африки и Ближнего Востока образованное меньшинство, особенно сильно испытывающее на себе влияние западной цивилизации, в то же время с повышенной остротой реагирует на малейшие проявления старого западного колониализма. Представители этой группы далеки от традиционной системы власти и от ценностей и социальной организации своих государств. Они-то и выступают в роли носителей "революции разбуженных надежд", катализатора социальных перемен.

Напротив, беднейшие, наименее привилегированные классы обычно глубоко традиционны. Их надежды все еще не разбужены. Их политический мир ограничен традиционной лояльностью властям и традиционным соперничеством с соседями. Умелое использование традиционных конфликтов и щедрые обещания грядущего счастья иногда позволяют вовлечь их в политическую борьбу на национальном уровне. Однако, вопреки риторике, коммунизм в слаборазвитых странах питается вовсе не надеждами и негодованием масс. Отношение местных коммунистов к своему народу зависит от того, позволяет ли этот народ манипулировать собой.

Сторонники коммунистов и всех других недемократических организаций поразительно похожи, как похожи и пути, приводящие их к власти. Ни в одной стране, где коммунистам удалось достичь власти, они не получили большинства в ходе демократических выборов. Они не пришли к власти и в результате массового восстания, открыто провозгласившего коммунистическую программу. Там, где им удалось привлечь на свою сторону широкие массы крестьян (как было в Китае или на Филиппинах во время восстания "хуков"), – они добились этого обещаниями земли крестьянам (обещаниями, о которых они тут же забывали, как только их власть укреплялась), бесконечной партизанской войной и инфильтрацией в правительство. В странах, чье население было издавна сплочено сильными национальными чувствами, а правительство было способно управлять страной, коммунисты получили власть только в результате военной оккупации (Польша, Румыния, Болгария, Албания и Восточная Германия) или государственного переворота (Россия, Чехословакия).

Существенные различия между коммунистами и другими недемократическими силами проявляются позднее, когда власть уже захвачена. В этих условиях "правые" нередко заинтересованы в том, чтобы сохранить привычную социальную структуру и культурные традиции. Франко, например, не пытался подорвать ни влияние католической церкви в Испании, ни позиции крупных землевладельцев. Как и большинство военных диктаторов в Южной Америке, да и в других районах, он не стремился изменить сложившиеся в стране экономические, социальные и культурные институты. Естественно, что у него не было надобности в проведении кардинальных реформ.

Поскольку нужды, надежды, духовные ценности и сам строй мысли большинства людей в любом обществе являются отражением их роли в этом обществе и тради-

ционной культуры, очевидно, что попытки коренным образом изменить всю эту структуру встречают несравненно большее сопротивление, чем простое ее сохранение. А следовательно, и требуют куда более жестких репрессий. Привычный социальный строй может обрекать народ на лишения и бедность, но у него есть свои нормы. Автократы и олигархи знакомого нам типа обычно используют насилие только для того, чтобы защитить свою власть. Для такого автократа сфера политики ограничена достаточно узкими рамками. Для него, как и для европейского или американского либерала, общество и государство — не одно и то же.

Коммунистические организации, пришедшие к власти, несравненно более репрессивны, чем традиционная диктатура, ибо их цель состоит в коренной перестройке общества и личности. В их понимании сфера политики безгранична. Приверженность к определенным социальным институтам или к традиционной культуре толкуется ими как политическая оппозиция. А любая оппозиция недопустима.

Естественно, что такой подход резко увеличивает вероятность конфликтов между людьми и органами власти. Соответственно ширится и область отношений, требующих вмешательства властей, применения силы.

В "трудовых университетах" и армейских бараках красного Китая люди несли ответственность даже за то, что говорили во сне, ибо государство считало себя вправе контролировать не только поведение своих граждан, но и их внутреннюю жизнь. Речь, конечно, идет о попытке изменить само мышление. В Советском Союзе сны не были наказуемы. Литература, живопись, архитектура и музыка, как в сталинские времена, так и еще долго после Сталина, были предметом неустанной "заботы" государства. Языкознание, философия, психология, биология, наравне с историей и общественными науками, — области, где вмешательство власти считалось чем-то само собой разумеющимся.

Закономерность тут вполне отчетлива. Исходная установка коммунистических вождей на коренную перестройку общества и культуры побуждает их к руководству всей широчайшей сферой деятельности, где прежде господствовали личный выбор и традиции. А всюду, где государство руководит, оно должно быть готово использовать насилие. Распространение контроля и насилия на все сферы общественной жизни — это и есть суть тоталитаризма. Поскольку контроль в социальной и культурной сферах чрезвычайно сложен, он требует огромного полицейского аппарата, всеобъемлющей слежки, массового террора. Именно по этой причине все тоталитарные режимы уникально репрессивны.

Хотя у коммунистических партий нет сколько-нибудь прочных связей с народом и приходят они к власти вовсе не благодаря широкой деятельности в массах (все равно, законной или незаконной), хотя утверждение этих партий у власти не приводит ни к росту благосостояния, ни к народовластию, существует великое множество мифов, поддерживающих представление о том, будто между коммунизмом и народом существует некая мистическая связь.

Мифы эти питаются смутными представлениями — может быть, именно поэтому они так живучи. Один из главных источников мифотворчества — семантическая путаница, которую вносят коммунисты, постоянно извращая язык. "Автономным" именуется то, что начисто лишено самостоятельности; "демократическим" — автократия; "единством" — раскол; "народным" — насажденное с помощью террора; "мирным" — подстрекательство к войне. Цель ясна: язык искажают, чтобы исказить действительность и наше понимание политической реальности. В конце концов язык — единственное средство, с помощью которого мы выражаем свои мысли. Невероятно трудно преодолеть традиционное значение слов и понять, что, к примеру, лозунг "За прочный мир, за народную демократию" никак не связан ни с миром, ни с народом, ни с демократией.

Сходная форма семантического искажения, повсеместно практикуемая коммунистическими партиями, состоит в стремлении присвоить и использовать в своих целях популярные символы, лозунги, традиции. В слабо развитых странах комму-

нисты охотно оперируют лозунгами национального и антиколониального движения. Французские коммунисты пытаются отождествлять себя с символами Великой французской революции, Сопrotивления, с традициями левых. Они очень хотели бы объявить своим Виктора Гюго – так же, как американские коммунисты давно заявляют свои права на Томаса Пейна и Авраама Линкольна.

Влияние коммунизма растет не потому, что ценности, которые он обещает, завоевывают ему поддержку все большего числа людей. Партия пополняет свои ряды и вербует сторонников, используя не свои, а чужие лозунги. Коммунизм охотно берет на вооружение любые лозунги своих конкурентов, зная, что платить по счетам ему не придется. С того момента, как партия овладеет властью, всякие дискуссии будут исключены.

В фундаментальном труде "Мировая политика и тревоги личности" Гарольд Лассвелл указывал, что революционный процесс обычно останавливается, когда группы, противодействующие революции, присваивают ее ключевые символы. Он назвал это "ограничением путем частичного включения". Коммунисты, напротив, стремятся стимулировать революцию, включая в свои программы лозунги оппозиционных групп.

Если бы коммунисты прельщали крестьян коллективизацией, молодые нации – интернационализмом, пацифистов – неизбежностью войны, интеллектуалов – единой идеологией, рабочий класс – государственным капитализмом, среднюю буржуазию – диктатурой, горюче говоря, если бы они попытались добиться поддержки, апеллируя к собственным ценностям, их шансы были бы равны нулю. И это естественно, ибо притягательность собственных ценностей коммунизма крайне ограничена. Суть, однако, в том, что коммунистическое движение – троянский конь, его истинная сущность маскируется с помощью глобальной пропаганды и умелой тактики.

Другое препятствие, затрудняющее понимание истинной природы коммунистического движения, обусловлено скорее внутренней противоречивостью самого движения, чем стремлением коммунистов кого-то обмануть. Постоянный разрыв между теорией и практикой и попытки как-то преодолеть этот разрыв с помощью словесной эквилибристики сбивают с толку самих коммунистов, эта путаница передается и некоммунистическому миру. Некоммунисты поразительно легко перенимают те определения коммунистического движения, которые дают сами коммунисты. С тем же основанием мы можем верить королю, убеждающему нас, что его власть от Бога...

Заблуждения порождаются еще и тем, что мы невольно приписываем коммунистам наши собственные понятия о ценностях и морали, свой строй мышления.

Конечно, программы демократических партий в той или иной мере учитывают конкретные нужды страны и настроения избирателей за пределами партий. Но общая ориентация и основные идеи каждой программы основаны на представлениях лидеров и рядовых членов данной партии. Тактическая гибкость любой демократической партии ограничена: партия не может игнорировать определенные ценности, независимо от того, способствуют ли они ее успеху в борьбе за власть. Таким образом, честное изложение сущности партийной программы важно уже потому, что исключает возможность присвоения партией чужих программ.

Склонность проецировать собственное представление на людей совсем иного склада нередко приводила некоммунистический мир к непростительным ошибкам. Каждый тактический маневр коммунистических партий воспринимался как их программная характеристика. Короткое затишье в холодной войне принималось за мир. Националистическая позиция, занятая коммунистами данной страны для достижения конкретных тактических целей, рассматривалась как доказательство того, что коммунистические партии по сути своей национальны. В антивоенных лозунгах, провозглашенных коммунистами в интересах советской внешней политики, усматривался истинный пацифизм. Когда коммунисты вступали в переговоры, чтобы получить передышку и выиграть время, нам казалось, что война окончена.

И еще одна причина наших ошибок — уж вовсе неожиданная — связана с тем, что мы привыкли искать истоки политических конфликтов в экономических интересах классов. Парадоксально, но "волюнтаристские" народы Запада придают ныне куда большее значение экономическим и социальным факторам, чем "детерминистские" последователи Маркса.

Особенно ощутимо это различие в странах Третьего мира. Здесь коммунисты нередко ведут себя так, будто в борьбе за власть социальные и экономические факторы вообще не имеют значения, тогда как политики Соединенных Штатов и Западной Европы явно исходят из допущения, что результаты борьбы зависят почти исключительно от экономики. Ирония тут двойная. Уделяя основное внимание развитию экономики слаборазвитых стран в надежде остановить распространение там коммунистического движения, мы молчаливо признаем тем самым истоки этого движения. Между тем коммунисты, всячески прокламирующие этот тезис, давно уже в него не верят.

Общая обстановка хаоса усугубляется еще одним обстоятельством. До недавнего времени наши представления о советской политике страдали крайним формализмом: видимое упорно принималось за сущее. При таком подходе СССР надлежало оценивать по нормам, записанным в его конституции, а коммунистическое движение — с позиций классического марксизма. В результате любая тактическая уловка той или иной коммунистической партии немедленно возводилась в ранг новой политики, а коммунистическая партия воспринималась как компания милых людей, собравшихся на вечеринку с легким политическим уклоном. И все это только потому, что она сама так себя рекомендовала... Но именно потому, что коммунистическое движение принципиально отличается от политических организаций, к которым мы привыкли, именно потому, что оно перманентно блефует и обманывает, именно потому, что его представители не желают играть традиционную роль политических лидеров и игнорируют традиционные правила, мы обязаны изучать это движение во всей его сложности, используя методы функционального анализа.

Есть только одна стратегия, которая, надо надеяться, сорвет покровы таинственности с политики коммунистических движений и государств. Это — объективное, тщательное, детальное изучение реалий. Тирания процветает, питаясь ложью, свобода — только реальностью. Мы должны задавать конкретные вопросы и предлагать конкретные ответы — только таким способом нам удастся перевести столь неопределенное понятие, как "революция", на язык идей, чувств и действий определенных людей в определенных обстоятельствах. Нам необходимо знать, что представляют собой люди, объявившие себя "авангардом пролетариата", и каковы истинные отношения между ними и рабочим классом. Мы должны разобраться в том, к чему призывают и как используют власть те, в чьи руки она попала. ●

ИЗ ЖУРНАЛОВ

А КАК НАСЧЕТ УМА И ЧЕСТИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ?

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, продолжал оратор, в партии и народе происходит наглядный процесс децентрализации совести.

*"Вопросы истории КПСС",
№ 12, 1987, стр. 146*

ЗНАМЯ

Ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал

Выходит
с 1931 года

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Михаил Шатров

ДАЛЬШЕ... ДАЛЬШЕ... ДАЛЬШЕ!

Рафаэль ШАПИРО (Иерусалим)

КУДА УЖ ДАЛЬШЕ...

1. Введение в мифологию

Важнейшие события советской истории скрыты от наблюдателя плотными облаками мифов. Мифы плохо сконструированы: бессодержательны, топорны, внутренне противоречивы. Вождь революции и великий прорицатель назначает на важнейший пост наркома иностранных дел иуду, интригана и позера Троцкого, а затем, когда тот уже окончательно себя скомпрометировал, делает его наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета. Войска вводятся в Афганистан для защиты южных рубежей страны: сверхдержава панически боится армии, которая в лучшие времена насчитывала 80 тысяч всадников на верблюдах и несколько учебных танков...

Да, мифы сами по себе не выдерживают критики. Но на критику они и не рассчитаны. Сила этих мифов совсем не во внутренней конструкции, а в обстоятельствах внешних. Таких, например, как Уголовный кодекс или гарантированная конституцией свобода слова. Что за важность, казалось бы, какими снарядами — боевыми или холостыми — стреляла легендарная "Аврора" при штурме Зимнего и в какой из хмурых февральских дней 1918 года отряды Красной Гвардии впервые столкнулись с немцами? Стоило, однако, В.Кардину поставить под сомнение эти "общеизвестные истины", как разразилась буря. И случилось это не в угрюмую эпоху культа, а в светлые годы хрущевской оттепели.

Но собственно психологические факторы тоже не следует недооценивать. Давно доказано, что воздействие мифологии не определяется восприятием конкретных мифов. Цель мифологии — создать обобщенный образ действительности. С этой задачей советская мифология справилась. Целые поколения росли с представлением о мудром вожде, который с младенческих лет выбрал "другой путь"; о его смелых и верных соратниках; хитрых и коварных врагах; гениальных полководцах из народа; посланцах рабочего класса, приобщающих крестьян к тайнам социалистического земледелия. А главное — с верой в историческую закономер-

ность и законность всего, что происходило: борьбы с ликвидаторами и отзови-стами, коллективизации, первых поражений в войне, постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград", неприятия абстрактной живописи и конкретной музыки.

У нас нет прибора для измерения того, сколько в этой вере было наивности и сколько — простого страха. Должно быть, страха все-таки было больше. Потому что едва страх ослаб, как появились анекдоты уже не только антисоветские (их хватало и раньше), а подрывающие сам фундамент мифологии. Вождь и учитель в этих анекдотах выглядел смешным, легендарный Чапай — законченным идиотом.

Процесс развивался стремительно. Прошло немного лет, и вместо "Каховка, Каховка, родная винтовка" популярность обрели песни белого движения, стало престижным дворянское происхождение, вошло в моду все заграничное — даже то, что в самой "загранице" успехом не пользуется.

Легче всего усмотреть тут естественную реакцию, своеобразную ностальгию по добрым, старым временам, которая сопутствует почти каждой революции. Вроде бы нечто похожее наблюдалось в Соединенных Штатах вслед за победой Севера над Югом; послереволюционная Франция тосковала по прошлому дважды: сначала по великолепию Бурбонов, затем по величию Наполеона.

И все-таки дело не в этом. Я уже говорил, что важнейшая идея, которую нам вбивали (и вбили) в голову — историческая закономерность пути, пройденного партией и государством. Правильно было все: расколы и объединения партии в период, предшествующий революции, любые ее действия в дни революции и в годы гражданской войны, нэп, коллективизация и индустриализация, политика восстановления хозяйства, разрушенного в период Отечественной войны. Конечно, ошибки и отступления от генеральной линии случались (культ личности, волюнтаризм Хрущева), но они не меняли и не могли изменить ни природы строя, ни правильности генеральной линии. Руководствуясь единственно верной теорией, партия вела страну единственно верным путем — вперед и вверх.

И привела. В 1984 году М.С.Горбачеву, ставшему Генеральным секретарем ЦК не на год и не на два, а надолго, пришлось подвести итоги. Итоги оказались не просто плачевными, но катастрофическими. Тотально катастрофическими. Кризис экономический, экологический, идеологический, правовой, нравственный... Американская программа СОИ и поражение в Афганистане заставляют думать, что грянет еще один (может быть, самый страшный) кризис: кризис военный.

В декабре 1987 года в издании Конгресса США вышла небольшая книжка в зеленом переплете: анализ советских экономических возможностей, подготовленный крупнейшими американскими специалистами. Книга свидетельствует, что советская экономика отстает уже не только от американской, японской или западно-германской. Даже такие, еще недавно слаборазвитые страны, как Тайвань, Бразилия, Южная Корея, опередили СССР во многих отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства. Супердержава стремительно превращается в отсталую страну.

Таково реальное положение. Для нас, однако, важнее другая сторона дела: как воспринимается эта реальность в самом Советском Союзе, насколько здесь осознают тотальный характер кризиса.

Экономика. "Пора понять, почему так случилось, что в нашей стране, с ее колоссальными богатствами земли, леса, нефти, газа, металла, с ее энергичным и ныне вполне образованным народом, до сих пор не хватает в нужном количестве и качестве еды, одежды, жилищ, книг, кинофильмов" ("Литературная газета" от 20 апреля 1988 г.).

Экология. "Иск на три с половиной миллиарда — он по поводу чего мог быть предъявлен? Разумеется, такой ущерб мог быть нанесен только природе — кому же еще другому? Других столь же пострадавших в природе быть не может — только она сама... Этот иск еще не самый большой, есть иски и побольше, и по-

опаснее, еще более бесчеловечные, более антиприродные. Ну, в самом деле, если министерство сумело вывести из строя земли целого народа — каракалпакского народа, обречь его на беды и страдания, но и после этого ни один служащий, ни один инженер, ни один министерский работник не пострадал ни на йоту — значит... Что это значит? Неужели так и надо? Так и надо, а дальше что? Или чернобылям не будет конца до самого Конца?" ("Литературная газета" от 17 февраля).

Идеология. "В чем преимущества социализма перед капитализмом? — вот пример вопроса, ответа на который не знает преподаватель-обществовед и не стыдится признаться в этом" ("Известия" от 15 апреля).

Право. "Газеты заполнены невероятными сообщениями, на нас обрушилась лавина фактов произвола, беззакония, прямых преступлений, совершенных работниками милиции, суда, прокуратуры" ("Юность", № 3, 1988).

Нравственность. Цитат тут не нужно. Достаточно заголовка статьи в январском номере "Известий": "Украдено у детей Чернобыля".

К каждому факту можно подобрать свои вопросы, свои "почему". Но есть одно общее, огромное почему, которое приложимо ко всем фактам. Почему партия, которая руководствуется единственно верной теорией и движется по единственно верному пути, привела страну к катастрофе, к кризису во всех областях жизни?

Конечно, Горбачев мог бы не отвечать на этот вопрос публично, мог просто сделать вид, что такого вопроса не существует. Но он понимал, что сегодня этот вопрос задают себе все. И если он действительно хочет что-то менять, надо объяснить людям, что, собственно, произошло.

Тут возможны в принципе два ответа. Первый: ошибкой было все, включая марксизм и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Второй: все было правильно, но на каком-то этапе партия или ее вожди допустили ошибку, которая увела нас в сторону.

Ясно, что для Генерального секретаря ЦК КПСС первый ответ исключался. Значит, правильным был второй. Оставалась самая малость: указать, когда произошла ошибка и в чем она состояла.

2. Накладка

Началось с мелочи. Генеральный секретарь назвал одну дату: начало семидесятых годов, а второй человек в партии — другую: конец семидесятых. Оба были по-своему правы. Горбачев судил по цифрам. Именно с начала 70-х все показатели роста медленно, но верно поползли вниз. Лигачева, видимо, это не смущало, цифры творит Госплан. Для него кризис обозначился тогда, когда очередной вождь разучился выговаривать слово "коммунизм" и стал напоминать тряпичную куклу. Могла ли кукла олицетворять вечную молодость теории и бесконечную мудрость практики?

Конечно, это расхождение существенного значения не имело. Хуже было другое. Ни в начале, ни в конце семидесятых не произошло ничего такого, что могло бы объяснить резкое ухудшение ситуации. Леонида Ильича никак нельзя упрекнуть в волюнтаризме. Он ничего не отменял, не вводил, не менял. Он вел корабль выверенным курсом и видел свою задачу как раз в том, чтобы не дать ему ни на миллиметр отклониться от однажды заданного курса.

Отгадка этого парадокса, найденная Горбачевым, звучала солидно. Оказалось, виной всему именно неизменность курса. В мире происходила научно-техническая революция, внешние обстоятельства менялись. А партийное руководство, увы, этого не учитывало. В результате правильные, оправдавшие себя методы управления стали в новых условиях давать сбои. Требовалась модернизация. Ну там,

создание агропрома и Бюро Совета Министров по машиностроению, подрядные звенья, расширение самостоятельности предприятий с одновременным усилением централизации...

Между тем кризис углублялся. В отчете той же группы американских специалистов подчеркивается, что для советской экономики 1987 год был "одним из самых тяжелых и разочаровывающих", что в этом смысле "он сравним лишь с последним годом правления Брежнева".

Я не сомневаюсь, что Горбачев знает положение в собственной стране никак не хуже американцев. Его беда в другом: он тоже воспитан на мифах. Однако, и это отличает его от многих и многих, Генеральный секретарь способен трезво (а главное, быстро) оценивать обстановку и менять курс. Еще в ноябре прошлого года, на праздновании семидесятилетия Октября, Горбачев высоко оценил коллективизацию и весь механизм управления, созданный в годы Великого перелома. Более того, генсек дал понять, что этот основополагающий миф пересмотру не подлежит, что где-то здесь проходит граница, отделяющая дозволенное от недозволенного, критику под лозунгом "больше социализма" от критики социализма.

Очень скоро, однако, линия заколебалась. "Это такая война, — пишет о коллективизации Юрий Черниченко, — настолько планетарная по размерам катастрофа, такой удар по производительным силам страны, что народная поэтика страха — Мамай и прочее — бледна и наивна". Еще определеннее Федор Бурлацкий. Главный вопрос сейчас, пишет он, "это вопрос о системе управления, сложившейся в сталинскую эпоху... Очевидные преступления Сталина вскрыты и разоблачены почти треть века назад. А ошибки — ошибки, так глубоко вошедшие в нашу систему управления, — все еще продолжают жить и мешать стране двигаться вперед". И дальше: "Что там говорить: мы получили представление о марксизме и ленинизме, о самом социализме из сталинских рук".

Итак, мы зашли — по крайней мере в теории — достаточно далеко. Объектом критики стал если не сам социализм, то единственная известная человечеству модель, система управления (в широком смысле), которая ассоциируется у нас с социализмом. Пожалуй, еще дальше идет в своих сомнениях Михаил Шатров, автор пьесы, которая так и называется: "Дальше... Дальше... Дальше!"

Я не буду говорить о театре Шатрова; одним он нравится, другие находят его скучным. Дело вкуса. Ясно, что это не тот театр, к которому мы привыкли. Перед нами вынесенный на подмостки спор идей. И если раньше спор в его пьесах велся на ограниченной площадке эпизода (мятеж левых эсеров, Брестский мир), то в последней пьесе Шатров обращается к истокам, к тому историческому дню 24 октября 1917 года, когда все можно было еще повернуть иначе. В пьесе этот день — и точка отсчета новой, советской истории, и своеобразный фокус, где сходятся самые разные линии: мировоззрения, судьбы, характеры, реальные события и те, что могли бы произойти.

Зрителям предлагаются вопросы, от которых у человека неподготовленного кружится голова. Была ли Октябрьская революция исторически неизбежна или она была продиктована... нет, не классом и даже не партией, а волей одного человека, Ленина. Каковы были альтернативные варианты. Содержал ли в себе Октябрь зародыши тех тенденций, которые позднее стали характеристическими (централизованное управление, однопартийная система, абсолютная власть вождя, террор), или все это было привнесено в социализм извне и почти случайно — в силу личных качеств другого человека, Сталина.

Уже один этот список вопросов (далеко не полный) дает представление о том, как далеко зашла гласность. А точнее, как далеко ей разрешили зайти. Ибо нужно быть очень наивным человеком, чтобы думать, будто журнал "Знамя", напечатавший пьесу Шатрова, и "Литературная газета", опубликовавшая статьи Черниченко и Бурлацкого, сейчас до того свободны, что могут самовольно кри-

тиковать модель реального социализма и спрашивать, оправданна ли революция. Ясно, что если гласность зашла так далеко, значит, в этом заинтересован тот единственный в СССР человек, которому, может быть, дозволено сомневаться в самом святом.

Мы понимаем, чем вызваны его сомнения. Преодолеть кризис не удалось, на карту поставлена судьба перестройки, а следовательно, судьба самого Горбачева. И все-таки отдадим должное смелости его мышления. Наверное, нелегко было человеку, воспитанному на догмах, взглянуть на мир свежим взглядом. Разумеется, "Дальше... Дальше... Дальше!" написал Шатров, но достойным широкой публики пьесу, несомненно, сделала поддержка Горбачева.

Именно так это все и было воспринято. Рискну предположить, что пьеса Шатрова стала последней каплей, переполнившей чашу и побудившей противников Горбачева выступить в "Советской России" с "манифестом антиперестройки". С другой стороны, не исключено, что письмо Андреевой ускорило появление в "Литературной газете" статей Черниченко и Бурлацкого. Как сказал забытый поэт:

...Сочувствовать больше нельзя,
И если одни идут во враги,
Другие идут в друзья.

3. Речь идет о социализме

В пьесе Шатрова намешано всякое: второстепенное и важное, глубокое и комичное. Это говорится не в упрек автору. Пьеса рассчитана на массового зрителя, а такой зритель знает о реальных событиях советской истории меньше, чем ничего. Так что не станем усмехаться и пожимать плечами, читая уверения Троцкого, что он не поддерживал "контактов со спецслужбами" или упреки Керенского по поводу изгнания из "Нового мира" Александра Трифоновича Твардовского. Конец "Нового мира" был не последним и, увы, не самым худшим признаком расцвета советской демократии.

Но и многие другие – уже отнюдь не смешные – идеи пьесы мне придется обойти стороной. Потому что тут тоже есть своя иерархия, и из важных проблем приходится выбирать наиболее важную и актуальную. Архиважнейшую, как сказал бы главный герой Шатрова. Речь идет о социализме.

Казалось бы, за сорок лет мы успели разобраться в том, что это такое. Тем более, что прошли едва ли не все его мыслимые стадии: развитой, зрелый, реальный. Факт, однако, что об этом феномене мы знаем сегодня меньше, чем знали в октябре 1917-го, и с каждым годом, по-моему, все меньше и меньше.

Не этим ли вызван жуткий разброд в умах и сердцах? Когда Генеральный секретарь призывает: "Больше социализма!", одни люди радуются, другие вздрагивают. То же происходит и тогда, когда он призывает очистить социализм от наслоений, – только при этом радуются и вздрагивают уже другие люди.

Для Ленина в 1917 году все было ясно. Социализм – это власть в руках большевиков и общественная собственность на орудия и средства производства. Вождь был уверен, что сочетание этих двух факторов гарантирует остальное: стремительный рост производительности труда, справедливое распределение общественного продукта, постепенное отмирание государства и, как следствие, переход к высшей форме социального устройства – коммунизму. Именно с коммунизма, учил Маркс, и начнется подлинная история человечества, ибо все, что было (и есть), – предыстория...

Сейчас принято искать ответ на актуальные ныне вопросы у Ленина последних лет жизни. Это разумно. Ленин первых лет революции – совсем не тот человек, с которым стоит советоваться. Он не развязывал узлы, он их рубил. Прозраз-

верстка, запрещение торговли, расстрел "спекулянтов", борьба с зажиточными крестьянами, обращение в государственную собственность даже изобретений... Перед нами типичный кабинетный мыслитель, доктринер, который использовал власть как средство привести мир в соответствие с идеями Маркса.

Пять лет революции и гражданской войны – большой срок. За эти годы Владимир Ильич многое понял. Понял, в частности, что человек устроен отнюдь не так примитивно, как мнилось классикам марксизма, что приказами, декретами и расстрелами всех проблем не решишь. Не думаю, что на сей счет стоит злорадствовать. Людям свойственно заблуждаться, а народу было бы еще хуже, если бы вождь не учился на ошибках.

Шатровский Ленин все знает с самого начала, Уже в октябре 17 года он предвидит и бюрократизм, и потемкинские деревни, и игру в реформы, и трагические последствия грубости Сталина, и нынешнюю идеализацию царского режима, и даже день, когда "мы столкнемся с самым страшным вопросом: зачем?" Глупо уличать драматурга в "подтасовке": литературный прием есть литературный прием. Гораздо интереснее разобраться в той модели социализма, к которой пришел "зрелый" Ленин.

Бесспорно, что эта модель включала нэп. Можно пойти еще дальше и допустить, что нэп был для вождя не только вынужденной мерой, не только тактическим ходом, что эту систему хозяйствования он принял "всерьез и надолго". Однако не станем забывать, что рамки нэпа были жестко ограничены. Допустив частную инициативу в сельском хозяйстве, легкой промышленности, торговле, бытовом обслуживании, Ленин сделал все, чтобы сохранить "командные высоты" в руках государства. Прежде всего высоты экономические. Уже в 1921 году в ВСНХ, то есть в органах управления хозяйством, работало около 250 тысяч человек. Эти люди не просто сидели в креслах, они действовали: руководили, вмешивались, давали указания, писали инструкции. И уже тогда их положение и зарплата зависели не от результатов их собственной деятельности, а от следования указаниям начальства.

Так был создан класс людей (ныне его численность достигает 18 миллионов), занятых исключительно управлением и ответственных лишь перед вышестоящими. Бюрократов по определению. Да, Ленин жаловался на засилье бюрократии, как теперь жалуется Горбачев. Но ему и в голову не приходила мысль изменить эту систему, отказаться от государственной собственности в пользу частной или кооперативной. И это закономерно. Общественная собственность (опять-таки по определению) – форма высшая, истинно коммунистическая. А поскольку распоряжаться своим достоянием народ не мог, класс управляющих, бюрократов стал неотъемлемой принадлежностью строя.

Еще большее внимание Ленин уделял сохранению "командных высот" в политике. Введя цензуру в качестве временной меры, он как-то забыл ее упразднить. Расстрел был отменен, но затем восстановлен: социалистическое государство нуждалось в защите. Остатки "эксплуататорских классов" были лишены многих прав, даже перед их детьми закрылись двери вузов. Участие в выборах зависело от социального происхождения: рабочие были "равнее" крестьян. В знаменитой дискуссии о профсоюзах спор, в сущности, касался лишь формы. С тем, что у рабочих не может быть интересов, отличных от государственных, были согласны и Троцкий, и Ленин. Разумеется, никто не покушался и на ВЧК, этот карающий меч революции. Когда Шатров на полном серьезе уверяет, что "постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями", тут и спорить не о чем. С первого дня своего существования меч исправно рубил головы, неугодные вождю. Кристально чистая, ленинская ЧК – голову Николая Гумилева, сталинская, "переродившаяся", – голову Николая Бухарина...

Кстати, и запрет на фракции, на позицию, отличающуюся от руководящей, был тоже принят по инициативе Ленина. Именно он, и никто другой, дал ту трактов-

ку демократического централизма, которая вскоре стала определяющей. В сущности, культ личности есть логическое завершение этого централизма: усеченный (до уровня Политбюро) конус естественным образом развивается в полный, с вершиной в особе вождя.

Если говорить не о частностях, а о вещах действительно существенных, то единственное изобретение Сталина — система двойного (партийно-государственного) руководства. Впрочем, его приоритет и тут сомнителен. Уже при Ленине все важнейшие решения принимались на уровне Политбюро, хотя роль укомов и губкомов была еще довольно существенной. Но сам Владимир Ильич, видимо, не знал, какая форма управления адекватна системе. Он был председателем Совнаркома; Троцкий и Зиновьев последовательно председательствовали в Петроградском совете — должность по более поздним меркам опереточная. А главное, секретари парткомов еще не обрели статуса реальных хозяев страны. Еще существовала сфера частной инициативы; кооперативы еще оставались кооперативами; ученые, писатели, врачи, артисты еще сами решали свои частные дела. Даже государственным сектором руководили специалисты, партийные комитеты решали такие вопросы "в общем и целом".

Созданную Сталиным систему называют тоталитарной. Это определение, правильное само по себе, мало что дает для понимания сути явления. Между тем вождя не зря называли великим продолжателем дела Маркса, Энгельса, Ленина. Именно он довел до конца, материализовал принцип общенародной собственности на орудия и средства производства, нашел ту, может быть, единственную форму, в которой этот принцип реализуется полно и последовательно.

Общенародная собственность — система отношений, при которой средства производства (в том числе, разумеется, и человек, приводящий в движение орудия труда) принадлежат всем вообще и никому в частности. Но этими средствами кто-то все-таки должен распоряжаться, иначе неизбежен развал производства, полный хаос. Кто же эти "кто-то"? Очевидно, те, кто является подлинными выразителями чаяний народа (даже если сам народ этого не сознает), — коммунисты. Разумеется, во главе с главным коммунистом, Вождем.

Понимание этой главной, стратегической установки товарища Сталина позволяет понять все остальное. Великий перелом был действительно великим, ибо означал переход от хаоса в управлении к организованному, упорядоченному, целенаправленному руководству всей общенародной собственностью. Но прежде всего людьми, ибо, как известно, люди — наш самый ценный капитал.

Не надо думать, будто эта картина утрирована. В сознании тысяч и тысяч руководящих (но также и руководимых) именно так выглядит система отношений, отличающая социализм от всех других общественных формаций. Горбачев не говорит о винтиках, он говорит о человеческом факторе. Факторе, от которого в решающей степени зависит главное — благополучие государства. Еще рельефнее проявляется такой подход в выступлениях второго коммуниста страны и ведущего идеолога партии Лигачева.

Читая его речи, понимаешь, почему он так опорно, вопреки самому Горбачеву, стремится ограничить эпоху застоя узкой полоской времени — началом восьмидесятых годов. Конечно, будь на то его воля, он предпочел бы вовсе обойтись без этого гнусного слова. Тут, однако, уже ничего не поделаешь: нынешнее положение надо как-то объяснять. Но скорее всего, нынешний кризис для него действительно загадка. В те же семидесятые годы и он, и тысячи других секретарей беззаветно трудились: решали вопросы, принимали резолюции, давали указания, проверяли исполнение. Какой же это застой...

Культ личности? Бог с ним, с культом, — за него отвечают те, кто стоял тогда во главе партии и государства. Важнее, неизмеримо важнее, что именно в тридцатые годы был окончательно утверждён тот естественный порядок вещей, при котором абстракция общенародной собственности материализовалась, обрела

личностный облик. Появилась когорта вождей, знающих нужды и чаяния народа лучше самого народа и потому способных решать любые вопросы неизмеримо лучше специалистов. То есть можно допустить, что в частностях крестьянин или местный Эйнштейн и сейчас разбираются лучше секретаря ЦК. Это как раз мелочь, ибо пост секретаря излучает некую особую эманацию, дающую ему право управлять от имени народа.

Нет, не функции Госплана и не степень самостоятельности предприятий — центральный момент перестройки. Решается совсем другой вопрос. Будет ли сохранен глобальный порядок управления страной, рожденный революцией и закрепленный в ходе Великого перелома, или Горбачев решится вернуть нас к хаосу нэпа. Для высоких противников перестройки это вопрос власти, для страны — вопрос жизни и смерти, ибо пятьдесят лет неоспоримо доказали, что этот порядок, позволяющий успешно решать многие задачи (уничтожение миллионов людей, победа в войне и т.д.), обладает одним существенным недостатком: он антипроизводителен.

Я имею в виду не производительность труда в узком смысле слова (хотя она тоже важна), но всю совокупность факторов: развитие науки и техники, качество товаров, экологию, культуру, право, нравственность... Уже ясно, что система, при которой решаем не мы, решают за нас, приводит не только к фантастическим просчетам (вроде запрета на кибернетику), но и к утрате инициативы, нравственных критериев, самого смысла жизни. К одичанию.

Режим дореволюционной России был далек от идеала. Сословная структура общества сдерживала развитие страны, самые хорошие идеи нередко застревают в шестеренках бюрократической машины. Но если даже царские чиновники сдерживали инициативу других, то они хотя бы не навязывали им свою. Ни бюрократы, ни сам царь не учили крестьянина пахать землю, купца — торговать, промышленника — управлять фабрикой, поэта — писать стихи. Уже одно это было величайшим благом, все значение которого мы начинаем понимать только сейчас.

Советский гражданин, приехавший на Запад, замечает, что жизнь здесь организована на редкость удобно. Это касается любой области, будь то торговля, туризм, обслуживание инвалидов. Но самое странное, что все устраивается как бы само собой, без участия правящей партии и государства. Не сразу понимаешь, что фокус именно в том и состоит, что везде, где это возможно, государство избегает вмешательства. Миллионы людей, занятых в производстве, туризме, обслуживании, все решают сами. Разумеется, при этом они преследуют свои, сугубо узкие, эгоистические цели: изготовить побольше, продать, получить прибыль. А в результате полки магазинов забиты товарами, автобусы ходят по расписанию с точностью до секунд, учреждения, магазины, лифты, уличные переходы оборудованы специальными приспособлениями для инвалидов.

Зависимость между системой отношений (формами собственности) и состоянием страны сегодня ясна всем. Кроме, понятно, тех, кому общенародная собственность и основанный на ней порядок представляются единственно разумными, правильными и справедливыми. Правда, и они признают, что при таком порядке возможны отдельные недостатки, что кое-что неплохо было бы улучшить. Но им кажется (уже более полувека кажется), что дело лишь в том, чтобы выработать самую лучшую резолюцию, подкрепить ее подбором кадров, обеспечить контроль исполнения.

Этих людей тоже надо понять. Десятки лет они заняты только тем, что руководят — заседают, обсуждают, решают, подбирают, обеспечивают. Можно ли ждать, что они вдруг, в одночасье, поймут, что крутят колеса чертовой мельницы, перемалывающей хлеб, нефть, металл, самого человека в месиwo цифр, планов и показателей, сводок и рапортов, вахт и соцсоревнований?..

Сталин немало потрудился над совершенствованием этой мельницы. Не стоит, однако, забывать имя ее творца. Да, в конце жизни Владимир Ильич начал ощу-

щать, что система работает не совсем так (или совсем не так), как ей надлежало бы. Он даже предложил меры лечения. Перечитайте позднего Ленина — перед нами та же галерея призраков: ввести в состав ЦК сто "настоящих пролетариев" ("которые, — цитирую по Шатрову, — ни слова не взяли бы на веру, ни слова не сказали бы против совести, не испугались бы никакого авторитета"), реорганизовать Рабкрин, перестроить соцсоревнование, развивать кооперацию... Тут нет и намека на мысль, что кооперацию, например, не надо развивать (мы знаем, как развивал ее Сталин), достаточно оставить ее в покое, дать ей развиваться самостоятельно. Не знаю, верил ли в эти призраки Ленин. Но неужто сейчас, в 1988 году, в них верит Шатров?..

Можно спорить о том (как спорят у Шатрова Ленин и Сталин), перестал ли нэп работать уже 1928 году. Но бесспорно, что отношения между "темной деревенской сволочью" и городом обострились. И обусловлено это было совсем не "извечной" классовой враждой, а разными тенденциями в развитии двух секторов хозяйства — государственного и частного. Частный, хорошо ли, худо ли, рос и ширился. Государственный — по мере того как предприятия теряли коммерческий характер, превращаясь в объект "общепартийного руководства", — вырождался. Качество продукции падало, цены росли. Крестьянину стало невыгодно продавать хлеб, он начал его придерживать, сокращать посевные площади. Когда в пьесе Сталин говорит: "Мы остались без хлеба", он не преувеличивает. Он всего лишь не объясняет, почему это произошло.

4. Если бы не было Сталина

На протяжении почти всей пьесы Шатров ставит перед нами этот вопрос: что было бы, если бы Сталина не было. Эта ситуация ("история в условном наклоне") проигрывается в нескольких вариантах. Ленин поправился и смог руководить страной еще хотя бы лет десять. ЦК согласился с ленинским завещанием, отстранил Сталина и избрал Генеральным секретарем, допустим, Фрунзе, или Дзержинского, или Кирова. Вместо Великого перелома в основу развития положен бухаринский план "медленного вставания в социализм".

Очень трудно спорить о том, что было бы, если бы... И все-таки. Я полагаю (хотя это не более чем личное мнение), что любой из этих вариантов был предпочтительнее, ибо не принес бы с собой таких жертв и лишений. Тем интереснее понять, почему из многих зол история выбрала худшее. С Лениным — ясно, против смерти бессильны даже марксизм. Но Киров? Но Бухарин? Но другие?

Ответ, увы, ясен. "С тобой, Бухарин, никто не пошел", — резонно замечает в пьесе Сталин. И с другими не пошел: с Троцким, с Зиновьевым и Каменевым. Если же Киров пользовался поддержкой, то потому, что в 30-е годы его позиция мало чем отличалась от сталинской: он яростно клеймил троцкистов, громил зиновьевцев, выступал против Бухарина, решительно поддерживал идею Великого перелома. Похоже, от Сталина он отличался только характером: при нем, возможно, террор был бы ограничен рамками "целесообразности".

Тут, однако, есть обстоятельство, над которым стоит задуматься. Сталин сосредоточил в своих руках "необъятную власть" уже при жизни Ленина. В чем выражалась эта власть? Очевидно, в том, что он пользовался поддержкой основной массы руководителей, занимавших тогда командные посты. Вряд ли этих людей привлекали его грубость и нелюбовность. Значит, им импонировал его курс. И хотя в начале 20-х годов сталинская программа была выражена не так отчетливо, сама идея — тайны не составляла. Сталин выступал за всемерное расширение роли партии, то есть подчинение всего и вся власти партийных секретарей. Стоит ли удивляться, что эти секретари его поддерживали? Сталин говорит у Шатрова, что представлял интересы простых людей и сводил марксизм

к истинам, понятным этим людям. Все так: "простые люди", секретари партячеек и комитетов, отлично понимали, чего он хочет. Они хотели того же.

Довольно скоро это понял даже главный теоретик "другого пути". "Вот уже седьмой год, — оправдывается Бухарин, — у меня нет и тени разногласия с партией". Если так, то где же Шатров усматривает альтернативу сталинской программе? Кстати, сам Владимир Ильич одобряет "социалистические преобразования" и сводит собственную вину лишь к тому, что "из-за своей проклятой болезни не довел до конца дело с перемещением Сталина". По Ленину, все беды страны от Сталина — человека, сместившего "сетку политических и нравственных координат". Воистину нет больших идеалистов, чем эти материалисты!

Недавно мы отметили (разумеется, без излишней помпы) весьма почтенную дату — 35 лет со дня смерти Сталина. Тридцать пять лет — срок достаточный, чтобы понять, пересмотреть, вернуться к истокам. Хрущев, отдадим ему должное, порвал сталинскую сетку нравственных координат. Рядовой человек, далекий от политики, уже не дрожит в ожидании доноса и ареста, его не преследуют ночные кошмары. Это, конечно, хорошо. Только вот живет этот человек по-прежнему плохо.

"Что нашему рабочему от того, — спрашивает в пьесе Орджоникидзе, — что все национализировано, если вокруг тирания?" И если, продолжим мы, не хватает жилья, нет самых необходимых продуктов и товаров, если уровень жизни в стране ниже, чем в любом развитом государстве мира, если производимое творится теперь не столько на государственном, сколько на местном уровне, если мораль народа упала до уровня, угрожающего самому его существованию?

Орджоникидзе у Шатрова не случайно останавливается на первом "если". Тирания — как раз та особенность системы, которую легко списать на Сталина. С остальными ее особенностями дело обстоит много хуже. И это снова и снова возвращает нас к вопросу: во имя чего совершалась революция, или, иначе, что принес народу социализм?

В разное время на этот вопрос отвечали по-разному. Сначала упор делался на прибавочную стоимость, которую присваивал капиталист. Нам с цифрами в руках доказывали, что революция для того и нужна, чтобы отобрать эту стоимость у капиталиста и отдать нам, трудовому народу.

Скоро выяснилось, однако, что прибавочная стоимость почему-то не сделала нас богаче. Это, однако, неважно. Важно, что социализм покончил с нищетой и эксплуатацией. Миллионы заключенных, крестьян, прикрепленных к земле и работавших за "палочки", законы, железной цепью приковавшие работника к предприятю, — все это, надо полагать, не имело ничего общего ни с нищетой, ни с эксплуатацией.

Война, открывшая миллионам людей окно в Европу, заставила снова сместить центр тяжести. Отныне упор стал делаться на свободу. Пусть наш материальный уровень не так высок, но зато мы свободны, неслыханно свободны. И демократия у нас самой высшей, социалистической, пробы. Не продажный буржуазный парламент, а Советы депутатов трудящихся. А какова наша система выборов: один кандидат, которому мы отдаем 99,99% голосов. Да только ради того, чтобы народ мог проявить такое единодушие, стоило устраивать революцию!

Горбачев честнее своих предшественников. Он ничего не говорит о прибавочной стоимости, редко и вяло поминает эксплуатацию, не восхваляет нашу немислимую свободу и даже вроде бы намерен вернуть буржуазному слову "выборы" его первоначальный смысл. Оказывается, главное преимущество социализма не в том и не в этом, а совсем в другом. В сильной социальной политике, в социальной защищенности.

Не станем спрашивать, а нельзя ли было достичь этой скромной цели без мировых потрясений, миллионов жертв, ломки привычных форм жизни и традиционных нравственных ценностей. Говорят, например, что к сильной социальной политике

пришли многие страны (хотя бы Швеция, Норвегия, Дания) — и вполне мирно. Ладно, у каждого народа свой путь. Подумаем о другом. Так ли уж сильна наша социальная политика, наша защищенность от жизненных бурь?

Нет. Советские газеты сейчас пишут об этом вполне откровенно. Квартиры, конечно, дешевые, но миллионам людей их не хватает. Оборудование и медицинское обслуживание бесплатны, но беспримерно плохи. В домах для детей и престарелых условия ужасны. Безработных, правда, пока немного, но работающий получает меньше, нежели безработный Западной Германии. А впереди маячат уже и массовая безработица, и повышение цен. Какая уж тут социальная защищенность...

Проще всего обвинить в этом государство и лично М.С.Горбачева: не строят, не улучшают, не повышают, не вводят. Они действительно во многом виноваты. Огромная армия, полчища партийных и иных чиновников, средства, которые тратятся на удовлетворение имперских амбиций в Азии, Латинской Америке, Африке. И все-таки не это главное. Самая большая наша беда в том, что ущербна сама экономическая система, тот механизм (и не только хозяйственный), от которого зависит производство материальных благ. А там, где благ мало, сильная социальная политика просто невозможна. Для этого нет средств. Изменить этот печальный факт не может даже Горбачев.

"Дальше... Дальше... Дальше!" — повторяет Ленин в пьесе Шатрова. Но куда уж дальше? Привычная дорога завела страну в такой тупик, что дай нам Бог вообще из него выбраться. Случайные меры, почти наугад выхваченные из экономического контекста (агрпромы, подрядные бригады, хозрасчеты), тут не помогут. Нужна иная система отношений. Не так важно, как это будет называться: больше социализма или меньше. Важно, чтобы это была система, построенная не на догмах (все равно — прежних или новых), а на учете экономических законов, психологии реального человека. Время игр в философию, время мифов прошло. Слишком ответственно и серьезно все, что происходит в нынешнем мире. ●

ФИДЕЛЬ

Разгром армии Батисты в 1959 г. и создание в 1965 г. новой Коммунистической партии на Кубе в качестве правящей партии были первыми крупными вехами на пути революции Фиделя Кастро. Следующей вехой стало принятие 12 февраля 1976 г. новой конституции, или "институционализация Революции", как назвал это событие Кастро. До этого в течение 17 лет правовую основу кубинского государства составлял "Основной Закон", наспех набросанный первым революционным правительством, а также тысячи других законов и постановлений, хотя ни у кого не было сомнений, кому именно принадлежала реальная власть в стране.

Законы, тем не менее, нуждались в пересмотре, совершенствовании и кодификации. Что еще важнее, социалистический строй на Кубе и поставленная цель строительства коммунизма требовали легитимации. Поэтому в октябре 1974 г. Блас Рока, Генеральный секретарь старой Коммунистической партии и член Политбюро новой партии, был назначен председателем комиссии, в задачи которой входило составление проекта новой конституции. Через 6 месяцев этот проект был опубликован и представлен на суд миллионов кубинцев — в партийные и военные организации, профсоюзы, молодежные и женские объединения. Обсуждение конституции, которое Кастро назвал "прямой демократией", не повлекло за собой никаких существенных изменений в проекте, однако народ, к удивлению властей, высказался за еще более "прямую" демократию.

Новшеством в проекте конституции было создание своего рода местного самоуправления, именуемого "Народной властью". Эта структура управления увенчивалась Национальной ассамблеей, названной в проекте "высшим органом государственной власти" и наделенной законодательными функциями. Серьезные разногласия вызвал, однако, вопрос о порядке выборов депутатов в Национальную ассамблею. Одни высказывались за прямые выборы, другие — за то, чтобы депутаты избирались муниципальными собраниями "Народной власти".

В первом случае избиратели, хотя бы в принципе, имели бы право голоса в формулировании основных направлений национальной политики, и процесс принятия решений происходил бы на глазах у народа. Во втором случае членство в Национальной ассамблее определялось бы политическими манипуляциями на местах: кандидаты назначались бы муниципальными органами, либо просто партийными или правительственными чиновниками. Поскольку проект также предусматривал, что депутаты Национальной ассамблеи "должны разъяснять избирателям политику государства и периодически отчитываться перед ними", прямые выборы могли обернуться для центрального правительства катастрофой. Полемика была настолько ожесточенной, что в конституции, по поводу которой 15 февраля 1976 г. был проведен всенародный референдум, о порядке выборов не было сказано ничего. И только *после того*, как 97,7% населения одобрило проект, Центральная подготовительная комиссия, возглавляемая Фиделем Кастро, вставила в текст конституции положение о том, что "...Национальная ассамблея... состоит из депутатов, избранных муниципальными собраниями".

Этим закончилась первая и последняя серьезная попытка демократизации кубинского социализма.

Конституционному референдуму предшествовал I съезд Коммунистической партии Кубы, состоявшийся в декабре 1975 г. под председательством Фиделя Кастро и при

участии Михаила Суслова, главного советского идеолога и одного из самых влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС. Доклад Кастро на съезде представлял собой документ на 248 страницах, излагавший историю Кубы, революционного движения "Фиделистов" и трансформации его в социалистическое движение, описывавший первые 10 лет существования Коммунистической партии, достижения революции и борьбу Кубы против "империализма" и в поддержку "освободительных движений". Хотя в то время, когда Кастро выступал перед съездом, кубинские войска уже сражались в Анголе, в докладе об этом не было сказано ни полслова. Кастро лишь упомянул о "недавнем образовании независимой республики Анголы под руководством МПЛА, находящейся в самом сердце ожесточенной и героической борьбы против империализма". Тогда война в Анголе не была еще для Кубы общенародным делом.

Конституция определяла Кубу как "социалистическое государство рабочих, крестьян и других работников физического и умственного труда", а Коммунистическую партию — как "высшую руководящую силу общества и государства, организующую и направляющую всенародные усилия в деле построения социализма и продвижения к коммунистическому обществу". Она прославляла Хосе Марти, "который вел нас к революционной победе народа", и Фиделя Кастро, под руководством которого "триумфальная революция" должна была идти вперед.

Таким образом, Кастро, увековеченный в тексте конституции, в сущности, провозглашался по закону пожизненным лидером страны. Как следствие этого, любое сопротивление ему было бы "антиконституционным", а не просто "контрреволюционным".

В соответствии с конституцией Национальная ассамблея избрала Государственный совет в составе 31 члена с Фиделем Кастро в качестве председателя и Раулем Кастро — его первого заместителя. Как председатель Госсовета Кастро стал "главой государства и правительства". Таким образом, будучи одновременно Президентом Кубы, Председателем Совета Министров, Первым секретарем Коммунистической партии и Верховным главнокомандующим, Кастро оказался облеченным абсолютной властью.

Никакой специальной процедуры передачи власти разработано не было, но Рауль стал первым заместителем Председателя Государственного совета, первым заместителем Председателя Совета Министров, вторым секретарем Коммунистической партии (ни в одной другой коммунистической партии мира такой должности нет) и министром обороны. Специально для него было создано воинское звание генерала армии. В результате вопрос преемственности власти решил сам собой, и Фидель как-то совершенно серьезно заметил, что "такая структура власти обеспечивает непрерывность развития революции" и после его смерти. С той же серьезностью он добавил, что, в сущности, может уже уйти на покой и передать бразды правления Раулю, который является его преемником вовсе не потому, что приходится ему братом, а потому, что обладает всеми качествами вождя. Верного Дортикоса убрали с поста Президента Кубы и назначили на скромный министерский пост (позднее он покончил жизнь самоубийством).

Конституция 1976 г. и I съезд Компартии Кубы упрочили незыблемость режима, исключив вероятность каких бы то ни было серьезных структурных или идеологических перемен в будущем — иначе говоря, исключив возможность переворота. По ходу дела насущные проблемы общества могли так или иначе решаться, но структура государства и его идеология должны были оставаться неизменными. В этом смысле будущее Кубы было твердо обеспечено. К 1986 г., уже после того как состоялись еще два съезда Компартии (созываемые раз в пять лет), все оставалось по-прежнему, а Фидель Кастро продолжал быть единственным и конечным авторитетом и арбитром в принятии любых решений. Национальная ассамблея собиралась два раза в год, как и предписывается Конституцией, но каждая сессия длилась не более двух-трех дней.

В 1986 г. Фидель Кастро отпраздновал свое 60-летие и 27-ю годовщину своей революции. Те 10 лет, что прошли с 1976 г., были годами невероятно активной деятель-

ности в области внешней политики и неизменно тщетных усилий оживить и организовать кубинскую экономику и поднять жизненный уровень 10-миллионного населения острова (после того, как основные нужды в области здравоохранения и образования были более или менее сносно удовлетворены). На международной арене у Кастро было больше побед, нежели поражений. Как и прежде, он вел себя дерзко и добился определенного уважения и признания в мире. За все время с тех пор, как в 70-х гг. в Чили был свергнут Альенде, Кастро лишь дважды терпел поражения: когда его друг Майкл Мэнли, премьер-министр Ямайки, провалился на выборах и был отстранен от власти, и когда американцы высадились на Гренаде, с помощью которой Кастро надеялся расширить сферу кубинского влияния в восточной части Карибского бассейна. События в Гренаде были жестоким ударом для Кастро. Его батальоны и вооруженные рабочие не оказали американцам практически никакого сопротивления и быстро были разбиты. Кастро сместил командующего войсками и послал в Гренаде и назначил их на второстепенные должности в Анголе. В аэропорту Гаваны, куда были доставлены тела погибших на Гренаде кубинцев, сгорбившийся Фидель долго стоял в одиночестве, погрузившись в раздумья.

Что касается отношений с Соединенными Штатами, то здесь были и победы, и поражения. Переговоры с администрацией Картера привели к созданию в 1974 г. дипломатических "отделов взаимных интересов": кубинского в Вашингтоне и американского в Гаване. Эти отделы, некий суррогат посольств при отсутствии дипломатических отношений, обеспечили каналы быстрой связи между двумя правительствами. И администрация Картера, и администрация Рейгана держали главу кубинского "отдела" на расстоянии вытянутой руки. Кастро же поставил себе за правило обходиться со старшим американским дипломатическим представителем в Гаване как с послом, неизменно приглашая его на "дворцовые" приемы. Когда в 1985 г. ему сообщили о том, что главой американского "отдела" назначен новый дипломат, Кастро проявил величайшее любопытство, расспрашивая приезжих американцев и дипломатов, что за человек этот новый американец.

Переговоры с Соединенными Штатами привели в 1978 г. к заключению соглашения, позволившего изгнанникам, жившим на континенте, навещать свои семьи на Кубе. Десятки тысяч воспользовались этим соглашением. Его действие было приостановлено в 1985 г. из-за того, что в США в составе "Голоса Америки" начала работать антиправительственная радиостанция "Радио Марти", вызвавшая чрезвычайное раздражение Кастро. Очередные переговоры с администрацией Картера, которыми Кастро лично "дирижировал", не кончились ничем, а массовый исход с Кубы более 120 тысяч человек, отправившихся на лодках из порта Мариель во Флориду в 1980 г., положил конец дипломатическим контактам. Кастро, разъяренный неосторожным замечанием президента Картера о том, что Соединенные Штаты готовы принять кубинских политических беженцев с "распростертыми объятиями", содействовал этому массовому бегству кубинцев.

Звездный час в области международной политики пробил для Кастро, когда он был избран председателем Движения неприсоединившихся стран на 1979–82 гг. и таким образом взял на себя формальное руководство Третьим миром, чего так долго добивался. В сентябре 1979 г. Фидель Кастро принимал в Гаване конференцию на высшем уровне, в которой участвовали главы 92 государств или их представители — от престарелого руководителя Югославии, коммуниста маршала Тито до глубоко религиозного мусульманина, президента Пакистана Мохаммеда Зия Уль-Хака и премьер-министра Индии Индиры Ганди — и при всем том умудрился остаться в центре всеобщего внимания.

Повсюду события развивались так, как он того хотел. В марте 1979 г. его друг Морис Бишоп, левый адвокат и политический деятель большого личного обаяния, установил прокубинский режим на маленьком островке Гренада в восточной части Карибско-

го моря. В июле того же года Фронт национального освобождения сандинистов покончил с режимом диктатора Сомосы в Никарагуа. Кастро хорошо знал Карлоса Фонсеку, основателя движения сандинистов, убитого в 1966 г., и оказал серьезную помощь повстанцам, заставив их сначала объединиться в общий фронт. Теперь у Кубы были революционные союзники и в Центральной Америке, и на окраине Карибского бассейна, в двух шагах от стратегически важной Венесуэлы.

В октябре того же года Фидель Кастро снова, впервые за 19 лет, прибыл в Нью-Йорк, чтобы обратиться к Генеральной Ассамблее ООН в качестве лидера Движения неприсоединившихся стран. Настал час сладкой мести: когда-то, в 1960 г., он нашел себе прибежище в маленькой гостинице в Гарлеме, а теперь провел три дня в центре Нью-Йорка в 12-этажном здании кубинской миссии при ООН (комплекс, в который входят также жилые помещения для сотрудников и школа), которое Куба только что приобрела за 2,1 миллиона долларов. После Соединенных Штатов и Советского Союза кубинская миссия имела третий по величине штат сотрудников. Вспоминая эту последнюю поездку в Нью-Йорк, Кастро сказал мне с нескрываемым удовлетворением: "Тогда, в 60-м, мы пробавлялись курятиной... а теперь я привез с собой лангустов и ром.."

Выступив 12 октября на Генеральной Ассамблее с двухчасовой речью, Кастро, как представитель обездоленного Третьего мира, убеждал Соединенные Штаты и других "богатых империалистов" выделить слаборазвитым странам 300 миллиардов долларов в течение 10 лет. "Если для развития не будет ресурсов, не будет и мира, — сказал он, — и нас ждет апокалиптическая катастрофа." Проблемы Третьего мира, в том числе и его гигантская задолженность промышленно развитым странам, стали центральным пунктом международной политики Кастро в 80-х гг. Он пылко отстаивал свою линию и на конференции неприсоединившихся стран в Нью-Дели в 1982 г., и в Гаване в ходе организованной им в 1985 г. невероятно активной кампании против возврата долгов.

Экономические проблемы были лишь одним из аспектов все разраставшегося "интернационализма" Кастро. Другим аспектом этого "интернационализма" было участие кубинских войск в революционных конфликтах по всему земному шару. Начав с войны в Анголе в 1975 г., Кастро затем двинулся в 1978 г. в Эфиопию, отправив туда около 20 тысяч военнослужащих, чтобы помочь марксистскому режиму подполковника Менгисту Хайле Мариама отразить нападение Сомали на Огаден, право на который оспаривали обе стороны. И на этот раз, как и в Анголе, Советский Союз поставлял новому режиму оружие и военных советников. Это была уже вторая совместная советско-кубинская военная авантюра.

Во всем, что касалось Третьего мира, Кастро и Советский Союз действовали заодно. Когда в декабре 1979 г. советские войска вторглись в Афганистан, дабы спасти тамошний "социализм", применив "доктрину Брежнева" на азиатской почве, Кастро решительно поддержал советскую интервенцию. Он оправдывал ее несмотря даже на то, что яростное сопротивление афганцев советскому вторжению чрезвычайно затрудняло его деятельность в качестве лидера Движения неприсоединившихся стран, особенно осложнив его отношения с мусульманами. Впрочем, в свое время он сумел оправдать и резкий поворот курса Кубы от поддержки движения за отделение Эритреи от Эфиопии до прямо противоположного, когда президент Менгисту стал его союзником.

Деятельность Кастро вновь угрожала вызвать советско-американскую конфронтацию. Присутствие кубинских войск, поддерживаемых Советским Союзом, на стратегически важном Африканском Роге привело к тому, что администрация Картера чуть было не прервала переговоры с Советским Союзом об ограничении вооружений. Фидель всегда находился в центре внимания.

Кастро не делал секрета из поддержки сандинистов ни до, ни после их победы. Он оказывал и оказывает Никарагуа, своему младшему революционному соратнику, максимальную помощь, посылая туда военных советников и гражданских технических спе-

циалистов. Кубинцы обучали сандинистов в военных лагерях на Кубе в провинции Пинар Дель Рио и на острове Юности, а в 1978 г. именно Фидель взял на себя задачу объединить враждующие фракции никарагуанских повстанцев. На тайной встрече в Гаване он заявил, что если они не объединятся, Куба не будет поставлять им оружие в год "решающих боев". И после победы сандинистов в 1979 г. Кастро продолжает руководить из Гаваны революцией в Никарагуа. Президент Никарагуа Даниэль Ортега Сааведра часто посещает Кубу, иногда официально, а иногда и тайно.

Кастро всячески поддерживает левых партизан в Сальвадоре и партизанское движение М-19 в Колумбии, но понимает, что Куба не сможет защитить эти две центральноамериканские страны в случае прямого вмешательства Соединенных Штатов (и отдает себе отчет в том, что Советский Союз не свяжет себя обязательствами по защите Никарагуа, подобными тем, что взял на себя по отношению к Кубе). Он считает, что ситуацию в Никарагуа и в Сальвадоре можно урегулировать политическим путем, ибо альтернативой этому может быть только тупик. Он сознает, что в случае окончательного кризиса Соединенные Штаты могут попытаться уничтожить и его. Тревогу Кастро усугубляют угрозы администрации Рейгана, сделанные после ее прихода к власти, — добраться "до источника переворотов в Латинской Америке", которым она считает Кубу; тревожит его и вторжение американских войск на Гренаду в 1983 г.

В начале 1984 г., обсуждая возможные американские военные операции в Центральной Америке и других местах, Кастро сказал мне: "Мы не можем решать эти проблемы военным путем. Все наши средства — оборонительные. У нас нет флота и авиации, способных нейтрализовать или прорвать американскую блокаду. Это не проблема выбора, а чисто практический вопрос... Кроме того, в этих обстоятельствах с политической точки зрения было бы неверно пытаться действовать военным путем, ибо это оправдало бы американскую агрессию в глазах общественного мнения Соединенных Штатов". Отвечая на мой вопрос, не тревожит ли его мысль об американском вторжении на Кубу, Кастро сказал: "Мы приложили огромные усилия, чтобы укрепить нашу оборону. После Гренады мы делаем еще больше. Мы стараемся основательно усилить нашу обороноспособность, в том числе стараемся подготовить население к длительной, бесконечной войне. Если Соединенным Штатам средством устрашения служит ядерное оружие, то наше средство заключается в том, чтобы сделать оккупацию нашей страны невозможной, сделать все, чтобы оккупанты не смогли здесь удержаться. Прежде всего, чтобы оккупировать нашу страну, американцам придется вести очень тяжелые бои. Но оккупация страны будет не концом, а началом еще более тяжелой и изнурительной войны, в которой мы все равно рано или поздно победим, хотя и ценой огромных потерь".

Кастро по-прежнему считает, что может быть найдено политическое решение конфликта в Сальвадоре, и не скрывает, что Куба поддерживает левых партизан. Он лично знает руководителей партизанского движения в Сальвадоре (как знал и большинство руководителей движения в Никарагуа) и делает все, чтобы заставить их объединиться. В разговоре со мной в начале 1984 г. он намекнул, что лидеры движения приезжали к нему в Гавану, и заметил: "Я уже много месяцев не встречался с ними. Они все сейчас у себя в стране, и прямой контакт с ними невозможен".

В политике Кастро по отношению к Третьему миру доктора и учителя играют не меньшую роль, чем солдаты. Он бесконечно горд тем, что Куба, по его словам, — единственная из развивающихся стран, всегда готовая прийти на помощь другим. Он говорит, что новое поколение кубинцев воспитано в духе интернационализма, какого в других странах не встретишь. Говоря об этом интернационализме, он сказал: "Когда после победы революции в Никарагуа к нам обратились с просьбой прислать учителей, вызвалось 29 тысяч добровольцев... Когда-то у нас не хватало врачей для работы в собственной "глубинке". Сегодня наши доктора работают в 25 странах Третьего мира — более полутора тысяч врачей. А будет еще больше, потому что мы выпускаем две тысячи

молодых врачей каждый год. Это — новая культура и новая мораль... Это поразительно — обратитесь в любой из наших университетов, и на ваш призыв откликнутся 100% студентов, о чем бы их ни попросили. Когда нам были нужны добровольцы для Анголы, откликнулось 300 тысяч человек. Когда потребовались добровольцы в Эфиопию, вызвалось еще больше. Это были гражданские резервисты. Сейчас уже сотни тысяч кубинцев выполнили свой интернациональный долг. Спрашивают, почему в Никарагуа работают две тысячи кубинских учителей? А кто еще согласен делать работу, которую делают кубинцы? Многие ли в Латинской Америке готовы пойти туда, куда идут наши учителя, чтобы жить вместе с бедняками, есть то, что они едят, и учительствовать там? Таких вы не найдете... У нас больше людей, готовых отправиться в любое место на земле в качестве врачей, учителей, техников и просто рабочих, чем у всего американского Корпуса мира и всех церквей, вместе взятых, — а мы ведь всего лишь страна с 10-миллионным населением”.

Начиная с 1985 г., Кастро отдавал невероятное количество времени проблеме задолженности стран Третьего мира банкам и правительствам промышленно развитых стран, доказывая, что бедные страны не могут вернуть долги, не разрушив своей экономики, и предсказывал ужасные последствия, если эти долги все-таки будут востребованы. В 1986 г. одна только Латинская Америка задолжала более 350 миллиардов долларов (в основном банкам США), а общий долг стран Третьего мира составил более 750 миллиардов долларов. В выступлениях, интервью и на конференциях, которые он созывал в Гаване, Кастро превратил проблему задолженности в мощный политический инструмент в борьбе с “империализмом”. Положительным результатом его усилий было то, что внимание мира было привлечено к серьезности кризиса. Будучи прекрасно осведомленным обо всем, что происходит в Латинской Америке, он в 1985 г. и позднее повторял практически то же самое, что говорил в 1959 г., предупреждая промышленно развитые страны севера о том, что взрыв неизбежен, если они не возьмутся немедленно за решение коренных проблем полушария. В 1961 г. президент Кеннеди принял вызов Кастро, учредив “Союз ради прогресса”. Было бы неплохо, если бы и в конце 80-х годов “богатые” правительства снова прислушались к пророчествам этой кубинской Кассандры.

У себя дома, однако, Кастро проявляет несравненно меньше отваги и воображения. Он упрямо отказывается ослабить жесткие рамки полностью централизованного планирования, несмотря на то, что большинство коммунистических стран уже открыли для себя преимущества децентрализации экономики. Непреклонный в своем идеологическом догматизме, Кастро усматривает ересь в любой попытке экспериментировать с рыночной экономикой. Он не уступает ни на йоту, хотя Советский Союз уже начал создавать совместные с Западом предприятия, а Китай с 1979 г. перешел к рыночной экономике. Хронически низкая производительность кубинского хозяйства, похоже, лишь укрепляет Кастро в преданности догме. В июне 1986 г. в тех же тонах, что и во время “революционного наступления” 1968 г., он осудил “некоторые концепции, выдвигаемые людьми, считающими себя настоящими марксистами, искусственными в теории, но на деле скрывающими свое капиталистическое или мелкобуржуазное нутро”. Спустя 30 лет после победы революции идеологический и политический контроль в самом, пожалуй, идеологизированном в наши дни обществе не только не ослабевает, но все усиливается.

Даже некоторые ближайшие соратники Кастро теряются в догадках: что вызвало новое ужесточение курса в середине 80-х годов? В 1980 г., после массового исхода 120 тысяч кубинцев, Кастро, по-видимому, счел, что страна и народ нуждаются в некоторой передышке. Случившееся было потрясением для властей, захваченных врасплох столь убедительной демонстрацией внутреннего недовольства. Необходимо было допустить некоторую свободу в области потребления. Нормирование многих продовольственных товаров было отменено, и они появились в свободной продаже в “коммерческих мага-

зинах” (правда, по невероятно высоким ценам). Крестьянам было разрешено свободно торговать на рынках в городах. До изобилия было, конечно, далеко, потому что продуктов все равно не хватало из-за недостаточного производства, но все-таки это казалось шагом вперед по направлению к либерализации экономики в пределах, допускаемых марксистской догмой.

Во время подготовки к III съезду Компартии в 1985 г. многие высокопоставленные экономисты-плановики уповали на еще большую либерализацию и на новую политику децентрализации экономики. Шла речь о том, что владельцам частных автомобилей позволят объединиться в кооперативы, чтобы избавить государство от необходимости содержать таксомоторные парки по всей Кубе, и о том, что будет отменено нормирование одежды и обуви (приведшее к государственной монополии на хлам, выдаваемый за одежду, производство которого, к тому же, стоит казне колоссальных затрат; а кубинки, тем временем, все больше предпочитают шить у частных портных). Выказывались мысли о расформировании молодежных рабочих бригад, созданных по идеологическим соображениям, поскольку необходимые для них одеяла, обувь, москитные сетки, продукты и транспорт обходились дороже, чем все, что они успевали наработать в деревнях за два выходных дня в неделю.

Но Кастро на это не пошел, вновь показав себя яростным поборником идей чистой революции. А экономика тем временем продолжала разрушаться.

Вероятно, в связи с тем, что Фиделю не удалось выработать план развития экономики к очередному съезду партии (отчасти потому, что он был занят проведением конференций по задолженности стран Третьего мира), съезд был отложен до февраля 1986 г. Но и в феврале Кастро все еще не был готов к решению ключевых проблем страны, и важнейшая часть работы съезда была отложена до конца 1986 г. По утверждению Кастро, самым значительным достижением первой сессии съезда было омоложение руководства. Но и это оказалось иллюзией. Хотя кое-какие косметические изменения были сделаны, в Политбюро продолжали заседать те же давно знакомые лица. Новый Центральный Комитет состоял из мужчин и женщин средних лет, набранных из бюрократических и партийных организаций, из армии и органов безопасности. В стране, где более половины населения родилось уже после революции, лишь 9% членов ЦК были моложе 35 лет, а более 50% были старше 46. Женщины составляли 18,2%. 78,1% членов ЦК имели университетское образование. Это позволяет предположить, что партия создала собственную правящую элиту, состоящую в основном из административных работников (27,5%) и профессиональных парработников (27,1%). 20% мест в ЦК были отданы армии и Службе безопасности при Министерстве внутренних дел.

В 1986 г. Кастро, ”не желая дать пламени революции угаснуть”, поверг страну и общество в полное оцепенение. Почти тотчас же после окончания первой сессии съезда он приказал закрыть все крестьянские рынки под предлогом ”незаконного обогащения и коррупции”. Все это странно напоминало события 1968 г., когда он внезапно ”обнаружил”, что частные ларьки, торговавшие горячими сосисками, являются рассадниками контрреволюции. В то же время в милитаризации кубинского общества он пошел еще дальше, увеличив состав территориальных милицейских соединений — прекрасно обученных резервных войсковых частей, которые насчитывают более миллиона человек, то есть около 10% населения страны. ”Основное пособие” (руководство для милицейских соединений — 340 страниц с иллюстрациями) — книга, которая на Кубе является обязательным чтением. В книжных магазинах она продается за 1 песо. В ”зонах обороны”, на которые поделена вся территория острова, без конца проводятся учения и маневры. Высокая степень боевой готовности на Кубе всегда оправдывалась угрозой интервенции со стороны Соединенных Штатов, особенно после событий на Гренаде. Но милитаризация страны с середины 80-х годов в неменьшей степени является политическим шагом с целью укрепить сплоченность революционного общества под жестким руководством Кастро.

В середине 80-х гг. у Кастро снова начались трения с Советским Союзом, главным образом из-за провалов кубинской экономики и неспособности страны выполнить обязательства по поставкам этой стране сахара. Советские партнеры откровенно предупредили Кастро, что такое положение дел не может продолжаться бесконечно, и когда в середине 1985 г. торговое соглашение было наконец подписано, в коммюнике, опубликованном в кубинской прессе, было сказано, что соглашение достигнуто после "длительных и сложных переговоров". Более чем необычная фразеология!

В 1985 и 1986 гг. Кастро пришлось пойти на беспрецедентный шаг — купить сахар за валюту в Доминиканской республике, чтобы продолжать его поставки в Советский Союз. Однако у Доминиканской республики он купил сахар за доллары по очень низким мировым ценам, а Советский Союз открыл ему под этот сахар кредиты, исходя из очень высокой, субсидированной цены.

В политическом отношении Кастро высказывает всяческое уважение Советскому Союзу. В 1986 г. он послушно прибыл на XXVII съезд КПСС, где встретился с М. Горбачевым — впервые с тех пор, как тот стал Генеральным секретарем. Вслед за тем он счел необходимым отправиться в Северную Корею для встречи с Ким Ир Сенем, старейшим из коммунистических диктаторов, правящим самым деспотическим обществом в мире. Выступления Кастро в Москве и в Пхеньяне были как две капли воды похожи на речь любого коммунистического лидера, произнесенную в тот год в странах советской сферы влияния. Похоже, Фидель примкнул к рядам великих конформистов.

Кто же такой Фидель Кастро в свои 60 лет? Начнем с того, что он — неоспоримый и все еще необыкновенно популярный (и даже любимый) вождь чрезвычайно темпераментного народа, вот уже более четверти века ведущий этот народ к "месту под солнцем" в мировых делах и к тому, что он называет "достойной жизнью". Будучи сам дедом, Кастро заботится о том, чтобы кубинские дети росли здоровыми, хорошо образованными и неиспорченными. В 1985 г. общенациональной целью на Кубе стало всеобщее девятилетнее образование. Тринадцать лет назад ничего этого не было и в помине. Для любой страны, развивающейся или промышленно развитой, — это колоссальное достижение. Ни в одной стране Третьего мира уровень жизни не может даже близко сравниться с кубинским в смысле "достойности". Ни в одной из них нет такого высокого процента врачей, как на Кубе, и такой высокой продолжительности жизни.

Но у личности Кастро есть и другие стороны, которые внушают тревогу, если учесть его интеллект и опыт. Примерно, с 80-х гг. его поведение заставляет предположить, что он уже не в состоянии генерировать новые идеи для своей стареющей революции. Странно, но этот поразительно отважный и дерзкий человек, фантазер и романтик, позволяет, чтобы его любимое детище — социальный и человеческий эксперимент — задыхалось в тисках устаревшей идеологической догмы и мертвящей бюрократии, а скорее он и сам зажимает эти тиски. Его выпады против "буржуазных" тенденций звучат удивительно старомодно, если не гротескно, в мире, который так сильно изменился с тех пор, когда эти слова были в моде. Творческие способности народа в этой стране настолько придавлены (будем надеяться, что не похоронены окончательно), что Кастро стоит перед угрозой распада своей революции.

В физическом смысле многие строения раннего революционного периода уже разрушаются. Разбиты окна и лупится краска в зданиях громадного и когда-то красивейшего школьного комплекса Камило Сьенфуэгос, у подножья Сьерра Маэстры. Карибский климат губит массу дорогостоящего импортного оборудования, сваленного в портах, ибо режим так и не может справиться с проблемой разгрузки и перевозок. Это лишь примеры, бросающиеся в глаза. Есть и другие. Плохое управление производством отбивает у людей всякую охоту работать, а образующаяся в результате нехватка товаров усугубляет низкую производительность труда и вызывает массовые прогулы. Получается порочный круг. Коррупция и черный рынок распространяются как раковые мета-

стазы по некогда чистому и здоровому телу революции, а Фидель Кастро между тем поносит "подлые деньги". Молодежь слишком много пьет, потому что ей нечем заняться в свободное время. Тайнственная магия революции уже не захватывает молодых людей так, как захватывала она их отцов и матерей в те годы, когда Фидель Кастро был одержимым молодым бунтарем.

Кастро возмущается массовыми прогулами, низкой производительностью труда, бросовым качеством промышленных товаров (в провинции Гавана половина всех бутылок для безалкогольных напитков и пива, произведенных в первой половине 1985 г., оказались бракованными, и их пришлось уничтожить) и ошеломляющим растранижением материалов, сырья и энергии на заводах, фермах и в государственных учреждениях. На III съезде компартии в 1986 г. в выступлении, продолжавшемся 5 часов 40 минут, Фидель распекал за это своих сограждан. И тем не менее он отвергает любой намек на то, что виной всему слишком централизованная система управления и хозяйствования, и не допускает никаких серьезных перемен, возмущаясь любой критикой со стороны как "контрреволюционной". Повторим снова — такой абсолютизм в человеке, понимающем механизмы, действующие в кубинском обществе, приводит в недоумение и вызывает вопрос: не потерял ли он связь с народом этого маленького острова?

Испытывает ли Фидель Кастро опасения, сомнения и способен ли он поделиться ими с другим человеческим существом? Селия Санчес умерла от рака в январе 1980 г., и ее смерть была не просто личной трагедией Фиделя. Эта смерть лишила его тихой гавани — возможности хоть изредка быть самим собой, просто Фиделем, а не Главкомандующим. Когда я наблюдал за ним, часами неподвижно сидящим на конференции по внешним долгам в Гаване в 1985 г., выслушивающим речь за речью, создавалось впечатление, что Кастро ищет в этой обстановке прибежища от забот, осаждающих его со всех сторон. Может быть, мне это только казалось... И все же в самых разных ситуациях Фидель производит впечатление одинокого человека, сегодня озабоченного, завтра ликующего, но всегда одинокого и вечно ищущего что-то трагически неуловимое. Может быть, он размышляет о прошлом и будущем и о том приговоре, который вынесут ему грядущие поколения. Он и в самом деле дважды, когда в его жизни наступали решительные минуты, сказал об этом.

В момент рождения революции, в 1953 г., обращаясь к судьям, судившим его за штурм казарм Монкада, он сказал: "Вы можете меня осудить. Это не имеет значения. История меня оправдает".

А в 1961 г., в год, когда Кастро одержал решительную победу в Заливе Свиней и провозгласил себя марксистом-ленинцем, в беседе с кубинскими писателями и художниками он сказал: "Не бойтесь воображаемых судей сегодняшнего дня... Бойтесь других, гораздо более страшных, — бойтесь суда потомства, бойтесь грядущих поколений, за которыми останется последнее слово!" ●

ВОЗВРАТ К "НРАВСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ"

В речи 26 июля с.г. в Сантьяго-де-Куба по случаю 35-летней годовщины штурма казарм Монкада Фидель Кастро недвусмысленно высказался против применения на Кубе провозглашенной М.Горбачевым политики гласности и перестройки. "Ни одна революция не напоминает другую, — сказал он. — Мы никогда не хотели рабски копировать чужие рецепты для болезней, которых у нас нет. Если у вас болят зубы, зачем вам мозольный пластырь? Если у вас мозоли, зачем вам лекарство от зубной боли? Мы должны охранять идеологическую чистоту нашей революции. Методы, пахнувшие капитализмом, у нас неприменимы. Я могу сказать империалистам: Куба никогда не примет методов, стиля или философии капитализма. Мы расположены не в Черном, а в Карибском море. Мы не в 90 милях от Одессы, а в 90 милях от Майами. Нам нечего перестраивать. Мы ни на дюйм не отклонимся от избранного пути".

Итак, позиции определены. Ситуацию в экономике Кубы анализирует известный кубинский экономист, проживающий в эмиграции.

Выступая на III съезде Коммунистической партии Кубы в феврале 1986 г. Фидель Кастро высказал резкое недовольство ходом развития кубинской экономики в первой половине 80-х годов. Кастро обрушился на организационную вялость, скверное руководство производством, плохую координацию работы разных секторов экономики, безразличие к качеству продукции и обвинил хозяйственных руководителей в коррупции и погоне за наживой в ущерб интересам общества. Затем Кастро еще более жестоко критиковал, призвав к "революционному контрнаступлению" против попыток возрождения капитализма и потребительских настроений, с целью вернуть кубинскую экономику на коммунистические рельсы. Первые залпы этого "наступления" уже прозвучали: закрыты свободные крестьянские рынки, приостановлена выплата премиальных за высокую производительность труда, запрещена частная торговля домами и квартирами. Системе рыночного социализма, которая постепенно внедрялась на Кубе с середины 70-х годов, сейчас наступает конец.

У Кастро есть серьезные основания быть недовольным экономическим положением страны. На первый взгляд, в пятилетке 1981—85 гг. кубинская экономика развивалась прекрасно, и валовой общественный продукт (ВОП) рос на 7,3% в год вместо запланированных пяти процентов. Он мог бы расти еще быстрее, если бы в конце 1984 г. кубинские плановые органы не предприняли ряд шагов с целью несколько снизить темпы развития экономики, резко сократив импорт и увеличив производство тех видов продукции, которые Куба экспортирует за твердую валюту. Объем капиталовложений, производительность труда и экспорт тоже росли быстрее намеченного, хотя объем импорта все-таки превышал намеченный уровень.

Однако к этой в общем благополучной статистике нужно подходить с осторожностью. Во-первых, необходимо учесть, что есть серьезные различия между ВОП (валовым общественным продуктом), ВВП (валовым национальным продуктом) и ВВП (валовым внутренним продуктом). Последние два являются макроэкономическими индикаторами, используемыми на Западе для оценки экономического роста. Различия между ВОП и этими двумя показателями не только в том, какие именно секторы экономики учитывает тот или иной из них (ВОП не включает такие "непроизводительные" секторы, как, например, образование, которые учитываются ВВП и ВВП). Суть различий — в самой концепции оценки экономической деятельности. ВОП включает и стоимость промежуточного продукта, а ВВП и ВВП — только конечную стоимость продукции. Кроме того, прирост ВОП в 1981—85 гг. в значительной степени связан с повышением оптовых и розничных цен, которое произошло в результате реформы 1981 г.

Независимый анализ реального роста кубинской экономики показывает, что этот рост был намного меньше, чем утверждает официальная статистика.

Так, по нашим расчетам, прирост ВОП (в постоянных ценах) составлял в 1981 г. 5,1%, а в 1982 г. — 1,6%, в то время как по официальным данным он равнялся соответственно 15,3% (или 25,9%, если считать в "текущих" ценах) и 4,2%. Приходится усомниться в том, что прирост ВОП в 1981—85 гг. был в действительности близок к запланированным пяти процентам (не говоря уже о перевыполнении плана).

По официальным данным, рост капиталовложений в 1981—85 гг. превышал запланированный уровень. Однако реальные цифры капиталовложений были даны в "текущих" ценах и поэтому тоже несут на себе отпечаток инфляции. В 1981 г. капиталовложения составили 3 386 миллионов песо, то есть выросли на 23,6% по сравнению с объемом капиталовложений в 1980 г. После этого разового подъема объем капитальных вложений неизменно оставался на уровне 3 500 миллионов песо.

Среди объектов, потребовавших больших капиталовложений и законченных в 1981—85 гг., были несколько сахарных заводов, вторая очередь расширяемого сталелитейного завода, никелевый завод, фабрики по производству стеклянной тары, пряжи, текстиля, цемента, бетонных конструкций, сельскохозяйственного оборудования, бумаги, а также некоторые сельскохозяйственные проекты (строительство коровников, осушительные и ирригационные работы, сооружение складов и холодильников, прокладка железных, грунтовых и мощеных дорог и постройка школ и больниц). Значительно продвинулось вперед строительство нескольких весьма важных объектов — первой очереди атомной электростанции, нефтеочистительного завода в Сьенфугосе и заводов по производству никеля в Пунта Горда и Лас Камариокас, которые, по-видимому, будут сданы до 1990 г.

Несмотря на все эти достижения, есть свидетельства, указывающие на серьезные проблемы, связанные с освоением капиталовложений и с попытками привлечь капитал со стороны. На III съезде компартии Кастро раздраженно говорил о том, что "...новые промышленные и сельскохозяйственные объекты построены в незаселенных районах, но никто не позаботился о жилье для рабочих, некоторые важнейшие сельскохозяйственные программы (по разведению цитрусовых, например) начаты на неорошаемых землях, ирригационные сооружения невозможно пустить в ход, потому что нет насосов или электричества, мастерские и другие предприятия построены, а электричество не подведено, жилищное строительство производится без одновременного введения в строй городских удобств (не подводятся дороги, не строятся торговые точки и места отдыха). Реконструкция портов из-за недостаточных капиталовложений не поспевает за ростом внешней торговли, да и другие звенья в цепи порт — транспортировка — внутреннее потребление не растут с нужной скоростью. Например, центральная железная дорога, в которую мы вложили сотни миллионов песо и до сих пор не можем пустить ее в ход, потому что не сдана система сигнализации и не завершено строительство товарных и пассажирских станций."

В феврале 1982 г. Государственный совет одобрил законодательство, впервые допустившее "капиталистические" инвестиции на социалистической Кубе в виде совместных предприятий. Имелось в виду привлечь иностранный капитал для финансирования новых проектов, свести к минимуму расходы собственной твердой валюты, использовать необходимый иностранный капитал и передовую западную технологию для модернизации существующих предприятий и увеличить запасы твердой валюты. Совместным предприятиям ставилось условие экспортировать продукцию за твердую валюту или продавать ее Кубе за отечественную валюту (что должно было привести к уменьшению затрат валюты на импорт). Однако по ряду причин — из-за отсутствия у иностранных вкладчиков уверенности в том, что они не рискуют своим капиталом, трудностей доступа на внутренние рынки капиталистических стран, требований, предъявляемых к экспортной продукции, непривлекательных налоговых условий для иностранных вкладчиков, а также из-за запрета, наложенного правительством США на капиталовложения такого рода, — реакция западных бизнесменов была весьма сдержанной. Пока известно только одно совместное испано-кубинское предприятие по переработке и экспорту металлолома.

По официальным данным, темп роста производительности труда в 1981—85 гг. составлял в среднем 5,2% в год, превысив запланированные три процента. Однако официальная кубинская статистика рассматривает производительность труда как отношение общей стоимости продукции в текущих ценах к среднегодовому числу рабочих, производящих эту продукцию. Поскольку общая стоимость продукции, как и ВОП, подвержена влиянию инфляции, официальные данные о росте производительности труда тоже, по-видимому, завышены. Получается, что в 1981 г., например, рост производительности труда в "производительной" сфере составил приводящую в изумление цифру — 24,5% (общая стоимость продукции выросла на 26,8%, а вклад рабочей силы — на 1,8%), хотя в последующие годы производительность труда росла более скромными темпами — 1,6% в 1982 г., 2,4% в 1983 г. и 7,2% в 1984 г.

Хотя Куба и выполнила план увеличения экспорта на 1981—85 гг., импорт рос много быстрее запланированного. В результате торговый баланс Кубы резко ухудшился: в 1981—85 гг. среднегодовой торговый дефицит страны составлял 1 168,8 миллиона песо (по сравнению с 402,6 миллиона песо в 1976—80 гг.). Так обстояло дело с торговлей и с капиталистическими, и социалистическими странами. Что касается торговли с развивающимися странами, то в течение первой половины 80-х гг. она постоянно сокращалась.

В течение всей рассматриваемой пятилетки удельный вес торговли с социалистическими странами в общем объеме кубинской торговли продолжал увеличиваться — от 70% в экспорте и 78% в импорте в 1980 г. до 90% в экспорте и 89% в импорте в 1985 г. В этот период торговый дефицит Кубы составил в среднем 960 миллионов песо и был бы еще больше, если бы Советский Союз и другие страны — члены СЭВ не вели протекционистскую политику по отношению к Кубе, назначая льготные цены на кубинский экспорт и импорт.

Начиная с середины 70-х гг., Советский Союз и восточноевропейские страны закупили у Кубы сахар по ценам, далеко превышающим цены на мировом рынке. В 1976 г. Советский Союз обязался закупать кубинский сахар по очень высокой цене и каждый год корректировать эту цену, привязывая ее к изменениям цен на все товары, которые Куба импортирует из Советского Союза, включая нефть. В результате такого "индексирования" цен падение цен на сахар, начавшееся на мировом рынке в середине 70-х гг., не ударило по Кубе, и ее доходы от торговли сахаром сегодня гораздо более стабильны, чем это было бы, не разработай Советский Союз такую схему. Например, контрактные цены на поставки кубинского сахара в Советский Союз в 1982 г. составляли 29,9 сентаво за фунт; цена того же сахара для стран — членов СЭВ составляла 28,9 сентаво, а для капиталистических стран — в среднем 7,7 сентаво. По соглашению, подписанному в 1972 г., Советский Союз, следуя той же политике, закупил кубинский никель по ценам, значительно более высоким, чем на мировом рынке.

Кроме того, Советский Союз поддерживал кубинский торговый баланс, продавая Кубе нефть по ценам более низким, чем на мировом рынке. Вслед за тем, как в 1973 г. мир потряс нефтяной кризис и цены на нефть подскочили в 4 раза, Советский Союз далеко не сразу поднял цену на нефть, которую продавал Кубе и другим членам СЭВ. По западным оценкам, советские субсидии кубинскому экспорту (сахар и никель) и импорту (нефть) составили, например, 3 100 миллионов американских долларов в 1981 г. и 3 700 миллионов долларов в 1982 г.

Поскольку доля торговли с капиталистическими странами в общем объеме кубинского оборота очень незначительна и постоянно уменьшается, торговля с Советским Союзом жизненно важна для кубинской экономики, ибо СССР поставляет Кубе те товары и технологию, которые иначе она не смогла бы купить или покупала бы в очень ограниченных количествах у других социалистических стран. Экспорт в капиталистические страны служит для Кубы важнейшим источником твердой валюты, необходимой для закупок в этих странах и выплаты долгов западным банкам.

Что касается торговли с развивающимися странами, то в конце 70-х гг. Куба имела значительное положительное сальдо торгового баланса, вызванное скорее всего интернационалистской политикой режима Кастро с обширным кубинским экспортом в эти страны, связанным с работой там кубинцев (прежде всего врачей и учителей). Это саль-

до торгового баланса быстро увеличивалось — с 36 миллионов песо в 1978 г. до 104 миллионов песо в 1979 г. и 518 миллионов песо в 1980 г., — что оказало положительное влияние на общий торговый баланс страны. В 1980-х гг., однако, экспорт кубинских товаров в развивающиеся страны начал неожиданно сокращаться, и в 1984 г. возник торговый дефицит в 89 миллионов песо.

Характер кубинской торговли мало отличается от характера торговли других развивающихся стран в Латинской Америке и во всем мире, хотя он несколько искажен советскими экспортно-импортными субсидиями: торговля сосредоточена на экспорте продовольственных товаров и сырья и импорте горючего, полуфабрикатов и оборудования. В 80-х гг. четыре пятых кубинского экспорта приходились на продовольствие (в первую очередь сахар) и продукты животноводства. Самым значительным исключением из этого правила было появление в кубинском экспорте нефти (реэкспорт советской нефти) — от 0,1% общей стоимости экспорта в 1975 г. до более 10% в 1983 г. и позднее. В прошлом львиную долю кубинского импорта составляло машинное и транспортное оборудование. Однако в 80-х гг. удельный вес этого оборудования в общем объеме импорта сократился втрое. Это произошло из-за резкого увеличения импорта горючего (что было, в свою очередь, результатом его возросшего потребления, увеличившегося реэкспорта советской нефти и подъема цен на нефть). К 1984 г. горючее стало самой крупной категорией кубинского импорта (30,8% его общей стоимости).

Валютный фонд Кубы состоит из двух частей: фонда неконвертируемой валюты от торговли с другими социалистическими странами (в так называемых "переводных рублях") и фонда конвертируемой валюты (в долларах, швейцарских франках или немецких марках) от торговли с капиталистическими или развивающимися странами.

Социалистические страны традиционно финансируют покрытие кубинского торгового дефицита, предоставляя Кубе займы под низкие проценты. Условия займов пересматривались по крайней мере дважды (в 1972 и 1986 гг.), но вероятность того, что Куба когда-нибудь вернет эти долги, очень невелика. Западные правительства, финансовые организации и частные кредиторы тоже предоставляют Кубе кредиты, идущие на финансирование кубинского экспорта. Эти кредиты, дающиеся под проценты, Куба должна выплачивать в соответствии с заранее установленным расписанием.

В середине и конце 70-х гг., благодаря целому ряду благоприятных обстоятельств (сравнительно высокой экономической активности на Кубе, высоким мировым ценам на сахар и легкости получения международных кредитов в результате быстрого обращения "петродолларов"), Гаване удалось получить на Западе значительные кредиты, которые планировалось направить на капитальные вложения — главным образом в производственный сектор. Куба рассчитывала заменить продукцией этого сектора товары, импортируемые за твердую валюту, или увеличить запасы твердой валюты за счет экспорта этой продукции, что в обоих случаях позволило бы вовремя выплачивать внешние долги.

Однако уже в 1981 и 1982 гг. валютный баланс Кубы резко ухудшился. Это произошло в результате крупного спада цен на сахар на мировом рынке, стихийных бедствий, нанеших значительный урон урожаю основных сельскохозяйственных культур на Кубе, задержек в сдаче различных промышленных объектов, низкой эффективности производства, плохого качества продукции и резкого повышения учетных ставок на банковские займы, что особенно затруднило выплату внешних долгов.

В августе 1982 г. Национальный банк Кубы попросил западных кредиторов (и государственных, и частных) пересмотреть условия выплаты части внешнего долга, который к тому времени достиг 2 900 миллионов долларов. Куба просила растянуть на десять лет возврат основного капитала в 1 000 миллионов долларов и отсрочить начало платежей на три года. Одновременно, стремясь увеличить запасы твердой валюты, Куба предприняла ряд шагов по сокращению импорта товаров, закупаемых на твердую валюту, усиленно при этом стимулируя экспорт товаров за валюту. Основная часть капиталовложений направлялась в промышленный сектор, поощрялись совместные предприятия и любые сделки со странами с рыночной экономикой, экспортировалась рабочая сила (главным образом строительные рабочие).

1 марта 1983 г. группа стран-кредиторов (Западная Германия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Испания, Франция, Италия, Япония, Нидерланды, Англия, Швеция и

Швейцария) частично пошла Кубе навстречу: сроки возврата основного капитала были растянуты на пять лет, начало выплаты было отсрочено на 3,5 года. Договориться о пересмотре соглашения с частными банками оказалось труднее, но в конечном итоге удалось и это. Казалось, процесс ухудшения финансового положения страны приостановлен. Однако возобновившийся рост импорта и уменьшение экспорта привели к тому, что уже в 1985 г. торговый дефицит Кубы составил 119 миллионов песо.

Вот как один кубинский журналист описал парадоксы резкого экономического роста и ухудшения финансового положения страны: «На первый взгляд цифры высокого роста валового общественного продукта создают впечатление, что экономика страны движется вперед на полной скорости. При всем уважении к реальным успехам и важным достижениям промышленности в целом и отдельных ее секторов, в частности, надо, однако, отметить, что отнюдь не все видится в розовом свете и что некоторые проблемы даже усугубились. Что же произошло? Экономика в целом развивалась очень быстрыми темпами. Однако основные секторы экономики, ответственные за производство товаров, идущих на экспорт, за капиталовложения, идущие на развитие экспорта, и другие ключевые области экономики отставали. В результате увеличивался не экспорт, а импорт. Развитие экономики при этих обстоятельствах идет порочным и опасным путем. Опыт показывает, что в такой экономике, как наша, в экономике, сильнейшим образом зависящей от внешней торговли, важнее, *где и как* будет происходить рост производства, нежели, *насколько велик будет рост экономики в целом.*»

Данные по производству отдельных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции за пятилетку 1981—85 гг. показывают еще более ясную картину трудностей кубинской экономики и дают еще больше оснований полагать, что официальные цифры общего прироста за этот период очень завышены.

В сельском хозяйстве только производство свинины и риса достигло уровня, намеченного планом на 1985 г. Производство цитрусовых, важного предмета экспорта, заметно выросло, но прирост все равно был ниже тех 27%, которые были предусмотрены планом.

Промышленный сектор тоже функционировал неравномерно. План 1985 г. по производству некоторых видов продукции был выполнен или даже перевыполнен (сталь, хром, аккумуляторы, промышленный газ, одежда и каустическая сода). Можно считать, что добыча нефти также резко возросла, достигнув в 1985 г. рекордного объема 868 тысяч тонн. Однако планы 1985 г. по производству основной массы промышленной продукции выполнены не были. Более того, отмечалось значительное сокращение производства важнейших видов продукции, в том числе и ряда продовольственных товаров, экспортируемых за рубеж. Существенно ниже плановых заданий было производство нерафинированного сахара, электроэнергии, никеля, удобрений, цемента. Производство текстиля увеличилось, но все еще очень отставало от запланированного, а производство обуви фактически сократилось. Данные по производству остальных видов промышленной продукции — соли промышленной и пищевой, стеклянной тары, консервированных фруктов и овощей, безалкогольных напитков — указывают на то, что их производство отставало от запланированного. Эти отнюдь не блестящие результаты функционирования многих ключевых секторов промышленности никак не соответствуют 8,8% ежегодного прироста промышленного производства, о которых сообщил Кастро на III съезде компартии. Уж скорее они звучат в унисон заунывному перечислению недостатков экономики, которое проходило красной нитью через его доклад.

Сектор здравоохранения — «непроизводительный» сектор, не учитываемый ВОП, — в пятилетку 1981—85 гг. функционировал очень активно. Количество врачей и стоматологов, указываемое в официальной статистике, возможно, дает несколько преувеличенное представление о масштабах системы здравоохранения на Кубе, так как эти данные включают и медицинский персонал, работающий за границей. Но даже учитывая это обстоятельство, можно сказать, что служба охраны здоровья, по-видимому, развивалась и функционировала так, как это было запланировано.

В области образования успехи тоже значительные. В начальных и средних школах в конце пятилетки обучались 80% всех детей пятилетнего возраста, почти 100% детей возраста от 6 до 12 лет и более 87% детей от 13 до 16 лет. Число учащихся, занимаю-

щихся по специальным образовательным программам, и взрослых людей, получающих образование, также было очень велико. Но в высшем образовании дело обстояло не столь благополучно: количество студентов было ниже запланированного.

Нормирование основных продуктов питания и товаров широкого потребления, начавшееся в 1960 г., все еще продолжается, хотя перечень продуктов, подлежащих нормированию, сократился. Из 150 потребительских товаров, подлежавших нормированию в 1980 г., к концу 1985 г. осталось только 68. Этому способствовало учреждение правительством "параллельного рынка", на котором потребительские товары можно свободно приобрести по "коммерческим" ценам — значительно выше государственных. Способствовало этому также и решение, принятое в 1980 г., но и отмененное в 1986 г., — разрешить крестьянам продавать излишки сельскохозяйственных продуктов на "свободных крестьянских рынках" в городах (речь идет об излишках, остающихся после сдачи обязательных поставок государству). В 1981—85 гг. в снабжении населения продуктами питания был достигнут скромный прогресс, однако план так и не был выполнен.

Неспособность государства удовлетворить потребности населения в жилье, сопровождаемая ухудшением состояния имеющихся жилищных фондов, представляет собой одну из самых серьезных проблем, с которыми приходится сталкиваться режиму. План пятилетки 1981—85 гг. был недовыполнен на 37%. Национальное Собрание приняло новое жилищное законодательство, которое превратило людей, живущих в государственных квартирах, во владельцев этих квартир и переложило на них обязанности по ремонту и уходу за помещениями, которые раньше целиком лежали на государстве.

В этой ситуации кубинскому руководству надо было принять серьезные решения о будущем экономики. Кубинская "перестройка", однако, приняла своеобразные формы. Был произведен резкий поворот экономической стратегии Кубы в направлении так называемой "нравственной экономики". Этот термин для описания экономической модели общества был предложен Че Геварой. В основе этой модели лежит убеждение в том, что "высоконравственные методы хозяйственной деятельности" могут привести к благосостоянию общества и к созданию новой социалистической личности. Экономическим методом отводится сугубо подчиненное положение.

Кастро резко ужесточил критику управления экономикой и распекает население за индивидуалистические тенденции, коррупцию, стремление к личному обогащению, разбазаривание материальных ресурсов, что он считает признаками зарождения капитализма и потребительского духа в стране. Он приравнивает борьбу за искоренение неэффективности труда и коррупции к борьбе против интервентов.

"...Теперь мы уже не воюем с наемниками. Интервенции нет. Но наемники остались. Это — люди, играющие роль наемников. Иногда это даже хорошие люди, люди, которых мы считаем достойными. Это люди, готовые идти в бой за революцию, но поступающие во вред ее интересам... У нас есть равнодушные и разгильдяи. Это люди... не желающие участвовать в борьбе. Безответственные люди. Люди, не слишком требовательные в деле, за которое они отвечают. Терпимые люди. У нас есть личности, жаждущие привилегий. Есть среди нас и такие, которые хотят делать легкие деньги, не работая, а наживаясь на жульнических сделках, спекуляции и прочих незаконных махинациях."

В качестве примера Кастро назвал художников, продающих картины частным лицам и государственным учреждениям и зарабатывающих более 200 тысяч песо в год. Для сравнения он привел врачей, получающих лишь 5—6 тысяч песо в год. Он упомянул о "злоупотреблениях" на крестьянских рынках, где крестьяне иногда продавали те продукты, которые должны были сдавать государству. Говорил он и о государственных организациях, запрашивающих непомерные цены за производство кровельных или ремонтных работ, о разворовывании стройматериалов, об использовании государственно-го транспорта и оборудования в личных целях.

Но высказывания Кастро имеют и более глубокий смысл. Он говорит: "Первой заботой кадрового работника, настоящего революционера, социалиста, коммуниста — должна быть не прибыльность его предприятия и не забота о том, как сделать это предприятие еще более прибыльным, а польза всего государства. С того момента, как у нас появились так называемые "деловые" люди, которые больше думают о своих предприя-

тиях, чем об интересах всей страны, у нас завелся настоящий капитализм. Мы не собираемся заигрывать с капитализмом.”

К этой теме Кастро возвращался неоднократно: ”Все предприятия, вне зависимости от того, насколько важен для них фактор прибыльности, должны думать об интересах страны, интересах общества. Когда предприятие начинает действовать только для своей собственной выгоды, о нем уже можно говорить как о капиталистическом предприятии, худшем из возможных... Забота о нравственности рабочих — задача более важная, чем достижение любой ценой другой цели. Если бы я руководил предприятием и должен был выбирать между заботой о нравственности рабочих, для чего должен был бы вести дела предприятия по совести, и выполнением планов предприятия, можете быть уверены, что я выбрал бы первое. Я позаботился бы о нравственности своих рабочих и поступил бы по совести. Это важнее. Мы не можем двигаться вперед и добиваться своих целей любой ценой.”

В речах Кастро звучат нотки ностальгии по идеалистической и высоконравственной политике начала 60-х годов: ”Я думаю, что этот опыт — и прошлый, и настоящий — должен научить нас тому, что каждая революция должна упрочиваться и развиваться своим собственным путем и своими методами. Мы сделали ошибку, когда чуть было не отвергли опыт других стран, и снова сделали ошибку, когда полностью скопировали этот опыт при совершенно других исторических обстоятельствах, в другой обстановке, не посчитавшись с иной психологией нашего населения.”

Кастро объявил о ”контрнаступлении” на зачатки капитализма и потребительства с целью вернуть экономике моральные ценности. И это не пустые слова. Крестьянские рынки были закрыты. Непосредственным толчком к этому послужило то, что Кастро рассказали о крестьянине, который на выращивании чеснока зарабатывал 50 тысяч долларов год. Ярости Кастро не было предела.

”Приостановлены” выплаты премий за высокую производительность труда, ибо ”это вело к появлению новой буржуазии”. Запрещена продажа домов и квартир одним частным лицом другому. Пересмотрена система выплаты гонораров с целью снижения доходов тех творческих работников, которые считаются слишком высокооплачиваемыми. Наступление было развернуто по двум направлениям — на свободные профессии и на недисциплинированность.

Кастро лично возглавил ”контрнаступление” и объявляет о каждой ”акции” отдельно, подчеркивая таким образом драматизм каждого мероприятия и воссоздавая в стране обстановку партизанской победоносной войны, в которой отряды партизан неожиданно наносят сокрушительные удары по слабым местам могущественного противника. В результате передачи ответственности за экономическое планирование в компетенцию Политбюро усилилось личное влияние Кастро на разработку экономической политики.

Воздействие, которое может оказать такой поворот в политике на будущее Кубы, нельзя недооценивать. В середине 60-х гг. кубинский экономический эксперимент, опиравшийся только на моральное поощрение трудящихся, катастрофически сказался на экономике страны. И сейчас, когда по истечении двадцати лет Кастро вновь повел Кубу в этом направлении, есть все основания опасаться, что результат будет таким же. ●

В Советском Союзе открыт банковский счет для сбора средств на строительство в Москве памятника жертвам сталинских репрессий. Желающие могут направлять пожертвования в Сберегательный банк СССР, Москва, счет № 700454.

Редакция журнала ”Страна и мир” призывает своих читателей, в особенности бывших узников лагерей, как сталинских, так и более поздних, включая современные, принять участие в сборе средств на сооружение этого первого в нашей стране мемориала, увековечивающего память жертв сталинизма.

Евгений БАРАБАНОВ (Москва)

МОСКОВСКИЙ АВАНГАРД. ВЗГЛЯД ИЗ 1988 ГОДА

В июне этого года в Музее искусств Берна открылась большая выставка независимых художников московского авангарда 80-х годов. Ей присвоено наименование "Ich lebe — ich sehe" (по названию одного из экспонируемых произведений — картины Э. Булатова "Живу — вижу"). На выставке представлены работы художников Гриши Брускина, Эрика Булатова, Олега Васильева, Сергея Волкова, Эдуарда Гороховского, Константина Звездочетова, Франсиско Инфанте, Ильи Кабакова, Дмитрия Краснопевцева, Ростислава Лебедева, Владимира Наумца, Ирины Наховой, Владимира Немухина, Бориса Орлова, Дмитрия Плавинского, Дмитрия Пригова, Леонида Пурыгина, Вадима Сахарова, Юрия Соболева, Семена Файбисовича, Ивана Чуйкова, Михаила Шварцмана, Владимира Янкилевского, а также двадцати молодых художников (Юрия Альберта, Сергея Ануфриева, Свена Гундлаха и других). Мы предлагаем вниманию читателя написанную к открытию выставки программную статью Е.В. Барабанова, которая помещена в немецком переводе в каталоге "Ich lebe — ich sehe", изданном бернским Музеем искусств. Русский оригинал статьи печатается без согласования с автором.

Существует мнение, что историю искусства XX века нужно переписывать заново каждые десять лет.

Нет, не просто прибавлять новую главу с новыми именами и направлениями, но, имея перед глазами искусство последних лет, последовательно пересматривать все сделанное в искусстве прежде. При такой переоценке происходят невероятные открытия: то, что еще недавно казалось "маргинальным", что представлялось всего лишь малозначительным казусом, — вдруг обнаруживает свой базисный характер для последующих инициатив, оказывается в роли "первоисточков", с периферии перемещается в центр, обнаруживает неожиданные генеалогические связи, становится предметом напряженного интереса.

По отношению к искусству московского авангарда это мнение более чем справедливо. Правда, его тридцатилетняя история еще не написана. Историю искусства пока заменяют выставки. И вот, если сравнить выставку 1988 года в Берне с достаточно представительной выставкой в Бохуме 1979 года, то различия между ними окажутся столь значительными, что невольно задаешься вопросом: неужели речь идет об одном и том же искусстве?

В этих выставках, разделенных менее чем десятилетием, много общих имен; некоторые картины — прежде всего художников старшего поколения — написаны все в той же, характерной для них стилистической манере. И все же перед нами как будто разные пространства эстетической проблематики, разные тенденции, разные типы художественного мышления.

Что же произошло в московском искусстве за последнее десятилетие? Что в нем изменилось? Стиль? Художественная ситуация? Контекст культуры? Почему мы раньше как будто не замечали работ многих художников? И что заставило нас переоценить их? Верность художников своему пути? Актуальность их проблематики? Или — изменившийся горизонт мирового искусства?

Очевидно, прежде чем говорить об *искусстве московского авангарда 80-х годов* — нужно уточнить, о чем идет речь. Первая трудность — словосочетание "московский авангард". Оно, конечно, предельно условно. Многие из представленных на бернской выставке художников не решают никаких "авангардист-

ских” задач. Они не ставят вопросов о сущности искусства средствами самого искусства, для того чтобы выяснить природу и возможности искусства на границе с не-искусством; они не создают, чтобы что-то разрушить в искусстве, и не разрушают, чтобы создать что-то на границе между искусством и не-искусством. Они просто пишут картины: предельно углубленно, сосредоточенно, вдохновляясь примерами великих мастеров Ренессанса или новейшего времени. И все-таки: своей обращенностью к фундаментальной проблематике картины (прежде всего — ее пространства и ее поверхности), своим поиском новых пластических систем, нового языка они, несомненно, продолжают линию русского авангарда первых десятилетий XX века.

Вторая трудность — “восьмидесятые годы”. В чем их уникальность? Несомненно, эти годы знаменуют совершенно иную художественную ситуацию, нежели годы 70-е или 60-е. И все же, несмотря на то, что выставленные произведения датированы 80-ми годами, необходимо помнить, что представляют они художников разных поколений, чья проблематика, пластика, чьи методы работы и способы художественного мышления сложились десять, двадцать, а то и более лет тому назад.

Таким образом, говоря о московском авангарде 80-х годов, мы, соблюдая ту же степень условности, можем выделить в его истории три основные фазы: “прото-авангард” (конец 50-х—60-е гг.), “авангард” (70-е гг.) и “пост-авангард” (80-е гг.). Условность этой периодизации также нуждается в оговорках: многие художественные процессы прошлых трех десятилетий проходили подчас не в последовательной смене одного другим, но иной раз почти синхронно. Оттого и различие между ними более логическое, нежели хроно-логическое.

Существенно также, что мы по большей части имеем дело не столько с художественными течениями, сколько с личностями. После разрыва с авангардистскими традициями в тридцатые годы — 60-е и 70-е дают нам скоротечную историю западного авангардного искусства, воплощенную в творчестве довольно узкого круга художников. В первые же годы “оттепели” происходит освоение и обживание того нового, что пришло сначала с выставкой Пикассо (1956 г.), потом с Московским фестивалем молодежи (1957), с выставками американского (1959) и французского (1961) искусства, наконец, с новыми книгами и журналами...

Целые направления современного искусства, от абстрактного экспрессионизма, сюрреализма, минимализма, поп-арта, концептуализма, фотореализма вплоть до наследия русского авангарда, были скоростным образом переплавлены в весьма специфический “московский пост-авангардизм”. И произошло все — на глазах одного поколения художников.

Только в последние годы, с возникновением new wave, неоэкспрессионизма и “нео-гео”, можно говорить о синхронности в развитии московского искусства относительно искусства мирового.

Еще одна особенность московского авангарда: отсутствие традиций, отсутствие информации о новых тенденциях в современном искусстве, отсутствие нормальной художественной среды, широких коммуникаций между художником и зрителем, художником и критиком, все то, что породило особый тип художественной деятельности — непроницаемо-закрытую, подобно лейбницеvским монадам, завершенную и совершенную систему. Такие системы не участвуют ни в каких связях, которые могли бы прояснить их снаружи. Но внутри каждой из этих систем сжато бесчисленное количество продуманных, решенных или еще не решенных проблем, не поддающихся, однако, никаким непосредственным экспликациям. Эти монады в свою очередь подобны звездным “белым карликам”: сжатые внутри себя до необычайной плотности, они обладают невероятной гравитационной мощью. Но они не образуют широкого поля взаимодействия и пока еще выпадают из местной системы культуры.

Отсюда — неожиданно большое количество теоретической (критической, фило-софской, искусствоведческой) продукции, созданной художниками московского

авангарда. Но и в этой своей деятельности художники многие годы оставались лишь разбросанными созвездиями, ничем друг с другом не связанными; их рукописные тексты – это исключительно личные манифесты, декларации или автокомментарии, чаще всего оседающие в узком кругу почитателей.

Художники старшего поколения, представленные на выставке, – *Дмитрий Краснопевцев* (*1925), *Михаил Шварцман* (*1926), *Владимир Немухин* (*1925). В художественные институты они пришли после войны, из армии, и учились у художников, хранивших заветы классического мастерства. Тогда же, в середине 50-х годов, определилась их художественно-эстетическая ориентация на "высокое искусство", "подлинное произведение", "музейную картину", то есть шедевр, предполагающий в зрителе ответный отклик известных чувств, глубину суждений, утонченность оценок. Эта ретроспективная ориентация на подлинные ценности культуры, противостоявшая в те годы лжи официозного академизма, ставила в центр углубленную проработку пластических проблем.

Фигуры трех художников символичны: каждый из них самостоятельно сформулировал и воплотил определенный образ художественно-эстетического сознания, позиции, стиля жизни – образ, оказавшийся впоследствии непреодоленной парадигмой для многих художников более позднего "околоавангардного" салонного искусства.

Генрих Белль, посетивший Дмитрия Краснопевцева, сказал о нем: "Интересный художник; пишет тишину". Несомненно, Белль уловил самое важное в живописи Краснопевцева. Это ощущение тишины искусствоведом толкуется то как сюрреализм, то как "метафизическая живопись". Сам Краснопевцев не строит никаких теорий по поводу своего искусства. Живопись для него – род подвижничества: отрешенное от суеты созерцательное размышление у холста над порядком вещей. Предметы – камни, раковины, пузырьки, растения, кувшины, книги – заполняют все пространство его мастерской. Но они – только "справочный материал"; с натуры художник не пишет. С 1961 г. его предметные композиции обрели сдержанные конструктивные цвета и подчинились мудрости тишины. 80-е годы ничего не изменили в безмолвном мире Краснопевцева.

Если Краснопевцев являет собой образ художника классического, почти ренессансного, то Михаил Шварцман – это художник-пророк, мистик, эзотерик, творец нового языка религиозных инспираций. В живописи он – жрец, "иерат", создатель прафеноменальных ликов и "иератур". Вся его живопись – служение "красоте спасающей", литургическое соприсутствие реальным знакам его энергий, трепету светоносности и скрытых смыслов. Этими откровениями невозможно обладать или манипулировать – они приходят к художнику как дар и милость... И остаются как именованья различных иерархий, разных миров. Об этом и оповещают характерные для Шварцмана названия картин: "Иература начал", "Лик Праотец", "Лик Энергия" и так далее.

Над своими картинами Шварцман работает долго, иногда по несколько лет – до тех пор, пока их не "узнает". Работы его многослойны и архитектурной точностью своих скульптур напоминают кристаллы. Однако пишет он экспрессивно, процесс работы крайне экстатичен. Вся работа его подобна работе хтонических сил над драгоценным камнем. И только когда вещь родилась, художник ее "пестует": завершает уже руками, как бы оберегая доверчивость матовой поверхности магическими жестами.

Эзотерическое искусство М.Шварцмана и в Москве, и на Западе известно лишь небольшому кругу знатоков. Он редко участвует в выставках и практически не продает своих работ.

В этом смысле Владимир Немухин – полная противоположность Шварцману. И социальный темперамент Немухина, и пластические задачи, решаемые им за пределами метафизики или мистики, – все это образ художника-виртуоза, художника-"маэстро".

До 1964 г. Немухин писал картины в духе абстрактного экспрессионизма, продумывая и преодолевая наследие Кандинского. Позднее в его живопись вошла предметность: нарисованные или коллажированные игральные карты, тексты, наклейки; возникла тема гитары; фактура живописи столкнулась с фактурой реальных вещей. "Это шло не сразу через культуру, — поясняет художник, — сначала я видел, а потом уже вступала в свои права культура. Прежде всего возникало увиденное в жизни: вот на пляже рубашка; рыбу ловят — и рыба тут же на пляже; и рубашки, и карты, и ящики с надписью "Не кантовать" — все здесь".

Соединение непосредственного впечатления и анамнезиса культуры — характерная черта живописи Немухина. Его связь с традициями классической станковой картины не сковывает его субъективности.

Все его работы — "Натюрморты", "Пасьянсы", "Ломберные столы" — написаны темпераментно, экспрессивно, всегда с изяществом, а порой и с нескрываемой "красивостью". Так было в семидесятых годах, так это продолжается и сегодня.

Путь Немухина от абстрактного экспрессионизма к фигуративности был общим для многих московских художников. Именно таким путем шел и *Дмитрий Плавинский* (*1937). Сначала, в 60-е годы, беспредметная живопись, потом — экспрессивная фактурная фигуративность. Обращаясь к предметности, Плавинский, как и Немухин, использовал коллаж и ассамбляж: симптоматическая попытка некоторых художников преодолеть господствующую "описательную" изобразительность реальностью самих вещей.

Позже эта предметность пополнилась материалом из истории культуры: архаическими знаками, загадочными письменами, архетипическими формами и структурами. Из соединения в одной плоскости "вчера" и "сегодня" возникало нечто третье: особого рода длительность, открывающая возможность прохождения "за плоскость".

Эта многослойность структур, знаков и букв, характерная для живописи Плавинского 80-х гг., вызвала к жизни совершенно новую образную систему, в равной мере далекую и от предметности, и от орнаментальности. Предметы здесь исчезают за наслоениями и лессировками, растворяются в мерцающем пространстве, позволяя в свою очередь пространству сгущаться в плотность "музыкального времени".

Следующее поколение художников — *Эрик Булатов* (*1933), *Илья Кабаков* (*1933), *Владимир Янкилевский* (*1938), *Юрий Соболев* (*1928), *Виктор Пивоваров* (*1937), *Олег Васильев* (*1931) — отделено от поколения Краснопевцева, Немухина и Шварцмана промежутком лишь в 5–10 лет. Но это уже совсем иная формация. В значительной мере на ее своеобразии сказались атмосфера шестидесятых годов — первоначальной "оттепели" и шумной административно-идеологической борьбы против "левого" искусства, начавшейся после того, как Н.С.Хрущев посетил выставку в Манеже (1 декабря 1962 г.).

Как и художники старшего поколения, поколение Булатова, Кабакова и Янкилевского в поисках идентичности прошло три стадии: обучение в художественных институтах, самостоятельное переучивание и, наконец, обретение художественного языка, проблематики, стиля. Однако в эволюции этого поколения художников, на протяжении многих лет составлявших своего рода содружество, присутствовало два уникальных момента.

Первый: в отличие от старших, у них не было установки на создание "шедевров". Был поставлен под сомнение и традиционный образ художника — романтически-декадентского "собеседника муз" или "маэстро", с чертами богемной гениальности. Их волновали вопросы по существу: что такое картина и в чем отличие картины от некартины; что такое язык современного искусства и как он связан с другими языками; наконец, что такое художественная деятельность в

соотнесении со всякой другой деятельностью, — то есть те фундаментальные вопросы, которые всегда сопутствуют авангардному движению.

Последовательное продумывание этих проблем привело к неизбежному разрыву с наследием В.Фаворского, Р.Фалька и французской живописи первой половины XX века, наследием, на которое художники опирались на первых этапах своего освобождения от академического образования. Каждый искал свой язык, свою образную систему. И когда такой язык был найден — на нем стали говорить. У Кабакова появились белые доски, "Альбомы"; у Янкилевского — многочастные картины, графические серии: "Тема и импровизация" (1962), позднее — "Му-танты" (1971–79), "Анатомия чувств" (1972).

Второй момент — обостренный интерес к современной науке и философии, интерес к метафизике. Астрофизика, кибернетика, проблема Разума во Вселенной, онтологические и исторические аспекты человеческого существования — обо всем этом говорилось постоянно и с неослабевающим интересом. И, конечно же, не случайно Эрнст Неизвестный общался с физиками из новосибирского Академгородка, для которых готовил свои монументальные проекты; Янкилевский писал пентаптах "Атомная станция"; Юло Соостер (1924–1970), живописец и график, душа содружества, куда входили Кабаков, Янкилевский, Соболев, — делал свои бесконечные "Метаморфозы", в которых причудливо сплетались мир точного знания и фантастика. Неслучайно, разумеется, и то, что Ю.Соболев стал иллюстратором научных изданий; именно он пригласил к сотрудничеству в первом выпуске альманаха "Наука и жизнь" упомянутых выше художников: их метафорическое мышление разительно отличалось от всего, что делалось другими московскими мастерами.

Художественная система Владимира Янкилевского, сложившаяся уже к началу 60-х гг., быть может, наиболее точно отражает круг фундаментальных проблем, которые выражены в названии одного из его триптихов, посвященного Дм.Шостаковичу: "Существо во Вселенной" (1964).

Существо во Вселенной — это человек, проходящий через многочисленные пространства: рождение, быт, любовь, сон, смерть... Ни одно из этих пространств не бывает конечным, ни одно не завершено. Отсюда — переход от "плоской" живописи к живописному рельефу; отсюда и превращение зрителя из созерцателя в соучастника и сообитателя "пространства в пространстве".

Мир Янкилевского предельно уплотнен, сгущен до формул — и оттого "прочитывается" с большим трудом. Это мир, где заново оживают первоэлементы архаической пластики, где властвует стихия космического зрота, вселенского ужаса, онтологического Ничто, пограничность человеческого существования и мудрая, хотя и горькая ирония. И все это, происходящее в различное время и в различных местах, парадоксальным образом объединяется в едином, всеохватывающем состоянии дрящегося Таинства жизни.

Многочастность его картин предполагает диалог через внутреннюю среду. В каждом триптихе — две поляризованные части; связывающий их центр — это среда-пейзаж: место диалога. Крайние части всегда представляют собой персонафикации мужского и женского начала. Это как бы раздвоение человеческого существа на мужское и женское, выявление динамики заложенной в них биологической, психологической и жизненной энергии. Не случайно женское начало (левая часть триптиха) у него всегда в фас, мужское — всегда в профильном движении. Но оппозиция двух начал может быть и другой: физиологическое — интеллектуальное, ритмическое — полифоническое, художник — ученый, "Я — Ты".

Всякая неизменность, однозначность и однослойность существования для Янкилевского есть символ смерти. Именно об этом его триптих № 14 "Автопортрет" (1987). У этой пугающе-натуральной фигуры человека в метро нет ни прошлого, ни будущего, он соседствующий с ней силуэты — лишь ее проживания, ее отпечатки, никуда не ведущие следы. Подлинно живым для Янкилевского остается лишь пейзаж, сияющий сквозь черные дыры.

В.Янкилевский был одним из участников декабрьской выставки в Манеже 1962 года. Разгром неортодоксального искусства, учиненный Хрущевым на этой выставке, положил начало затяжному периоду "андерграундного", проще говоря – подпольного (англ. underground), существования художников московского авангарда. Художники попали в ситуацию постоянного доказывания своего права на собственную художественную позицию. Драматизм этой ситуации усиливался чувством обреченности на провинциализм из-за безнадежной оторванности от процессов мирового искусства. Некоторыми художниками это время было воспринято крайне трагически и привело их либо к отказу от своего пути в искусстве, либо к эмиграции.

Но были и такие, для кого собственные проблемы искусства оставались самодостаточными, независимыми от каких-либо перемен в культурной политике государства. К их числу принадлежит Олег Васильев.

Важным событием в становлении художника было знакомство с В.А.Фаворским. Откликами на систему Фаворского обусловлены чисто конструктивные задачи, которые начались с попыток назвать словом то, что хотелось сделать: выявить энергетическую систему художественного пространства. Тем не менее в каждой конструкции у Васильева всегда присутствовало конкретное эмоциональное впечатление от жизни. Эта основополагающая часть работы была завершена к 1968 году.

70-е годы были почти целиком посвящены "закрытой картине", то есть попыткам поместить изображение в герметический космос картины-конструкции. Однако картина не только не нуждалась в таком изображении, но и сопротивлялась ему. Настойчивость художника приводила к неизбежному разрушению идеального конструктивного построения, найденного в предшествующие годы.

Восьмидесятые начинаются с отказа от закрытой картины. Этот отказ опирается на такой тип конструкции, которая больше картины, и потому позволяет открыть ее в пространство зрителя. Энергетическое поле конструкции отныне не прямоугольник холста, а то, что включает в свой ритм и художника, и изображение, и зрителя, – поток солнечного света. Вся Земля летит в этом потоке. И если представить себе, что световой поток проходит сквозь картину и выходит сюда, к нам – независимо от того, находимся ли мы в комнате или на природе, – это и будет всегда конструктивная и конструирующая ситуация.

Отсюда желание такой живописи, где сама живопись не присутствовала бы в качестве живописной стихии. Хотя всегда считалось, что Васильев работает с цветом, "живописность" у него все больше отходит на второй план, уступая место пронизанности светом. "Я хотел бы открыть картину и удержаться на границе, чтобы свет оттуда смешался с солнечными пятнами на полу, чтобы все, что мне дорого, что обычно существует разобщенно, собралось и предстало взгляду как некое единство", – говорит художник. И он распространяет эту концепцию на действительную жизнь, опираясь на то, что пришло из картин, с потоком света, сообщающего всему, с чем он соприкасается, иное существование.

Прошлое для Васильева тоже пронизано светом. Этот свет – самая суть воспоминаний. Свет солнца и свет памяти представляются в чем-то родственными. Поток солнечного света преобразует и предметный хаос, и действительную жизнь в упорядоченные картины. Но чем глубже в прошлое – тем поток света мощней. И где-то там, за чертой различимого, – это уже целая река золотого света. В ней может утонуть вся жизнь, и в ней живет все, что было раньше.

Середина семидесятых годов отмечена в искусстве московского авангарда ростом саморефлексии и самоанализа, расширенным пониманием специфики художественного сообщения при использовании нетрадиционных материалов и средств языка. Искусство начинает осознаваться как открытая система, способная переосмыслить любой жизненный материал. Этому пониманию искусства в

немалой мере способствовало почти одновременное знакомство с поп-артом, концептуализмом и гиперреализмом.

Примечательно, что каждое из этих направлений очень легко соединилось с традиционными корнями местной культуры: гиперреализм оказался созвучным наследию реализма русско-советской живописи, концептуализм наложился на традиции утопического проективизма и социально-номинативного мышления, отождествляющего номинацию и действие, поп-арт — на подмену предмета его суррогатом, подделкой, условным обозначением.

В творчестве Э.Булатова и И.Кабакова — художников, наиболее известных на Западе, — резкая смена ориентаций и проблематики искусства московского авангарда проявилась с наибольшей четкостью и последовательностью.

В начале 60-х гг. Эрик Булатов занят исключительно вопросами пространства картины ("геометрические" абстракции); с середины 60-х до середины 70-х — это фигуративные композиции, героическая попытка выбраться из-под всеподавляющей французской эстетики. И только с середины семидесятых Булатов начинает разрабатывать в подлинном смысле слова "свою" проблематику, ту, которая остается для него устойчивой и по сей день.

Булатов, чьи произведения 70-х гг. являются хорошо отрефлектированным откликом на новый язык постмодернизма, хотя они и не сводимы к гиперреализму, концептуализму и поп-арту, сумел необычайно точно выразить мировосприятие своих современников. "Для меня решающим в этом деле, — вспоминает Булатов, — были железнодорожные плакаты. Мое формирование конца 60-х — начала 70-х, все мои тексты даже пошли от железнодорожных плакатов. Мне казалось тогда, что в советском искусстве единственно стоящее — это железнодорожные плакаты. Это единственное искусство, где действительно говорится о подлинном и опасном, где нет подмены, а есть какая-то гуманность и очень большая функциональность. В них было все, что нужно, чтобы спасти человека. Но сама бюрократичность этой формы, ее дикая отчужденность и вместе с тем трагическая подлинность — на меня очень сильно действовали. Первые мои картины с текстами, скажем, "Опасно", как раз были связаны с этими плакатами".

Впоследствии в дело пошли политический плакат и фотография. Так возникла тема границы между пространством искусства и социальным пространством: тема плакатно-красного и "толстовского" неба, их контраст, невозможность проникнуть в глубину осознания того, что путь глазу всегда преграждает какая-либо красная сетка. В картине "Слава КПСС" буквы властвуют над всем пространством от поверхности картины до мозга зрителя. Но они не владеют ни единым миллиметром "того" пространства, находящегося по ту сторону поверхности. Та же проблема границы между поверхностью и миром человека и в картине "Единогласно".

Смена ориентаций, проблематики и стилистики художественного языка с середины 70-х гг. произошла и у Ильи Кабакова. Правда, и для "раннего", и для "позднего" Кабакова всегда остаются характерными взаимосвязь изображения и текста, повествовательность, острый психологизм, метафизическая встревоженность, парадоксальность, ироничность. Пространство его искусства — ряды огромных стендов, альбомов, объектов, инсталляций — подобно однородному, хотя и разграниченному пространству коммунальной квартиры, поделенному бесчисленными соседями на зоны прав и обязанностей, где воздух наэлектризован сентенциями, высказанными и умолчанными претензиями, вопросами, пояснительными комментариями.

Кабаков на всю жизнь предан обыкновенному в своей банальности человеку "коммуналки". С этим человеком он ведет бытовые и философско-метафизические диалоги, размышляет о скуке и смерти, делится новостями, обсуждает возможность или невозможность чуда. С середины 70-х годов Кабаков обратился к социальной проблематике, к языку идеологических штампов, коллективных символов и мифов, однако сформулированные им иронические конфликты героического и

тривиального – вовсе не сатира. Посредством языка поп-арта и концептуализма, всецело переосмысленных и приближенных к местной почве, Кабаков создал универсальный космос, участником которого оказывается всякий зритель его произведений. Попытка прояснить смысл этого космоса с помощью комментария или беседы с художником только уплотняет контекст этого универсума, передвигая зрителя с периферии в центр и превращая его в персонаж фантомной реальности.

Кабаков – художник, который сосредоточил свое внимание на исследовании психологии, души и жизни среднего советского человека. При этом он выбрал вполне адекватный, хотя и трудный способ воплощения своих идей, который потребовал создания огромного множества картин, графических серий, объектов и сопровождающих их текстов. И весь смысл этого множества заключается в том, чтобы рассмотреть проблему с очень многих точек зрения. Поэтому понять значение искусства Кабакова можно только тогда, когда ознакомишься с большим количеством его работ.

Булатов, напротив, сосредоточивает заряд в каждой отдельной картине, и для него качество этой картины является очень важным делом. Будучи близкими людьми и имея много общего, Кабаков и Булатов находились на разных полюсах формирования нового языка искусства московского авангарда. Многие молодые художники больше испытали на себе влияние Кабакова, чем Булатова. Однако идеи Булатова были достаточно серьезно восполнены параллельной разработкой социальных тем в "фотореализме" *Семена Файбисовича* (*1947).

Так же, как и в работах Булатова, у Файбисовича постоянное драматическое напряжение, идущее из толщи повседневности и перерастающее в экзистенциальную тревогу. Это есть и в более раннем "Семейном портрете в интерьере" (1982), где автор разглядывает свои ноги, сидя в уборной, и в более поздних циклах: "Рейсовый автобус", "Московский метрополитен", "Подмосковная электричка", "Очередь". И везде – эффект сопричастности, противостоящий стертости жизни. С одной стороны, лица индивидуальны, конкретны, с другой – каждый из этих персонажей поразительно узнаваем. Художник ведет свой отбор материала не по принципу обобщения, а в зоне привычного, ежедневного, тривиального, – так возникает диалектика того, что Сартр называл "царством общих мест": все незнакомо и в то же время постоянно перед глазами, о каждом персонаже можно написать роман или снять фильм.

Фотография для Файбисовича – не источник, а промежуточный материал; в ней изначально присутствует то, что он видит и над чем раздумывает повседневно; все вместе и приводит в конце концов к картине. Картина является результатом нескольких этапов творческого освоения реальности. Художник прежде всего обращен к самой реальности, а не к фотографии; фотография для него лишь извлечение увиденного и пережитого.

Существенно также, что за всем подчеркнуто обыденным материалом всегда стоит личный пафос художника: утверждение непреходящей красоты мира. Его метафизические установки определяются ощущением перманентного творческого акта необычайной силы, которая постоянно осуществляется и пребывает в этой жизни; он ощущает и переживает ее как явление, обязанное своим существованием все тому же творческому акту.

Другие молодые художники пошли по пути Кабакова, то есть исключили качество, взяв очень быстрые способы делания вещей и концептуальные идеи Кабакова. Картина как вещь не имеет для них никакого значения; есть только голая идея, и зафиксировать ее можно очень простым и ярким способом... Однако есть только один способ прекратить свое существование в качестве персонажа художественного универсума Кабакова: создать свой собственный всеохватывающий космос. Возможно, кто-то из молодых концептуалистов когда-нибудь попытается это сделать...

Иван Чуйков (*1935) начал самостоятельно работать с 1962 года. Работал в полной изоляции от других художников, мучительно преодолевая французскую

эстетику "красивого". Только в конце 60-х гг., уже после знакомства с Янкилевским, Пивоваровым и Кабаковым, произошел резкий слом, открывший путь к простоте. Из его поиска "прямого высказывания" берут начало и его "Окна", и его "виртуальные проекты" (не только пластическое, но и экзистенциальное устремление преодолеть закрытость пространства, растворить или разломать стену); отсюда же и дальнейший путь к использованию готового языка или сведения различных языков к некоему "элементарному" условию.

Это — большой цикл "Фрагментов" (80-е годы): угадываемые и известные цитаты культуры — преобразование известного в новую реальность, воспоминания о пережитом и провоцирующие, возбуждающие воображение мистификации. Порой это только многократные увеличения, где изображение трансформируется в абстрактный экспрессивный мазок, иногда — объединение разных направлений искусства: концептуализма (на холсте наклеена открытка); гиперреализма; абстрактного экспрессионизма; геометрической абстракции; и тут же просто живопись поля, одноцветно окрашенного... На некоторых последних работах фрагменты объединены модульной сеткой в упорядоченную структуру. Соединение фрагмента и структуры оказывается еще одним слоем, позволяющим приблизиться к прояснению соотношений детерминированного и непредсказуемого.

Эдуард Гороховский (*1929) после окончания архитектурного отделения Одесского строительного института 15 лет прожил в Новосибирске, где работал и как архитектор, и как книжный график, и как монументалист, и как театральный художник. 1970 год — дату знакомства с Кабаковым и Пивоваровым — Гороховский считает годом коренного поворота, открывшего совершенно новый этап в его творчестве. В 1974 г. он поселился в Москве и начал работу с фотографиями.

Первоначально это были старые фотографии, увеличенные и перенесенные на холст. Уже при самом этом переводе фотографий в новый материал, в картину, возникла магия неожиданных пространств, пронизывающих межги прошлого и настоящего.

Но почему все-таки фотография? "Я нахожу в ней массу магического, символического и даже чудесного, — говорит Гороховский. — Для меня нажатие затвора, запечатление на пленке, потом остановка этого мгновения и жизнь его в вечности — это, конечно, таинственное дело, во многом непонятное и поэтому очень привлекающее меня. Нажатием затвора вы настоящее делаете историей, прошлым, — и это уже такой незабываемый материал, который останется навечно. Это мистический материал, и в этом качестве на меня действует любая фотография, старая и новая. Фотография позволила мне избавиться от прежней выучки самым радикальным образом. Я как бы снимал ложную художественность, поскольку старался бесстрастно воспроизводить фотографии. И сколько лет уже работаю, — фотографии все время подкидывают новые идеи, очень интересные, и я чувствую, что они никогда не исчерпаются. Особенно хороши фотографии плохие, потому что если фотография хорошая, то она уже является искусством, самодостаточна. А плохие, с плохой композицией, видимостью, — они очень вдохновляют на работу и открывают новое пространство, в которое ты можешь поместиться".

Пошлая, тривиальная сторона фотографии подхлестывала Гороховского к тому, чтобы доказать себе и другим, что искусство можно делать из чего угодно, даже из самых тривиальных вещей. У него есть работы из газетных фотографий — убедительная демонстрация жизненности его художественной системы, способной включать в себя фотографию в самом расхожем, банальном, неприглядном ее виде. При этом художнику интересен и документальный материал, поскольку картина решает не только пластические задачи, но и является документом, выполняет историческую функцию. Гороховский нашел в фотографии много аспектов в чисто формальном смысле: и сам процесс проявления пленки, и увеличение, и действие проявителя в фотографии — все это поводы для того, чтобы сделать какую-то картину. Между работами он не видит большой разницы: для него это одна и та

же работа, меняются лишь материалы и масштаб. Есть вещи, которые выдерживают только графический размер и способ воплощения, а есть такие, которые нужно увеличить до картины.

Искусство для Гороховского — это не показ чего-то, не объяснение, но побуждающий момент для мышления. Именно такими предстают его работы последних лет: "Доска почета", "Инопланетяне", "Тройка". Такова же и его серия "Игры", где в интригу аксессуаров и образа включена также и наша способность различать границы новых смыслообразований.

Начало 70-х годов — время освоения московскими художниками идей поп-арта, концептуализма и гиперреализма. Эти идеи, оказавшиеся удивительно созвучными собственным поискам нового языка описания, не только совпали с силовыми линиями художественного сознания, но и стали тем зеркалом, посредством которого местная культура впервые могла себя точно увидеть и опознать. Возникло новое измерение художественного сознания, возник новый менталитет. Господствовавшие еще недавно художественные идеи школы Элия Белютина или Оскара Рабина уходили на второй план. Центр тяжести сместился из области эмоционального в область рационального, аналитического, ироничного, концептуального — область, где смысл являлся началом более важным, нежели пластическая форма и живописное качество.

В становлении этой новой художественной проблематики ведущую роль сыграли не только Булатов, Кабаков, Чуйков, Гороховский, но и художники следующего поколения: *Дмитрий Пригов* (*1941), *Борис Орлов* (*1941), *Ростислав Лебедев* (*1946), *Гриша Брускин* (*1945).

Главная линия этих художников — работа с моделированием различных языковых пространств: этно-социального, идеологического, метафизического, мифологического. У истоков этой проблематики стояли художники В.Комар и А.Мелаид, создавшие в конце 60-х — начале 70-х гг. оригинальное художественное направление, названное ими по аналогии с поп-артом "соц-арт". "Соц" — означал здесь не только социальный материал, к которому обратились художники, но одновременно и предмет художественно-теоретической рефлексии. Они первые начали работать с продуктами идеологического перепроизводства, социальной геральдикой и символами социальных фантазий.

Другая линия разработки рядов языковых пространств, близкая к идеям классического концептуализма, — деятельность группы "Коллективные действия". Группа возникла в 1976 году. Первоначально в нее входили *Андрей Монастырский* (настоящая фамилия — Сумнин, *1949; основатель группы), *Никита Алексеев*, *Георгий Кизеветтер*; затем к ней присоединились *Николай Панитков*, *Игорь Макаревич*, *Елена Елагина* и *Сергей Ромашков*; с 1978 г. постоянным участником деятельности группы стал *И.Кабаков*.

Начиная с первой акции 13 марта 1976 г. "Появление" (она проходила в Измайловском парке, там, где в 1974 г. состоялась первая не запрещенная властями выставка московских художников) и до настоящего времени было сделано около 50 акций или перформансов, описание которых составило четыре тома документации "Поездки за город".

Первоначальный импульс был задан основанной на структуриализме работой с литературными текстами и музыкой: это был перевод текстового материала из одного плана выражения в другой. Одна из главных задач, которая сохранилась и по сей день, — это реконструкция "прямого взгляда", освобожденного от всевозможных интерпретаций или символики, неизбежно возникающего между зрителем и тем, что происходит. Однако декларируемое группой редуцирование к основополагающим элементам — пустоте, пустому пространству, протеканию времени — на деле оказывается частью достаточно сложной и изощренной философско-лингвистической системы.

Поэт, скульптор и график Дмитрий Пригов долгое время был участником обсуждений работ "Коллективных действий". Однако его собственная художественная система сложилась значительно раньше и независимо от каких-либо влияний — через собственную поэзию, где "поп-артное" понимание слова сразу же обнаружило свою концептуалистскую природу. Отсюда возникла и вербализованная изобретательность: визуальная поэзия, манипулятивные тексты, именованные метафизических пространств. В последнем случае слово используется не как граница между ирреальностью и жизнью (как у Булатова), не в виде "поп-артных" пояснительных надписей (как это бывает у Кабакова), а в качестве имени изобразительного пространства: "Ужас", например, — это не кошмар, вынырнувший из пространства, а имя этого пространства, взявшего на себя густоту предметности.

К таким же языковым действиям относится и его серия "Чудовища". Это не пародия, не демонология и не претензия на визионерство. Это — выстроенный мир, в котором все знакомые художника реально существуют в таком виде. Из контекста этой космогонической знаковой возникает, конечно, некий ирреальный мир. Но разве изобразительное искусство не создает ирреальные миры?

Манипулятивные объекты — это календари, окна, банки, заполненные рисованными или машинописными текстами. Манипуляция у Пригова как бы развешивает метафору пространства, иллюстрируя своим содержанием некие платоновские идеи: банка может означать, скажем, Америку или какое-либо опредмеченное понятие, сформированное речевыми штампами соц-языка.

Последние работы Пригова — "Газеты": серия, состоящая из нескольких рядов "ключевых слов", обозначающих вновь возникающие или исчезающие смысловые пространства. В этой серии собственный язык художника и язык средств массовой информации объединяются в одной плоскости иллюзорного тождества. Определение же границы между ними доверено сообразительности зрителя.

Использование социального материала Приговым было качественно новой стадией освоения этой "нежизненной" (как казалось многим художникам) зоны. Вхождение в ее центр оказалось принципиально иной позицией, нежели этические обоснованное неучастие или аскетическая самоизоляция. Концептуальное сознание сделало шаг навстречу социальной действительности и попыталось понять, каким образом ее язык может стать языком искусства. Первоначально — для Комара и Меламида, Булатова и Кабакова — этот шаг означал что-то вроде акта необходимости; отчуждение преодолевалось иронией, стоицизмом или мукой. Но Пригов, Орлов, Лебедев, Брускин обнаружили глубинные мифологические структуры, лежащие в основании социального материала.

Для Бориса Орлова эта неизменная часть структуры прояснилась через жанр парадного портрета, названного художником "имперским стилем".

Как и многие другие художники его поколения, Орлов пережил свой "метафизический период", совпавший с общим увлечением — религиозным экзистенциализмом. То, что это увлечение было общим местом московского "андерграунда", обнаружилось на первой же большой выставке в павильоне Пчеловодства (1975) и, конечно же, привело к девальвации всего, что делалось. После кризиса с "метафизикой Присутствия" искусство Орлова спустилось с небес на землю, общая направленность работ перешла из высокого ряда в нижний: начался поиск пути с противоположного конца.

Исходным пунктом этого поиска стало различие между лицом, личностью, личиной, маской. Так выяснилась роль самостоятельной массы социальных доблестей, ритуальных тотемных знаков в современной социальной геральдике. Возникла тотемическая линия, конструкция тотема, в которую укладывался парадный классический портрет, проявляющийся в любую имперскую эпоху. Персонаж оказывался непременно героем, как бы повторяющим функцию архаических героев: Великий Человек, Человек Над Всеми, Указующий, Руководящий, Большой Человек, Самый

Главный Человек. Тема "Самого Главного Человека", перед которым обыкновенные люди превращаются в ничто, стала темой ослепляющего соблазна сияния.

Ярче всего это видно в барочных "Императорах", где спереди — ослепительное сияние, которое действительно соблазняет: безумная красота наград, лент, ярких цветов как бы скрывает свою основу; лишь зайдя с профильной стороны, мы вдруг обнаруживаем несущую сторону грубого дерева, и эта теневая сторона оказывается столь же существенной и важной, как и парадный блеск. Обходя дальше, мы видим тыльную сторону, точно так же покрашенную, хотя и принципиально скромную: спина не так важна, но она тоже выкрашена. Продолжая обход, видим опять профильную, сокровенную сторону... И так во всех его работах — живая сердцевина дерева и фронтальная сияющая эмаль, никакого отношения к дереву не имеющая...

Если Орлов разрабатывает героическую тему, то Ростислав Лебедев обращается к теме праздничной. Здесь также речь идет о глубинных структурах. Сущность этих структур Лебедев раскрывает через преодоление страха смехом, игрой. В ход идут самые разные цитаты — от плакатов, указателей, стендов до кича и русского революционного авангарда. Все они объединены ярким цветом; Лебедев убедительно показал, что жизненные и социальные импульсы исходят не от предмета, но от краски, наложенной на предметы. Краска порождает новые смыслы и документальную достоверность в его объектах.

Его обращение к игральным картам имеет формальное сходство с наблюдениями Немухина. Но если у Немухина это знаки предметности в живописной стихии, то у Лебедева это игровая ситуация, в которой действуют символы, указывающие на скрытые слои проблематики советской жизни.

В работах с картами присутствует некая дистанция, взгляд как бы из космоса на то, что внизу. Но сама игровая ситуация, исключая центр и обращающая автора и зрителя в соучастников политической, культурной, спортивной или экономической "перетасовки" существующего порядка вещей, исключает всякое отстранение. При этом высокие темы нередко выявляют свой истинный масштаб — масштаб детских игр "в войну" или "в дочки-матери"...

Если метафорой творчества Пригова является пространство, то соответствующей метафорой для Гриши Брускина будет Книга — книга как мир и мир как книга. Тема Книги развивается им в двух направлениях: мифа об иудаизме (серия "Алефбет") и мифа о социальном мире (серии "Монументы", "Фундаментальный лексикон", "Логии").

"Книжность" Брускина вовсе не в иллюстративности, но в созданной им многослойной контекстуальности, которая порождает бесчисленные уровни толкований. И это понятно: существующие мифы художник не демифологизирует, но, напротив, дополняет мифами новыми, как бы одевая маску на маску.

"Более надлежит толковать толкования, чем толковать сами вещи", — эти слова Монтеня, взятые Жаком Деррида в качестве эпиграфа для грамматологических объяснений проблемы структуры и отсутствия центра, мог бы повторить и Гриша Брускин. "Реальная действительность, будь то окружающая меня жизнь или иудаизм, исключена из моих картин, меня интересуют только идеальные модели, идеальные структуры", — говорит художник.

Это не означает, конечно, что идеальные структуры Брускина не имеют никаких связей с реальной действительностью. Мир его монументов невозможно понять без гипсовых пионеров, спортсменов, рабочих и колхозниц, многие десятилетия украшавших городские парки и архитектурные фасады. Но в картины Брускина они вошли не в качестве скульптур или людей, но идеальными моделями, идеальными образами. Каждый такой образ отмечен цветным аксессуаром — знаком реальности, благодаря которому он обретает символично-мифологический характер. И каждому такому образу соответствует собственное пространство ("Фундаментальный лексикон") или подобные ситуации ("Логии") — из них, из

этих картин в картине, и складываются живописные серии Брускина. Художник пишет каждую часть отдельно, а потом собирает картину, как часовой механизм.

Одна из последних картин серии "Логии" (название указывает на вторую часть сложных слов, например, "антропология", — благодаря которой предмет обретает статус "научности") дает наиболее ясное представление о постсоц-артовской проблематике Брускина. В замкнутых пространствах, на фоне нечитаемых текстов, являющихся также образами (образами Текста), мы видим пять постоянных фигур (композиционный канон), которые создают некую иллюзию ситуативности. Что происходит "на самом деле" — предлагается определить зрителю. "Ложная ситуация" не исчерпывается ни одним однозначным толкованием, будь то речь о наставничестве, учительстве, предводительстве, лидерстве и т.п.

Так как пространство картины заряжено достаточно ясными символами, ни один из аксессуаров не выпадает из заданной системы. И когда художник вводит в картину, скажем, экзотических животных, то их присутствие легко интерпретировать, например, через идею Красной книги, защиты редких животных, детского движения помощи зоопарку, через школьное изучение биологии, теорию Дарвина, ставшую частью нашего сознания; но их можно истолковать и как демонов пространства, связанных в народном представлении с дурными приметами, черными силами, а в современном мироощущении — с подсознательными стихиями страха и ужаса... Такое толкование как будто подтверждается образами оборотней: портреты вытекают из абриса фигуры и завершают ее — образ перевоплощается в образ; однако и это толкование может быть отменено каким-либо другим. То же относится к перечеркнутым и неперечеркнутым надписям: они могут указывать на конкретный исторический аспект, событие, факт, но могут быть обоснованы и двуединством разрешающих и запрещающих заповедей в иудаизме, и даже системой дорожных знаков.

Как легко одни и те же образы могут меняться в зависимости от контекста, можно увидеть при сопоставлении "Фундаментального лексикона" или "Логий" с серией "Алефбет". Образ книги, например, в одной системе будет "Книгой жизни" и "Книгой смерти", "Писанием", "Законом", "Вестью", в другой — "Конституцией СССР" или "Историей КПСС"; виноградная лоза в одном контексте — метафора, которой пользовались Иисус и пророки, в другом — символ высокой урожайности, достижений сельского хозяйства и пр.

Собственная художественная проблематика Брускина сложилась в конце 70-х — начале 80-х гг. Однако наиболее ярко он реализовал ее лишь в последние годы. И только теперь стало ясно, что Брускин привел к логическому завершению не только свои идеи, но и важнейшие темы целого направления.

Начало 80-х годов, время становления московского постконцептуализма, было временем перформансов, квартирных выставок ("Арт-арт", 1982—84) и шумных загородных акций, как например, летом в Каллистове (1983). Концептуальное освоение социальной темы вступило в заключительную фазу: жесткие рамки необходимых правил языка отпали — теперь этим языком можно было пользоваться, ориентируясь совсем на другую эстетику. Социальное стало одним из возможных языков нового искусства, включая сюда неоекспрессионизм или "ню-вейв". Зона необитания оказалась наконец завоеванной.

В 80-е гг. эту зону стало обживать молодое поколение художников московского авангарда, которые порой не проявляли никакого интереса к "героическому прошлому" отцов-первооткрывателей. Участники группы "Мухомор" (Владимир и Сергей Мироненко, Свен Гундлах, Константин Звездочетов), например, начали впервые обращаться с социальным материалом без всяких правил игры, установленных когда-то их приемными родителями в лице Герловиных, Монастырского и Пригова. "Мухоморы" не искали формулы свободы, но просто объявили себя свободными. Их шутовской балаган вбирал в себя самые разные языки и способы обращения с материалом, разрешаясь затем обильными потоками нарочито "вне-

качественной” продукции. Но кроме юношеского желания задать всем перцу была также вполне серьезная задача создать нового зрителя, создать новый стиль, отличный от слишком ”сухого”, как казалось тогда ”Мухоморам”, черно-белого концептуализма художников старшего поколения. Отсюда – напор иронии, комизма, клоунады, игры и озорства.

То, что для художников старшего поколения выступало строго маркированным, наделенным знаками плюс и минус, для молодых художников предстало как однородное пространство, лишенное границ и непререкаемых ценностей; пространство, не предполагающее этикета, трансцендирования и табелей о рангах. Философы, законодатели и пророки сменились шутами. Их насмешки над всем, в том числе и над теориями структуралистов, и над самим искусством, – это вызывающая попытка пробудить или продлить чувство детскости, утвердить магию доверия и праздничности, спастись от серьезности, от патетики, – говоря словами Бонгёффера, от ”фальшивой благодати”.

Константин Звездочетов (*1958) работал в группе ”Мухомор”, с 1982 г. параллельно выступал самостоятельно. В настоящее время, верный ”групповому сознанию”, он работает в составе группы ”Чемпионы мира”.

Звездочетов – один из наиболее ярких выразителей той переориентации художественного сознания, какую предприняло новое поколение. Его квазиполитические и квазимифологические построения – часть ”игры Божьих детей”, которая разрушает мир сложных неподвижных истин и потому не хочет знать никакой дистанции между искусством и жизнью.

Главная тема игры Звездочетова – возвращение искусству его социально-политической и сакральной миссии. Отсюда квазимиф о новой культуре, рожденной из созданного самим Звездочетовым нового эпоса о стране Пердо. Этот огромный миф, часть которого составляет сюжет об арбузе, не имеет ни начала, ни конца, и вся продукция художника, широко использующего местную фольклористику и пропагандистско-оформительскую фактуру, – лишь ”фрагменты” этой ”новой великой культуры”. Один из таких эпических фрагментов – ”Объект КН-6”. Примечательно: эти буквы ничего не означают. Но они отсылают нас к той массе букв, цифр, значков, которые мы ежеминутно видим на улице, не подозревая об их смысле; однако и они – часть нашего мифа, нашего ”знания о мире”, которые Звездочетов, подобно Кабакову, хотел бы включить в свой универсум.

Каждая работа Звездочетова воодушевлена надеждой, что мы полюбим окружающий нас мир. При этом он не забывает добавить: ”Пожалуй, единственное, чем ценны художники, – это тем, что они могут показать на своем примере всю условность и суетность этого мира”.

Художественный мир *Вадима Захарова* (*1959) также опирается на фундамент мифа, но миф этот, по примеру древних космогоний, носит характер живых творящих стихий: именно они, подчинив себе кисть художника, формируют все расширяющийся контекст, создают свою генетическую память, воспроизводят героев, предметы, ситуации, фактуры, размеры и колорит его картин. Получается как бы одна работа, растянутая во времени.

Среди художников своего поколения Захаров, быть может, острее остальных чувствует свою связь с проблематикой авангардного искусства 70-х годов (прежде всего с ”новым авангардом” Роберта Морриса, Карла Андре, Роберта Смитсона) и местными авангардистскими традициями (прежде всего с московским концептуализмом и минимализмом).

В конце 70-х – начале 80-х гг. Захаров занимался исключительно перформансами и акциями. Акции проводились и во ”внехудожественной” среде, и в среде художественной. В 1981 г. это была попытка анкетирования художников, посвященная проблеме уникальности художественной среды и ”я” художника; в 1982–83 гг. – совместная с Г.Кизевальтером работа ”По мастерским”: рукописная книга, куда вошли интервью с московскими художниками и фотодокументация, – еще одна попытка аналитического исследования герметически закрытой

художественной ситуации. Потом появилась тема слонов и одноглазых. Это была область формирования мифа, формирования идей, законов, аксиом саморазвивающейся модели. В ее основе – мифическая линия: бинарная оппозиция слонов и одноглазых. Слон – полисемантический знак, отсылающий к средневековым bestiариям, где "Большой слон" оценивался как Адам, а "Маленький слон" – как Христос; к известной аббревиатуре СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения); к словам Маяковского: "слоны в комсомоле". В качестве отрицательной величины выступил другой полисемантический знак – "одноглазый". Так был заложен мощный потенциал мифа, из которого художник начал черпать темы своих работ. В конечном итоге это оказалась неподвластная художнику саморазвивающаяся структура, и она сама стала властно диктовать ему свои темы и правила.

Первоначально это были изображения скульптур – персонажей с хоботом и одноглазых. Следующие восемь работ – обороты этих скульптур: то, что мы бы увидели "сзади", если бы зашли за них. Потом из соединений и фрагментов картин стали рождаться другие. И, наконец, из недр этой мифологической структуры возникли восемь последних картин "Репродукция": материальный объект, перешедший в картину и получивший там право собственной жизни.

Имя *Сергея Волкова* (*1956) стало известно в кругу московского авангарда около двух лет тому назад. Волков родился в Казани, там же закончил в 1980 году строительный институт, потом полтора года учился в Институте кинематографии на операторском факультете; работал как профессиональный фотограф и художник-оформитель.

Его знакомство с искусством московского авангарда произошло через группу "Детский сад", – именно там были выполнены первые работы в духе немецкого неоекспрессионизма. Позже, осознав вторичность этого искусства по отношению к тому, что происходит на Западе, Волков начинает поиск собственного, обусловленного местными традициями языка.

Его работы последних двух лет, пожалуй, ближе всего к минимализму, с использованием элементов конструктивизма и "нео-гео". Эта эстетика сложилась у Волкова под воздействием оформительской работы, которой он занимался в комбинате декоративно-оформительского искусства. Отсюда – предназначенные для бытовых целей краски из хозяйственного магазина, фанерные щиты, упрощенные формы, схематизм композиции, широкое использование социально-бытовых символов и знаков, часто заимствованных из поселково-пригородной среды. Но знаки эти, повсеместно оторванные от своих денотатов, последовательно приближены к "нулевому смыслу". Такого рода редукция к "прямотому взгляду", исключающему какие-либо интерпретации (проблема, впервые поставленная Андреем Монастырским и группой "Коллективные действия"), полностью порывает с традиционно-усложненной проблематикой московского авангарда.

Хотя проблематика концептуализма и соц-арта остается ведущей для московского авангарда конца 70-х годов и в нынешнем десятилетии, существует немало художников разных поколений, разрабатывающих собственные темы и опирающихся на другие традиции.

Путь художников 60-х гг. оказался "архетипическим" для художественных процессов московского авангарда. Оторванные от современного мирового искусства, художники все-таки шли не только назад, к высокому искусству Ренессанса, но и вперед, находя в самих себе и новые стимулы, и формы, и стилистику нового языка. Каждый из них был своеобразной атомной станцией со своим реактором: сам генерировал идеи и сам их осуществлял, не сопоставляя с тем, что было на Западе.

Последующее знакомство с современным западным искусством и осмысление его проблематики приходило уже через осознание собственных задач. Таким же путем складывалось и понимание наследия русского авангарда, прежде всего наследия К.Малевича.

Эдуард Штейнберг (*1937) познакомился с классикой русского авангарда в начале 60-х гг. в доме известного коллекционера Г.Костаки. Однако углубление в систему Малевича и любовь к нему пришли позже, к началу семидесятых. С тех пор и по сей день язык Малевича остается для Штейнберга способом существования в "ночи богооставленности" – "Черном квадрате".

Штейнберг реинтерпретировал геометрический язык супрематизма, опираясь на христианско-платоническую традицию. Продолжение дела Малевича он увидел в том, "чтобы напомнить миру язык геометрии, язык, способный высказать трагическую немому. Язык Пифагора, Платона, Плотина, первохристианских катакомб. Для меня этот язык не универсум, но в нем есть тоска по истине и по трансцендентному, некое родство апофатическому богословию. Оставляя зрителя свободным, язык геометрии заставляет художника отказаться от Я." (Э.Штейнберг. Письмо к К.С.Малевичу).

Свой отказ от "я" Штейнберг подчиняет сверхличному служению, система многих его картин ориентирована теологически: в ней различимы членение пространства на Небо, Церковь, Землю; фигуративные символы напоминают, что рыба означает Христа, птица – Святой Дух.

Последние годы работы Штейнберга вновь стали фигуративными: на черно-белых холстах появились персонажи вымирающей деревни, схематичные, но портретно точные, перечеркнутые крестами, с датами и именами, – они составляют трагический мартиролог уходящей в неизвестность немолчающей жизни.

Совсем иной, хотя также метафизически центрированный отклик на наследие Малевича – у *Франсиско Инфанте* (*1943). В 1962 году Инфанте вошел в организованную Львом Нусбергом группу художников-кинетистов, назвавших себя в 1964 году группой "Движение". Группа разрабатывала теоретические и технические проблемы кинетизма, создавала геометризованные объекты, практически участвовала в оформлении городских пространств Москвы и Ленинграда.

Эта совместная работа в 60-е гг. оказала огромное влияние на последующие работы Инфанте, на его искусственные объекты в природной среде (первый такой объект возник в 1976 г.), на его "зеркала" (первое зеркало – 1977 г.), на его фотографии и, наконец, на появившиеся в 80-х гг. "проекты".

Свои объекты Инфанте называет "артефактами". В его художественной системе артефакт неотделим от природной среды: природа и артефакт выступают на равных, как дополняющие друг друга величины. Природа является символом бесконечности, а искусственный объект-артефакт – символом технической части мира. Однако, в отличие от "ланд-арт", артефакт ни в чем не нарушает природной среды; он возникает и исчезает по воле художника, лишь проявляя скрытые свойства природы.

Супрематическая и конструктивистская традиция русского авангарда представлены в артефактах Инфанте не только самим их геометрическим устройством, но и геометрией света: разграниченности света и тени. При этом метафизическое "белое ничто" Малевича в системе "Артефакт" отождествляется с бесконечностью природы.

"Там, где взаимодействуют артефакт и природа, возникает игровое поле. Оно является организующим началом – неким каркасом или сферой, внутри которой можно распоряжаться атрибутами самой природы: солнечным светом, воздухом, снегом, землей, небесами и т.д. Художник, поскольку он сам вдохновил такую ситуацию, находится в эпицентре игрового поля. Через него, как через магнитный сердечник, проходят все силовые линии поля. Такая привилегированная позиция дает ему право выбора тех моментов игры, которые для него важны", – разъясняет свою позицию Инфанте.

Отсюда, из сопоставления бесконечного множества точек зрения и той единственной, через которую осуществляется полнота смысла, определился и цикл "проектов" (первые – 1984 г.), которые Инфанте объединил общим названием "Вывернутая перспектива". Позже, однако, обнаружилось не только простран-

ственно-пластическое, но и герменевтическое измерение этой темы. Слово "понимание", присутствующее в непроходимой конструкции, возникает только в одной точке; понимание ускользает от нас вместе с изменением нашей позиции, нашей точки зрения. Понимание подменяется знанием "о предмете". Несовпадение знания и понимания – основа другого проекта: в лесу мы, не отдавая себе в этом отчета, подчас "видим" только слово "лес"; однако художник дает нам шанс открыть еще и экзистенциальное пространство, растянутое между одним смыслом и другим, – пространство, рожденное от увиденного среди деревьев слова "быть"...

Многие идеи Инфанте 80-х гг. близки концептуализму, хотя их основа – в творческом переосмыслении наследия супрематизма.

То, что идеи русского супрематизма и конструктивизма еще обладают огромным энергетическим потенциалом для современного художественного сознания, подтвердила московская выставка "Искусство и геометрия" (март 1988 г.), на которой были представлены живопись, графика, скульптура и объекты почти 40 художников. Некоторые из этих художников, такие как Ю.Злотников, В.Колейчук, А.Юликов, работают с геометрическими объектами более двух десятилетий.

Переосмысление традиционных идей живописи – в частности, проблемы "изобразительного пространства" – мы находим и у *Ирины Наховой* (*1955). Эту проблему Нахова разрабатывает с завидным постоянством, начиная с картин 70-х гг., написанных под влиянием идей В.Пивоварова, и кончая объектами, "комнатами" и картинами, выполненными в последние годы. Предметы или структуры интересуют художницу прежде всего в аспекте находящегося между ними пространства. Это можно почувствовать уже в ее ранней картине "Формула" (1979), где главное "действующее лицо" – тонально растянутый синий фон-пространство, а не элементы предметного мира. В картинах "Стена" (1985 и 1986 гг.) пространство действует еще активнее, напоминая о драматизме "пра-символа фаустовской души".

Свое пристрастие к образам архитектуры И.Нахова объясняет тем, что архитектура не несет никаких дополнительных эмоциональных нагрузок, способных подменить чистоту восприятия пространства. Однако выявление эмоциональной стихии пространственности никогда не исключалось из задач Наховой. Так, в ее "Комнатах" (их было сделано четыре), представлявших собой пустое пространство жилой комнаты, оклеенной бумагой, эмоциональное остается важной величиной, неотделимой от "чисто художественной" идеи, будь то превращение внутреннего пространства во внешнее (1984 г.), или визионерская подмена пространства плотностью (1985), или предметное изображение света (1986), или превращение объема комнаты в плоскость (1987).

Если для Наховой традиция, с которой соотносится ее искусство, укоренена в истории московского авангарда – в живописи В.Пивоварова, в "виртуальных проектах" И.Чуйкова, в квартирных выставках и перформансах, – то для творчества *Леонида Пурыгина* (*1951) такой традицией является народное искусство.

Пурыгин часто относят к "наивным" художникам. Это, конечно, неточно: Пурыгин учился в студиях подмосковного города Нарофоминска и может написать портрет в академическом стиле. Да и сам он, по возможности, сопротивляется отождествлению его искусства с искусством примитива. Он называет себя "мистическим художником", "мистическим реалистом", говорит о реальности своих персонажей и "косможивотных", среди которых он пребывает во время работы над картиной. Пурыгин оттого и настаивает на своей гениальности, что убежден, что "Кто-то водит его рукой".

Этому "шаманскому" мироощущению соответствует и структура его картин, где есть нижний мир, подземный, похожий на ад, средний мир, где происходят реальные действия, и верхний, где обитают ангелы и Высшее Существо. Миры эти амбивалентны, и Рай иногда оборачивается адом. Изображение этих миров строится по принципу театральной сцены, украшенной декорациями и ярким зад-

ником; здесь же, обычно на просцениуме, происходит и основное действие. Действующие лица подобны древнегреческому или церковному хору, разделенному на два "лика", два "клироса". Они обмениваются репликами и выразительными жестами, оставаясь свободными в своих переходах между добром и злом...

В ситуации разрушенных традиций "традицией" для авангардного мышления может стать все что угодно, даже классическое искусство. С этим искусством ведет свой диалог *Владимир Наумец* (*1945) – самый яркий, всецело самобытный художник московского неоекспрессионизма. По образованию и по призванию он живописец-монументалист – это становится понятным перед любым из его холстов. Одна из постоянных его тем, воплощенная во многих циклах его картин, – Распятие.

Первоначально эта тема складывалась как простейшая знаковая система: пересечение вертикали и горизонтали. Это могли быть либо две тонкие пересекающиеся линии, либо две плоскости, поверхности цвета, тона, либо – два объема. Изображения строятся на фоне бесконечного пространства, или на фоне плоскости, или на фоне условного пространства. Впоследствии они усложнились благодаря использованию конструкций древнерусской иконы, которые порой превращались художником почти в абстрактную знаковую систему.

Затем Наумец стал приближаться к пластически усложненной фигуративности. Изменился и метод работы, и размер картин. В конце концов вырвалось наружу призвание монументалиста: в каждой работе теперь участвует не только кисть руки, а вся рука в ее взмахе, в циркульном – от плеча – экспрессивном движении. Живописную "красивость" сменила драматическая напряженность аскетичного отбора красок – белой, черной, желтой, красной, – которыми за один прием художник на расстеленном посреди мастерской холсте создает свои подолгу продумываемые произведения.

Отдельные части многих из его холстов представляют собой фрагменты классической живописи или иконописи. Это – основанная на столкновении двух позиций разработка всевозможных "версий". Вместо того чтобы выдумывать самому какую-то классическую композицию, он берет уже созданную, закрепленную традицией и начинает высказывать свою позицию – поверх, закрывая иногда большую часть приведенной цитаты.

Такой диалог с классикой нужен художнику прежде всего для выяснения собственных позиций. Для того чтобы придти к какой-то точке, он хочет рассмотреть ее со всех сторон. И здесь ему достаточно одной темы – темы Распятия. Ибо само событие Распятия, по словам художника, – "кульминация всего человечества".

В.Наумец оказал сильное влияние на становление московского экспрессионизма, в частности, на группу молодых художников "Детский сад" (Николай Филатов, Андрей Ройтер, Анатолий Журавлев). Правда, эти молодые живописцы более тяготеют к художественному языку новой иронии и соц-арта, нежели к религиозной проблематике Наумца. Этой своей ориентацией последнего года они заново ставят проблему традиции в искусстве московского авангарда, хотя решение ее предполагает уже совершенно иную ситуацию, в которой и оказались московские художники.

События последних двух лет в мире московского авангардного искусства стали развиваться с галопирующей скоростью.

Исходной точкой отсчета перемен можно считать XVII московскую молодежную выставку (декабрь 1986), где впервые была осуществлена многодневная культурная программа и выставочная "лаборатория", в которой периодически показывались образцы того, что в годы застоя именовалось "андерграундом".

Другим этапным событием была выставка "Художник и современность" (февраль 1987). На ней были представлены работы почти всех мастеров, о которых шла речь выше.

В марте—апреле того же года состоялась выставка в клубе "Авангардист", на которой были показаны в большом объеме работы младшего поколения художников.

Летом и осенью в залах творческого объединения "Эрмитаж" прошло несколько выставок разных поколений художников и обширная трехэтапная выставка "Ретроспекция", на которой было представлено искусство московского авангарда с 1957 по 1987 г.

Последняя значительная выставка в этом ряду — "Искусство и геометрия" (март 1988) впервые демонстрировала исключительно беспредметное искусство.

На обсуждениях этих экспозиций не раз раздавались голоса, заявлявшие, что искусство, представленное на выставках, в силу самого факта нормализовавшейся выставочной и коммерческой деятельности перестает быть частью "альтернативной культуры", возникшей после декабрьской выставки в Манеже в 1962 г. и закрепленной "бульдозерной выставкой" 1974 г. Теперь, продолжали энтузиасты, мы вступили в эпоху "новой культурной интеграции", в которой авангард должен занять свое обычное, чисто эстетическое место.

Так ли это?

Действительно, разделение культуры на "официальную" и "неофициальную" уже самой этой терминологией обязано чиновничьему, а не художественному мышлению (хотя в 70-е годы эта оппозиция была источником целой смысловой толщи философии авангарда и многих идей соц-арта). Сегодня бывшая ясность противопоставления теряет свою актуальность. Этому способствует и рост экономических мотиваций, влияющих на оценку эстетических и художественных событий московского авангарда. "Эстетическое кочевье" молодых московских неоэкспрессионистов — убедительное тому подтверждение.

И все же: у искусства авангарда нет "обычного места". Как бы ни менялось место авангардного искусства в контексте культуры, оно и в будущем останется искусством-на-границе: искусством, прокладывающим новые пути и открывающим новые горизонты. ●

Иннеса ЛЕВКОВА-ЛАММ
(Нью-Йорк)

ИСКУССТВО ГЛАСНОСТИ ИЛИ ТАНТАЛОВЫ МУКИ?

Полемические заметки

Нет сомнения, что альянс Искусство—Государство претерпевает изменения. Посмотрим на хронику последних событий. "Новые художники" в Ленинграде, "Эрмитаж" (более 40 членов), "Клуб Авангард" с собственным помещением, "Первое творческое объединение" в Москве. Вот некоторые из групп, активизировавших советский мир искусства. Участники этих неформальных содружеств — по большей части члены Союза художников (СХ); это значит, что они решительно стремятся к независимой творческой деятельности. И они отнюдь не замкнулись в пределах объединений: минувшие полтора года ознаменованы выставками, где представлены самые разные стилистические направления, технические приемы и формы реализации творческих идей.

17 московская молодежная выставка СХ (апрель 1987 г.), как было отмечено в одной из зарубежных рецензий, вообще стерла границу между официальным и неофициальным искусством. А на осенней выставке "Эрмитажа", к удивлению столичных зрителей, экспонировались произведения 17 художников-эмигрантов. Пресса, которая прежде замалчивала вторую культуру или по крайней мере отрицала ее жизнеспособность в советском обществе, ныне признала ее существование. Дело дошло до того, что в августе прошлого года в "Литгазете" появилась статья ветерана альтернативного искусства Ильи Кабакова.

С другой стороны, оживились контакты представителей альтернативного искусства с творческим миром Запада: теперь эти контакты даже осуществляются по официальным каналам. Сюрпризом для американской публики были советские выставки, свободные от канонов соцреализма, в нью-йоркской галерее Филис Кайнд и чикагской галерее Струве. Работы Э.Булатова, С.Файбисовича, О.Васильева были куплены для крупных частных коллекций. Особый успех выпал на долю московского концептуалиста 1970-х годов Д.Пригова, художника, которого в свое время немало преследовали в СССР. Тридцать рисунков Пригова (серия "Бести", 1984) приобрел университетский музей в городе Мэдисон, штат Висконсин. В июне в Нью-Йорке проходили выставки И.Кабакова, Вл.Янкилевского, В.Калинина, Ю.Дышленко. В ближайшие месяцы в США будут показаны произведения Г.Брускина и работы советской официальной художницы поколения 70-х годов Н.Нестеровой.

Весьма обнадеживающим событием для художников второй культуры стала поездка в Австрию И.Кабакова, работы которого (за исключением книжной графики) ни разу не выставлялись Союзом художников. В январе этого года в Цюрихе открылась ретроспективная выставка Эрика Булатова; ее дальнейший маршрут — Франкфурт и Париж. Наконец, крупнейшая до сего времени выставка московских авангардистов 80-х годов открылась в Берне.

Все это кажется невероятным, когда вспоминаешь недавнюю драматическую судьбу и жизнь художников в СССР, оторванных от искусства свободного мира, преследуемых чуть ли не милицией. Сумеют ли теперь советские художники занять в мире достойное положение, выдержат ли они непривычную конкуренцию с западными коллегами? Это покажет будущее.

Думается, что разрыв между западным и советским искусством преодолим. В этом нас убеждают не только успехи русских художников-эмигрантов на Западе и, в частности, выставка "Соц-арт" представителей альтернативной культуры, живущих в Америке (В.Комар и А.Меламид, А.Косолапов, Л.Ламм, Л.Соков и группа "Страсти по Казимиру") и московского художника Э.Булатова, в Новом музее современного искусства в Нью-Йорке, но и устроенная этим же музеем экспозиция "Апт-арт". Так назвала себя (Арт — сокращение от английского слова apartment — квартира) группа молодых художников Москвы и Одессы, возникшая в 1982 г.; группа неоднократно выставляла свои работы в квартире бывшего москвича, ныне парижанина Никиты Алексева. Представители "Апт-арта" — А.Монастырский, Н.Алексеев, В.Захаров, Ю.Альберт, Н.Абалакова, А.Жигалов и другие — группа насчитывает около сорока участников — с энтузиазмом восприняли интернациональный словарь изобразительной культуры. Их вдохновлял пример русского авангарда начала века, который вел отчаянную борьбу с провинциальным искусством "стариков", пока, наконец, супрематисты и конструктивисты не добились международного признания. В 1984—86 годах группа "Апт-арт" трижды выставлялась в США: в галерее "Без стен" в Ньюарке, в вашингтонской галерее "Проекты искусства" и в Новом музее современного искусства в Нью-Йорке. Любопытно, однако, что мишенью апатристов была не столько официальная культура, сколько канонизированный "классический" русский авангард (например, в работе Н.Абалаковой "Черный квадрат"), а также предшествующее поколение независимых художников (композиция Ю.Альберта "В моей работе наступил кризис...", 1983, пародирующая работы И.Кабакова). Вместе с тем из поля зрения молодежи не ушла коммерческая ориентация новейшей официальной культуры, о чем свидетельствует, к примеру, работа М.Рошала "Все на продажу", высмеивающая спекуляцию религиозными сюжетами в картинах таких

художников, как И.Глазунов. Незадолго до начала перестройки группа "Арт-арт" была разгромлена.

Ветры независимости с Запада не только продвинули раскрепощение творческой жизни за пределами СХ, но и проникли внутрь цитадели официального искусства. Мы уже упоминали о 17 молодежной выставке; среди ее участников находились и бывшие члены "Арт-арт": Альберт, Гундлах, Захаров. Правда, участие художников второй культуры в экспозициях СХ — явление на самом деле не новое, по крайней мере в Москве. Но если раньше все сколько-нибудь полемичные работы терялись в потоках безликой продукции, то на этой выставке, впервые задуманной и осуществленной самими художниками, было представлено главным образом новое искусство. По имеющимся данным (журн. "Творчество", 1987, № 3), 17 молодежную выставку посетило 70 тыс. зрителей, цифра рекордная для выставочного зала на Кузнецком мосту. Выставка наделала много шума, вызвала бурную полемику и, конечно, повергла в немалое смущение живописцев старшего поколения, ветеранов СХ. Тем не менее и в этой среде раздавались смелые голоса. Прочитируем выступление директора Музея современного искусства в Ереване Г.Игитяна ("Творчество", 1987, № 3): "Сегодня нам крайне необходима перестройка, а не перекраска! Противников свежего мышления, оздоровления нашего общества надо искать... у нас под боком, на каждом шагу. Это невежественная сила, приспособившая общественный механизм в своих личных целях. Обо всем думаешь на выставке — и о многих непростительных потерях, которые мы понесли в силу невежества и бескультурья". Однако в том же номере журнала В.Турчин, один из его постоянных авторов, агрессивно отрицал все достижения независимой молодежи.

Что в самом деле заставляет задуматься, так это не эклектизм, давно ставший — нравится нам это или нет — принципом современного искусства, не "Господство постживописи — карнавал всех стилей и измов" (то, что на Западе называется постмодернизмом). Беспокоит и озадачивает то, что молодежь СХ не знает традиций отечественной культуры. Им знакомы приемы метафоры, аналогии, аллюзии. Но критически осмысливать наследие прежних поколений большинство участников выставки не умеет. Неудивительно, что объявленная сверху гласность вызвала в их работе известную торопливость. Опасения, что эпоха либерализации продлится недолго, заставляют поскорее рвать плоды свободы. Это заметно в работах молодых, выступивших против наивного "сурового стиля" 60-х годов и камуфляжа "карнавального" 70-х. Их работы скорее публицистичны, нежели полемичны.

В живописи молодых авторов появляются такие темы, как Афганистан (С.Волков, "Танец"), катастрофа в Чернобыле (С.Дыбский, "Тревога"), одиночество современного человека, безысходность существования (А.Горяинов, "У Яузских ворот"; М.Кантор, "Зал ожидания"), вечные и неразрешимые проблемы советского быта (А.Сундуков, "Когда в очереди"). Все упомянутые работы были созданы в 1986 г. Художники в значительной мере приспособили для своих целей стилистику позднего немецкого экспрессионизма. Стилистические заимствования у искусства, с большой искренностью выразившего кризис Германии между двумя мировыми войнами, разумеется, не были случайны. Не проводя конкретных аналогий, "восьмидесятники" использовали аллюзии, которые наводили зрителей на размышления отнюдь не только эстетического свойства.

Все это было бы интересно, если бы дерзновенные попытки не повторяли того, что уже было сказано художниками второй культуры, действительно обновившими современный словарь искусства. И подчас работы участников 17 выставки выглядели чуть ли не изобретением велосипеда. Именно так была воспринята работа Сундукова "Когда в очереди", сюжет которой перекликается с экспонированной в европейских музеях работой И.Кабакова "Гастроном" (1982). Ироничный, но не откровенно публицистический или пропагандный тон Кабакова служит блестящим уроком Сундукову и другим участникам выставки.

Достаточно уязвимыми представляются и формальные поиски пространства картины, десятилетия назад решенные историей искусства и теперь лишь вносящие изыяны в сюжетную выразительность произведения, как например, в картине А.Цедриха "Хлебников в Москве" (1986). Правда, по сравнению с Сундуковым, А.Щербининым ("Игра в домино", 1985) или Волковым (его работа "Танец" экспонировалась в галерее Филип

Кайнд в Нью-Йорке) работы Цедриха не кажутся агитационными: в них очевидна попытка мастера вырваться за пределы рутинного мышления. Сундуков, Щербинин, Волков, Горяинов практически не ставят перед собой такой задачи. Им важно зафиксировать повседневность, но поспешность решения лишает работу игровых компонентов действия, ибо речь в конце концов идет не о зеркальном отражении проблемы, а о художественном мастерстве.

Весные времена: именно теперь на полотнах, экспонируемых и в Союзе, и на Западе, откровенно заявила о себе публицистика, которой прежде московские художники по возможности избегали. Не спровоцировала ли их гласность на ту самую пропагандную направленность, которая принесла громкую славу советским плакатистам 20—30-х годов: Моору, Дени, Клуцису, Рудакову и другим? Но мастера плаката первых десятилетий советской власти все-таки умели найти ту необходимую меру соотношения формальной завершенности и более или менее ироничного сюжета, при которой политическая композиция остается произведением искусства. В их работах ощущался энтузиазм художника, а не пессимизм бытописателя, глубоко уязвленного безрадостной действительностью, пессимизм, который нередко снижает станковую картину до уровня карикатуры, наподобие композиции К.Звездочетова, продемонстрированной в июне на выставке группы "Эрмитаж": его зубастому монстру придано недвусмысленное сходство с покойным генсеком Черненко.

Отсутствием острой интриги сюжета грешат работы Э.Булатова "Брежнев в Крыму" и О.Васильева "Дорога", которые мы видели в галерее Филис Кайнд. Незатейливая идея произведения, не требующая усилий ни при построении композиции, ни в ее восприятии, лишает картину художественной глубины и оригинальности, какими отличались работы Булатова 70-х годов "Горизонт", "Улица Красикова", "Стой, иди", "Люди на природе", показанные на передвижной выставке соц-арта, которая была организована Новым музеем современного искусства в Нью-Йорке в апреле 1986 г. (выставка в течение двух лет путешествовала по музеям и художественным центрам США и Канады). То же относится и к Звездочетову, работы которого экспонировались на упомянутой выше выставке "Ап-арт" в Новом музее современного искусства в Нью-Йорке. Оба художника утратили многозначность своих образов и композиции, те противоречивые элементы, которые оставляют за зрителем право собственного решения.

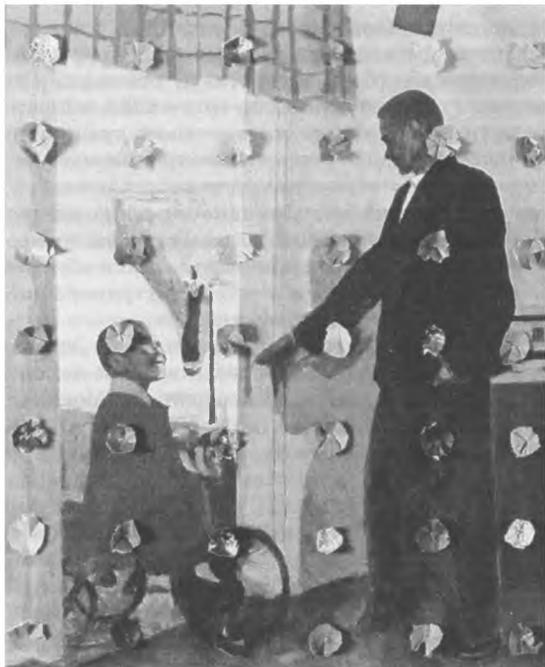
Стремительный скачок московских художников к социальной направленности критического реализма, вероятнее всего, произошел опять-таки из-за недооценки отечественного искусства. Это видно из интервью с Э.Булатовым и И.Кабаковым в журнале "Flesh Art" (ноябрь-декабрь 1987 г.). "Русское искусство, — говорит Булатов, — попросту не сумело найти такие формы выражения, которые позволили бы реализовать тематику традиционного русского представления. И авангард решил, что настало время обратить внимание на иные художественные направления. Что-то подобное произошло в музыке, когда с таким великолепием заявил о себе Стравинский. Но в музыке у нас был Шостакович: он один понимал, каким образом следует совместить два разных взгляда (традиционный и авангардистский. — *И.Л.-Л.*), и благодаря ему мы можем сказать сегодня, в чем именно суть подлинно русской музыки. Я убежден, что то же произойдет и в нашей области".

Не будем спорить: может быть, "литературными эквивалентами" Шостаковича, как говорит Э.Булатов, являются Мандельштам и Платонов. Но можно ли фактом существования этих великих мастеров опровергнуть существовавшие или существующие национальные формы художественной образности, начиная с иконы и кончая искусством последнего столетия, передвижниками и Врубелем, "классическим" русским авангардом, наконец, соцреализмом и альтернативным искусством наших дней? Я полагаю, что все, что нашло свое продолжение или было так или иначе подвергнуто критическому осмыслению, все, давшее толчок рождению новой изобразительной культуры, по-своему было подлинным и национальным, стало частью истории национального искусства. Это можно отнести даже к презираемому многими сталинскому соцреализму. Среди пионеров разрушения сталинских икон был и сам Эрик Булатов, оригинально переработавший в своем творчестве наследие и критического реализма, и авангарда, и соцреализма.

Нынешнее благоприятное время не обернется танталовыми муками лишь в том случае, если художники не откажутся легкомысленно от того, что уже было накоплено ранее отечественной культурой и сумеют критически (без эпигонства и стилизации!) осмыслить это прошлое в новых произведениях. Успех выставок соц-арта в США и Канаде показал, как мне кажется, возможные пути реабилитации классических традиций. Здесь мы увидели рациональную сторону политического искусства, отражающую не политику в жизни или диктат партии в искусстве (что характерно для соцреализма), а творческую ответственность мастера в развитии национального и одновременно интернационального языка символов изокультуры. Героический образ социокультуры трансформируется в символический, с изящной иронией разрушающий представления об утопическом рае. Идол, ставший в работах "соцартистов" образом мистерии, утратил пропагандистскую самодостаточность и приобрел смысл субъекта произведения.

Инновации "соцартистов" подхвачены другими московскими художниками, среди которых выделяются работы Г.Брускина, например, серия "Фундаментальный лексикон" (1986), показанная на выставке "Первого творческого объединения" (Москва, 1987 г.). Композиция, которую критик журнала "Art News" (октябрь 1987 г.) в статье с характерным заголовком "Советское искусство: новая свобода, новые указания" назвал самой полемичной работой экспозиции, состоит из нескольких частей: ударница, лауреат, пропагандист, пионер, человек с ружьем и пр. — и пародирует стиль культовых монументов. Другой, хотя, может быть, и не столь яркий пример использования своеобразных открытий соц-арта, — некоторые картины С.Файбисовича. На его только что закончившейся первой персональной выставке в галерее Филис Кайнд среди двух десятков композиций можно выделить работу "Курский вокзал" (1987), городской пейзаж, несущий противоречивые идеи: улица Чкалова с символами сталинского зодчества, декорированного иконами Политбюро, напротив — зеленая стрелка светофора, как нечто противонаправленное вседержавному движению. И все же эта первая в Соединенных Штатах официальная выставка альтернативного художника не убеждает в том, что искусство в нашей стране уж очень богато новыми творческими идеями по сравнению с тем, что мы видели до сих пор в экспозициях художников-эмигрантов. Как и его коллеги по 17 молодежной выставке СХ, Файбисович чувствителен к злободневным проблемам, будь то алкоголизм (серия "В очереди в винный магазин", 1987) или Чернобыль ("Черный автобус", 1987). Но его этика человека и гражданина не всегда соотносена с эстетикой современного мастера, владеющего концептуальным языком стилистических сравнений, аллюзий, противопоставлений, эстетикой, которую нам открыли наши соотечественники на Западе — В.Комар и А.Мелаид, А.Косолапов, О.Кудряшов, Л.Ламм, Л.Соков.

Подводя некоторые и сугубо предварительные итоги, хочется обратить внимание на две проблемы, стоящие перед искусством в СССР. Первая: удастся ли "гласному" искусству преодолеть пропагандный пафос деструкции сталинизма, не останется ли художественное творчество в плену у банальных и легковесных спекуляций, какими нас уже вдоволь потчевали салонные живописцы-стилизаторы в России (И.Глазунов) и за рубежом (М.Шемякин)? И вторая проблема, очевидная для всех, — ее недавно выразительно сформулировал уже цитированный нами Г.Игитян (журнал "Творчество", № 3, 1987): "Гладкие, причесанные, внешне престижные, "манежные" дежурные выставки давно всем набили оскомину... Зритель попросту на них не ходит. Часто, прикрытые лозунгами о реализме, проталкиваются гигантские, бессмысленные картины, абсолютно лишенные художественного качества. Говоря о реализме, ловкачи на самом деле часто все сводят к самозащите, к экономической проблеме и борьбе за очередные регалии. Защита "макулатурализма" приводит к кризисному состоянию, к заваленным подвалам. Все говорят о плесени, но никто не вспоминает о сырости." ●

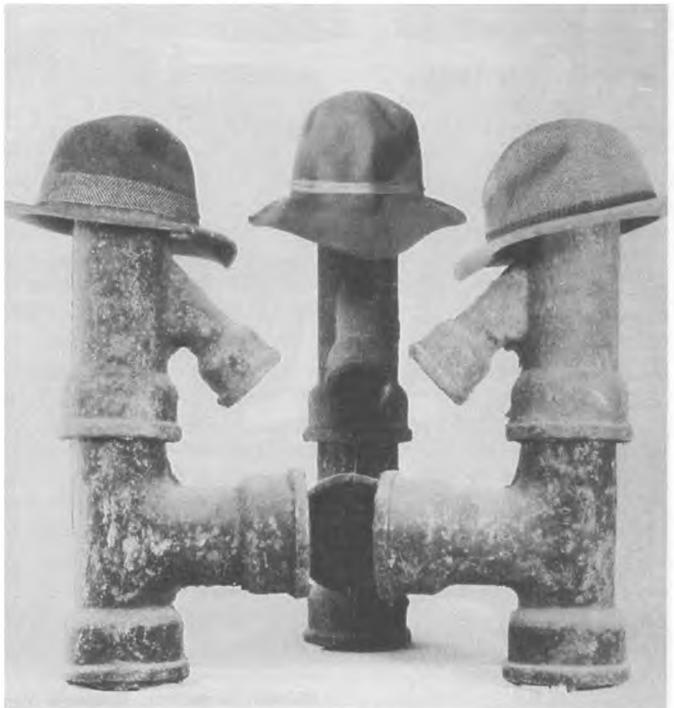
Илья Кабаков. Из серии “Праздники”

Дмитрий Плавинский. Фуга Баха

Дмитрий Краснопевцев.
Натюрморт с цветочным горшком

Вадим Сидур. Клятва

Нико Пиромани. Натюрморт

Михаил Ларионов. Времена года

Павел Филонов. Масленица

Марк Шагал. Муза

“ИСКУССТВО И РЕВОЛЮЦИЯ”

Более трех месяцев (с 11 марта по 20 июня) в Музее прикладного искусства Вены демонстрировалась обширнейшая выставка из СССР “Искусство и революция. Русское и советское искусство 1910—1932”. В характерных и первоклассных образцах были представлены живопись, плакаты, книжная и станковая графика, эскизы театральных декораций и костюмов, контррельефы, дизайн, архитектурные проекты, фарфор, ткани, одежда и несколько произведений скульптуры. Искусствоведы использовали материал не только Третьяковской галереи, Эрмитажа, Государственного Русского музея, но и периферийных галерей Красноярска, Омска, Уфы, Саратова, Курска и ряда других городов. Многие экспонаты поступили от частных владельцев. Особенно широко были представлены мастера русского авангарда десятих—двадцатых годов.

В сравнении с грандиозной выставкой “Paris—Moscou, Москва—Париж. 1900—1930”, включавшей произведения и предшественников авангарда — Врубеля, Серова, Коровина, и не только пространственные, но и временные искусства — литературу, музыку, кино, выставка в Вене выглядит гораздо более скромно. И тем не менее ее, несомненно, можно отнести к числу самых значительных демонстраций русского авангарда на Западе, даже с учетом известной в Европе и Америке коллекции Костаки.

Выставка “Искусство и революция” готовилась и была открыта в Будапеште к 70-летию октября 1917 г. После длительных хлопот, безответных письменных ходатайств, поездки директора П.Ноевера в Москву с просьбой перевезти выставку из Венгрии в соседнюю Австрию (“ведь это тоже восток”, Österreich) и долгого молчания советской стороны, зимой 1988 г. 700 произведений 240 авторов прибыли из Будапешта в Вену. Коллектив музея лихорадочно работал, создавая свою оригинальную экспозицию, совершенно отличную от показанной советскими и венгерскими искусствоведами.

Все, что разместилось в первом, погруженном в темноту огромном зале, где каждая отдельная картина ярко освещена, воспринимается как концепция выставки в целом, как увертюра, в которой прозвучали ее главные темы. В торце, без “соседей”, торжественно сиял один из лучших холстов В.Кандинского — громадная “Композиция № 6” (194x294) 1913 г. В течение десятилетий картина была недоступна зрителям, лишь по особому разрешению ее можно было увидеть в одном из тесных отсеков запасника Эрмитажа, высоко под крышей.

На левой стене зала располагались другие пленники хранилищ. Там была “Зима” М.Ларионова (1912) со снежной бабой в синем плаще, скомпонованной на том же холсте (как в лубке или детском рисунке) с наивными пейзажами и написанным детским почерком текстом про выюгу. “Зима” висела рядом с “Натюрмортом” самоучки Н.Пиросманишвили, расписывавшего духаны в Грузии. Его холст на плоском черном фоне с избытком снеди — бараньими тушами, рыбами, шашлыками, фруктами своей чудесной непосредственностью примитивиста перекликался с поисками в той же области искусственного мастера М.Ларионова.

Одну из лучших картин раннего В.Татлина — мощную, решенную скупыми сильными линиями “Обнаженную” — тоже связывают с влечением авангардистов к примитивизму. Здесь, однако, угадывается не лубок, а опыт Матисса и обожаемого Татлиным Пикассо, и наряду с этим — традиции древнерусской живописи: в силуэте, в развороте фигуры, в трактовке декоративно-плоскостного насыщенно красного занавеса с резкими складками. Так возникла живопись, сочетающая язык новаторов Запада с отечественной восточной традицией, уводящей к Византии.

Кстати, одним из событий русской художественной жизни 1913 г. (дата “Обнаженной”) как раз и явилась грандиозная выставка древнерусского искусства в Москве, на которой по-новому открылась красота старых икон. Многие были реставрированы, избавлены от поздних слоев, затемнявших их драгоценную основу.

На той же стене экспонировалась ширококрылая голубая "Муза" М.Шагала (1917) с робко внимающим ей у холста живописцем — как бы вариант "Благовещения", но уже не в древнерусской, а в общеевропейской традиции. Все происходит в ирреальном пространстве, построенном осторожными кубистическими приемами.

Кроме Ларионова, Татлина, Шагала на той же стене висели работы, выполненные в духе кубизма и абстрактной живописи. В частности, еще одна камерная композиция Кандинского с плавными ритмами цветовых пятен почти в акварельной гамме, контрастная его большим холсту с динамичной бушующих разнонаправленных цветовых плоскостей различных, часто заостренных форм.

Рядом с маленьким Кандинским помещались две работы К.Малевича: "Жизнь в Гранд-отеле", типичная для аналитического кубизма, сложившегося на Западе уже на рубеже 1900—1910 гг., и "Супрематизм" (1917) — одна из композиций в духе созданного Малевичем нового направления того же названия.

Пройдя этапы импрессионизма, своеобразного примитивизма с деревенскими сюжетами, чисто кубистических опытов, Малевич создал совершенно оригинальный русский вариант беспредметной живописи. Он дал ему дерзкое имя "Супрематизм" — "верховный", "высший" (от латинского *supremus*), которое позднее приобрело всемирное признание.

Композиция Малевича построена на белом фоне и состоит из плоских геометрических фигур разной формы, величины и цвета — прямоугольников, квадрата, эллипса, креста, круга. Единый заостряющийся стержень, как черный луч, проходит сквозь эти элементы, ему вторят красные вытянутые прямоугольники, создавая направленность по диагонали вверх. Поляризация контрастов цвета, ритма, контрастов динамики и статики, разнообразие величины элементов создают богатство и многогранность супрематических композиций. Знаменитый график, конструктивист Эль Лисицкий говорил, что Малевич пробуравил голубой абажур неба и переместил земное поле зрения в бесконечность. Недаром художник называл свой супрематизм "космическим реализмом". И в самом деле, элементы его картин как бы лишены земного притяжения, они парят в белом пространстве холста.

"Композиция" Л.Поповой близка Малевичу, но ей не присущ его космизм. Яркая картина пронизана напряженной энергией. Она возникает от динамично сопоставленных контрастных цветовых плоскостей — прямоугольных, остроугольных, параллельных плоскости холста и пересекающих ее. Красная трапеция первого плана, развернутая на зрителя, действует как звук трубы.

В середине зала высился железобетонный блок, по обе стороны которого были укреплены две "иконы" (как их называют) Малевича: его квадраты — красный на белом фоне и — на другом холсте — два белых на черном фоне, символы беспредметного искусства. Вблизи блока с композициями Малевича располагалась маленькая модель Эль Лисицкого для постановки В.Мейерхольда по пьесе С.Третьякова "Я хочу ребенка" (нереализованная постановка).

На правой стене того же зала открывался совсем иной мир — уже не космического, а почти традиционного реализма с элементами экспрессионизма и символизма.

Пламенный "Агитатор" Д.Штернберга (1928) проповедует перед группой рабочих и крестьян. Часть слушателей внимает ему с верой, другие — с сомнением или просто с испугом. Вырастая из толп, заполнивших улицы, даже как бы подминая их, шагает гигантский "Большевик" Б.Кустодиева (1919—1920), высясь над крышами и колокольней без креста. Могучие крестьянки в коротких городских платьях, написанные крупным планом на фоне солнечного ландшафта, весело идут с работы на полотно "Молодые. Смех" К.Юона (1930). Атлетически сложенные молодые работницы купаются в реке, а вдаль видны дымящиеся заводские трубы и мчащийся поезд. Это "Обеденный перерыв" А.Дейнеки (1932), объединивший его излюбленные темы — индустрии и спорта — в мастерски построенном, сдержанном по колориту холсте.

Украшением той же стены стал натюрморт К.Петрова-Водкина 1918 г.: скудная трапеза революционных лет с картофелинами и селедкой на бумаге. Холст мерцает дивной, тонко нюансированной живописью розовой скатерти, голубой бумажки, серебра чешуи, еще раз наглядно раскрывая ту вечную истину, что искусство не только свидетельство, но и преображение. Однако как свидетельство оно тоже драгоценно.

Рядом с Петровым-Водкиным находились две фигуративные работы позднего Малевича — "Красный дом" и "Женский портрет" (1932—33), в которых легко угадывались присущие художнику контрастность в цвете, резкость контуров, плоскостность фонов. Но это уже сюжетный Малевич, вынужденный приспособляться к требованию властей — "изжить формализм".... Экспозицию правой стены завершила экспрессионистически выразительная картина А.Гончарова "Смерть Марата".

Высоды из главного зала в боковые отсеки вели к политическим плакатам эпохи революции и 20-х годов, к прикладному и театрално-декорационному искусству и к модели проекта знаменитого памятника III Интернационалу Татлина (1919—1920). Здесь же располагалось и большинство экспонатов, распределенных по видам и жанрам.

Композиция выставки придает ее названию двойной смысл. Прежде чем русское искусство оказалось тесно связанным с политической революцией 1917 г., оно пережило свою особую революцию, в сфере художественной. Ее трудно объяснить без учета важнейших открытий в сфере духовной культуры начала XX века, в физике, технике, медицине, философии. Теория Эйнштейна — новое понимание времени и пространства, развитие авиации, мечты о выходе в космос, исследования подсознания Фрейдом, активная борьба против позитивизма; работы целой плеяды русских философов-идеалистов (Шестов, Франк, Бердяев, Флоренский и др.). Дух поиска, дерзания, эксперимента — все это характерно для атмосферы, в которой формировался авангард. Тут даже не так важно, что художники (в отличие от Хлебникова, например) обычно не слишком вникали в суть научных работ и философских трактатов. Важна была атмосфера.

Знаменитая формула А.Шенберга об "эмансипации диссонанса" помогает многое понять в художественной культуре десятых годов. Под натиском диссонанса отступили традиции гармонии, закрепленные великими творцами классической музыки. Дух отрицания распространился на законы линейной и воздушной перспективы, светотеневой передачи объемов и пространства, царившие со времен Ренессанса, барокко, романтизма; опрокинул завоевания реалистов, погруженных в социальные проблемы и психологию личности; даже живописные открытия импрессионистов подверглись переоценке. От всех этих веками накопленных богатств, от изощренности культуры прошлого живопись "ринулась в низины грубости", как писал в 1909 г. Л.Бакст — видный деятель "Мира Искусства". Отнюдь не союзник авангардистов, он тем не менее был мудр и терпим, предсказывая: "Будущая живопись зовет к лапидарному стилю, потому что новое искусство не выносит утонченного. Оно пресытилось им".

Пресыщение и даже проклятие утонченному — это одна из мучительных проблем предшественников авангарда, символистов. Но утонченное сложное так и осталось одной из их основ. Поворот к силе наивного, непосредственного, резковыразительного происходил повсеместно — на Западе и Востоке: в России лишь на два-три года позже. Но если важнейшим толчком, вызвавшим сдвиг к примитиву для французов стала негритянская скульптура, то русские открыли свои национальные ресурсы в народных картинках — лубках, в живописи на вывесках, подносах, прялках, санках, в игрушках и т.д.

Итак, революция в искусстве совершалась раньше политической революции. Но это потрясение основ социальной и духовной жизни в свою очередь оказало громадное влияние на художников разных поколений. Многие из них приняли ее искренно и начали своими средствами ей служить.

Мастерам жанровой живописи революция дала запас новых мотивов. Традиции гражданственности, столь присущие русской культуре, вновь укрепились. Это было закономерно. Ведущими деятелями в искусстве послереволюционного периода (до середины двадцатых годов) стали авангардисты. Лозунги о коренной перестройке общества, о беспощадной борьбе со старым и отжившим импонировали их бунтарскому духу, а идеи о социальном равенстве были созвучны увлечению народностью, самобытной традицией низов, художественным ремеслами — крестьянскими и городскими.

Как известно, вожди русского авангарда Малевич, Татлин, Шагал были воодушевлены идеей создать в искусстве новые ценности, обращенные уже не к узкому кругу интеллигенции, а к массам, вовлекая их в процесс творчества, — разумеется, в духе своих художественных исканий. Они преподавали и занимались исследованиями в но-

вых учебных и научных учреждениях. На этом поприще работал в 1919—1921 гг. и Кандинский.

Для таких политически активных натур, как В.Маяковский, Д.Моор, Д.Штернберг, защита революции и пропаганда ее идей в искусстве была делом самоочевидным. На выставке были прекрасно представлены блистательный политический плакат и его вариант "Окна РОСТА": Маяковский, М.Черемных, Д.Моор, В.Лебедев, В.Козлинский и др. Рождался и произведения "монументальной пропаганды" (именно в ее рамках возникла "Башня" Татлина, оставшаяся невоплощенной, но почитаемая архитекторами всего мира). Создавались смелые проекты общественных зданий. В большинстве своем они остались на бумаге из-за бедности материальных ресурсов. Однако авторы их (И.Леонидов, К.Мельников, В. и Л.Веснины, А.Гегелло) широко известны на Западе. Художники занимались и декоративным оформлением улиц и площадей к революционным праздникам (Н.Альтман).

Много совершенно новых мотивов появилось в текстиле: композиции сюжетные, конструктивно-абстрактные, комбинации из орнамента революционных символов (Л.Маяковская, О.Грюн, Д.Преображенская, И.Чашник и др.). Были созданы образцы новой моды в одежде рабочего и спортивного типа. Новую эру переживала роспись по фарфору. Здесь тоже стали практиковаться композиции сюжетные, конструктивно-абстрактные, узоры с революционными символами, вплетенными в стилизованную картинку с пейзажами или фигурами (С.Чехонин, Н.Суетин, И.Чашник, В.Кандинский). В двадцатые годы начался процесс внедрения искусства в производство, возник дизайн, оформилось новое художественное направление, конструктивизм.

На выставке отделы плаката, прикладного искусства, архитектуры были не только богато представлены, но и целено организованы. То же можно сказать о театрально-декорационной живописи. Были показаны блестящие работы, начиная с В.Серова, А.Бенуа, Л.Бакста, М.Добужинского, Н.Рериха — родоначальников ренессанса в этой области. Палитра тут необъятно широка: от "Мира Искусства" до сказочного красно-червонного "Золотого петушка" Н.Гончаровой (к спектаклю Дягилева), экспрессионистически острых, с элементами кубизма иллюстраций Ю.Анненкова к Ведекинду и Ремизову, кубистически монументальных эскизов А.Веснина к "Федре", экстравагантных, остроумных костюмов В. и Г.Стенбергов к оперетте Лекока. Изобретательностью композиции, передающей космический дух пьесы, мастерским использованием силуэтов и цветовых пятен отличались работы Маяковского к его "Мистерии-буфф" в постановке Мейерхольда.

Всеобщее внимание привлекли эффектные работы А.Экстер к Шекспиру и Уайльду, ее своеобразно истолкованные, темпераментные по рисунку и колориту костюмы-персонажи. Одна из одареннейших женщин-художниц этого периода, она начала работать в десятые годы в родном Киеве, позднее была тесно связана с кубистами Парижа, футуристами Италии и русскими группами авангардистов Москвы и Петрограда. Анненков и Экстер, как и все другие "миriskусники", эмигрировали в 20-е годы на Запад.

К сожалению, экспозиция огромного по составу отдела живописи за пределами первого зала не отличалась цельностью.

Классификация живописи по сюжетам и жанрам привела к тому, что творчество многих художников предстало разрозненным (К.Петров-Водкин, А.Шевченко, П.Кузнецов и др.). Особенно досадно это в случае с П.Филоновым. Все четыре его работы оказались в разных местах, и ни одна не попала в первый зал, где был сосредоточен цвет авангарда. Это тем более неудачно, что, если Кандинский и Шагал знамениты, Малевич, Ларионов и Татлин тоже достаточно известны, то Филонова, одного из самых глубоких и оригинальных мастеров русского авангарда, никто на Западе не знает (кроме узкого круга специалистов). Работы Филонова хранятся почти исключительно в музеях Ленинграда и Москвы. Их подарила музеям сестра художника, певица Е.Глебова. Долгие годы после смерти брата, погибшего во время блокады Ленинграда, она бережно хранила их вместе с рукописями. Историки культуры, художники и просто любители живописи могли прийти в ее скромный дом и часами рассматривать это драгоценное наследие — несколько больших картин и обширную коллекцию маленьких композиций (часто маслом на бумаге: на холст не хватало средств).

Как и Ларионов, Гончарова, Малевич, этот художник связан с традицией русского примитива, с лубком и с высокой национальной традицией — иконописью; но также и с течениями двадцатого века — символизмом и европейским экспрессионизмом. Одним из немногих среди авангарда Филонов сохранил верность сюжетной картине и, что уже совсем редко в этом кругу, высказывал явную привязанность к передвижникам.

Картины Филонова требуют внимательного взгляда. Его лабиринт кристаллов разных форм пронизан идеей родства всего сущего — людей, животных, растений, неорганического мира. Его аналитический метод (термин самого художника) требовал от мастера воплощения не только того, что он видит, но всего, что он знает о мире. Такова, однако, сила великого таланта, что неведомая зрителям и сложная живопись зачаровывает. Это относится и к величественным "Цветам мирового расцвета", и к странно меланхолической работе "Карнавал. От зимы к лету" (1913—1914).

В июне текущего года в Русском музее, в Ленинграде, открылась большая персональная выставка Филонова, вызвавшая бурю восторга. Теперь, надо надеяться, о Филонове начнут писать. Отмечу, что выставка мастера должна была состояться еще в 1929 г. И была запрещена. Формализм...

В отличие от Филонова и некоторых других художников, представленных отдельными картинами, участники группы "Бубновый валет" П.Кончаловский, И.Машков, В.Рожественский, А.Лентулов — были показаны компактно. Эту группу неслучайно называли "русскими сезаннистами". Они в самом деле многим обязаны и великому французу, и кубистам. Однако тут нет и речи об эпигонстве. Их красочный слой массивнее, живопись резче, контрастнее. Достаточно вспомнить "Натюрморт с виноградом" Машкова — мощно вылепленные цветом объемы плодов, контуры блюда и плоскости стола, проведенные широкой черной линией, ощущение тяжелой плоти вещей, — чтобы оценить мнение идеолога венского Сецессиона Л.Гевези. Характеризуя русских художников на выставке 1909 г. в Вене, он писал о драгоценном варварстве, которое они сохранили и которое еще долго будет их питать. Варварство соединяется с новым искусством (Art nouveau) на Западе, и они счастливо дополняют друг друга. Гевези не знал "Бубнового валаета", родившегося два года спустя, но указывал на генеральную тенденцию. Советские исследователи справедливо заметили, что Машков широко пользовался опытом народного искусства и кустарных промыслов, хотя, разумеется, знал современную ему французскую живопись — от Сезанна и Матисса до Пикассо.

"Русские сезаннисты" были более доступны зрителю, чем другие участники авангарда, и отдельные холсты раннего периода не изымались полностью из музейных экспозиций. К сожалению, многим их талантливым соратникам повезло куда меньше...

Отдельно от стенда с натюрмортистами был представлен член "Бубнового валаета", своеобразный по языку и тематике А.Древин. Выходец из рабочей латышской семьи, он учился в Риге и Москве. Его ранний "Обед" (1915) сильно напоминает Дерена и Модильяни, только он гораздо аскетичнее. Страстный путешественник, он вместе со своей женой Н.Удальцовой, талантливой ученицей парижских кубистов и сотрудницей Татлина, исходил Урал и Алтайский край. На выставке были представлены его сумрачные алтайские "Пейзаж с быком" и "Букет роз". А картина с приземлившейся парашютисткой на фоне солнечного пейзажа напоминает сюрреалистические композиции Дж.Кирико с дорогой, уходящей в никуда (все три холста 1932 г.)... Все его картины пронизаны печалью, словно автор предчувствовал свой горестный конец: он погиб в 1938 г. в эпоху террора. Произведения Древина, хранившиеся десятилетиями в запасниках музеев и в семье художника, были почти неизвестны до недавно организованной в Москве небольшой персональной выставки.

Напомню, что в середине двадцатых годов появились первые партийные постановления, требующие возврата к реализму, к доступному для народа отражению "положительных героев", "новой жизни", "светлого будущего". Так возникала почва для социализма, длительного застоя в культуре, постепенного ухода на задний план, а позднее в полную изоляцию, в подполье, тех художников, которые не желали приспосабливаться, для которых свобода замысла и обретенный ими язык в искусстве были основой существования.

Впрочем, на выставке можно было видеть примеры того, как некоторые мастера в рамках авангарда совершали переход к работе по социальному заказу с "правильными установками". Рядом с "Карнавалом" Филонова висели работы его учеников Е.Ки-

рика и С.Цакликовской. Могучая индивидуальность учителя довела над меньшими талантами, часто обрекая их на эпигонство. В обеих картинах аналитический метод применен буквально, особенно в попытке передать единство всего сущего. Все это реализовано примитивно, а самое интересное тут — сама идея прославления. Картина "Изобилие", например, вполне пригодна для иллюстрации формулы "Жить стало лучше, жить стало веселее". На большом холсте в светлом радужном колорите царит аллегорическая фигура работницы-крестьянки (или матери-природы?). Как символ плодородия она держит в руке огромную дыню. Образы крестьянина, рабочего, мыслителя (вождя?) включены в калейдоскоп форм: переплетаются листья, колосья, цветы, зверь птица.

Обобщенность многих социальных замыслов Филонова получила здесь карикатурную конкретность, а его надежда, что когда-нибудь наступит мировой расцвет, превратилась в пропаганду уже как бы свершившегося благоденствия. Недатированная картина, вероятно, относится к периоду 1925—27 гг., когда Кибрик работал у Филонова. Покинув его, он стал вскоре популярным мастеровитым книжным иллюстратором, непричастным к авангарду. "Старый и новый быт" (1927) Цакликовской дает откровенно упрощенное противопоставление "отвратительного" прошлого трудному, но величавому настоящему. Работы обоих художников интересны именно тем, что носят переходной характер, пытаются механически совместить элементы творческого экспериментального метода с пропагандой идей, предписанных властью.

А сколько картин, плакатов, скульптур создано в духе прямого эпигонства реалистических традиций девятнадцатого века или классицистических кутурнов века восемнадцатого! Их назначение — внушить преданность революции, воспеть радости советского бытия. Состояние восторга должна вызвать "Кронштадтская гавань" К.Вялова (1928). На фоне бороздящих залив судов готически вытянутый красавец-матрос, распахнув руки с флажками, подает сигналы. Драматическое напряжение ощущается в "Дискутирующей бригаде" С.Рянгиной (1931).

С середины 20-х годов центральной темой живописи, графики, скульптуры становится Ленин. Задумчивый человек в пиджаке и кепке на немоющем берегу Москвы-реки запечатлен фотографически точным И.Бродским. Рядом — помпезный плакат А.Самохвалова, где театрально жестикулирующие красные фигуры Ленина и пролетария даны на фоне знамен и клубов порохового дыма. Примечателен плакат А.Страхова-Браславского, выпущенный к десятилетию смерти Ленина. Устрашающе грозный красный силуэт вождя на фоне черных заводских труб и красного грузовика с вооруженными солдатами называется "1924—1934. Ульянов (Ленин)". Зловещее время — 1934 год, начало активной подготовки к сталинскому террору, возможно, предопределило агрессивный дух этого листа.

Таких работ на выставке было немного. Обычно верхней границей остается 1932 г., когда совершилось искоренение разных художественных группировок: они были заключены в жесткие рамки единого по уставу и программе союза. Тогда-то в первые ряды и выдвинулись столпы соцреализма, объявленного на Первом съезде писателей единым генеральным художественным направлением. Недаром ретроспективные выставки русского искусства XX века, организуемые на Западе, обычно ограничены 1930-м, 1932-м, реже 1934 годом.

В составе выставки (к этому, конечно, и стремились советские организаторы) почти не было слабых, откровенно "аллилуйных" работ. Правда, симптомы перерождения уже заметны, но они не доминировали, составляя лишь малую толику показанного.

На Западе знают имена Кандинского и Шагала, однако большинство зрителей понятия не имело о том, что они не только родились и выросли в России, но активно участвовали в ее художественной жизни и работали на родине уже сложившимися художниками. Всем знакомо имя поэта Маяковского, здесь же он открылся посетителям плакатами, кубо-футуристическими композициями и театральными эскизами. Когда заходила речь о Ларионове и Гончаровой, кое-кто вспоминал имя Дягилева, но о самих художниках зритель узнавал из экспозиции... Десятки же имен оригинальных мастеров, примыкавших к авангарду, к символизму, к реалистической традиции, вообще не были известны.

Да, из хранилищ теперь извлекаются сокровища, организуются выставки в Европе, США, Японии. Длившиеся десятилетиями табу рушатся. Однако мы не вправе забывать о тяжелых испытаниях, которые выпали на долю русской культуры. ●

АКАСТ, ИЛИ ИСКУССТВО И ЭРОС

Диалог

Международная известность Джейн Айрис Мердок (род. 1919) основана главным образом на ее многочисленных романах. Некоторые из них ("Под сетью", "Алое и зеленое", "Дикая роза", "Черный принц", "Сны Бруно", "Море, море!") переведены на русский язык и сделали ее популярной в нашей стране. Менее известны ее работы по эстетике, философские этюды и диалоги, один из которых публикуется ниже. Диалог как философско-публицистический жанр сложился и достиг высокого совершенства в древнегреческой литературе; почти все сочинения Платона написаны в форме диалога. Спор фиктивных собеседников дает возможность автору, предпочитающему остаться в тени, раздарить свои мысли разным лицам, столкнуть противоборствующие концепции и в конечном счете персонифицировать свои собственные сомнения, свою внутреннюю борьбу. Эту функцию много веков спустя взял на себя европейский роман. Тем не менее диалог не ушел в прошлое. В отечественной литературе широко известный пример диалога — "Три разговора" Вл.Соловьева. Предлагаемое читателю (впервые на русском языке) произведение А.Мердок представляет собой сознательное подражание платоновским диалогам и отчасти пародирует их. Как и у Платона, беседой руководит Сократ. Но тема спора — актуальная проблематика нашего времени: эстетическая, социальная и даже политическая.

Участвуют:

К а л л и с т, красивый молодой человек.
 А к а с т, серьезный молодой человек.
 М а н т и й, политик. Влюблен в Каллиста.
 Д е к с и м е н, циник.
 П л а т о н.
 С о к р а т.

Афины, конец V века до н.э. Платону около 20 лет, Сократу около 60. Остальные персонажи вымышлены.

В доме Дексимена. Входят Каллист, Акаст, Мантий, Дексимен и Платон. Каллист в актерской маске. Платон садится в стороне от всех. Они только что вернулись из театра.

К а л л и с т. Великолепно! Заключительная сцена выше всяких похвал. Ах, как мне нравится эта пьеса! А тебе, Акаст?

А к а с т. Не знаю.

Д е к с и м е н. Акаст никогда не знает своих чувств.

К а л л и с т. Но кому же, как не тебе, знать, что ты чувствуешь?

М а н т и й. Придет ли Сократ?

К а л л и с т. Я очень надеюсь, что придет!

М а н т и й. Успокойся.

К а л л и с т. А тебе, Платон, понравился спектакль?

Д е к с и м е н. А тебе?

М а н т и й. Нет. Я вообще не люблю пьес.

Д е к с и м е н. Зачем же ты ходишь в театр?

М а н т и й. Театр оказывает влияние на людей. За ним нужен глаз да глаз.

К а л л и с т. Я верю всему, что происходит на подмостках.

А к а с т. И напрасно. Нельзя забывать, что это всего лишь представление.

М а н т и й. Мудрено позабыть, когда слышишь завывания актеров!

Д е к с и м е н. Не надо относиться к театру всерьез. Все это дешевые фокусы. Игра в куклы для постановщиков, возмнивших о себе невесть что. А для полуобразованной толпы — повод считать, что и она что-то понимает. Театр не имеет никакого значения.

М а н т и й. Все, чем интересуется народ, имеет значение.

К а л л и с т. Все любят театр — не только мы, образованные люди. (Смех.)

Д е к с и м е н. Искусство живет в воображении, а не на сцене. Мы сами придумываем для себя встречи с искусством.

А к а с т. Выходит, у каждого из нас свое искусство?

М а н т и й. Должен заметить, что театр, на мой взгляд, ничем новым похвастать не может. Все это мы уже видели!

Д е к с и м е н. Люди всегда воображают, что достигли в искусстве пределов возможного.

Каллист, теребивший в руках свою маску, снова надевает ее и декламирует.

К а л л и с т. О, Зевс, кто б ни был ты, под этим именем живущий!

М а н т и й. Перестань.

Д е к с и м е н. Театр — это обман. Ну кому нужно искусство, которое повторяет жизнь? На самом деле театр — это бегство от действительности.

К а л л и с т (обычным голосом). Вот именно, кому хочется, чтобы театр походил на мерзкую старуху — жизнь? Это — царство грез...

Д е к с и м е н. Кривляние на сцене и толпа, возбужденная собственными фантазиями.

М а н т и й. Но это действительно колдовство. Ты видел зрителей? Сколько их было? Десять тысяч?.. И все они сидели, как зачарованные. Почему? Почему никто не шелохнулся, не встал? Театр похож на чудо, он подчиняет себе людей. Магия может быть полезной.

К а л л и с т. По тебе, все должно быть полезным. Отчего ты не хочешь просто наслаждаться искусством?

Д е к с и м е н. Политический деятель.

Каллист принимается за фрукты.

М а н т и й. Потерпи немного, это не только для тебя... И не играй ими.

К а л л и с т. Ты все печешься об обществе. А по-моему, политика должна знать свое место.

М а н т и й. В наше время ее место — всюду.

К а л л и с т. Мне иногда кажется, что деспотизм дал бы нам вздохнуть свободнее. Не надо было бы вовсе думать о политике.

А к а с т. Мы не допустим деспотизма у нас в Афинах. В конце концов, кто создал демократию?.. Да, пьеса доставила мне удовольствие. Она даже растрогала меня — не знаю, почему.

М а н т и й. То-то и оно.

А к а с т. Нас многое волнует, а почему, неизвестно.

М а н т и й. Полагаю, нам следует в этом разобраться.

Дексимен. Ты считаешь, что надо разобраться, чтобы одни могли управлять другими?

Каллист. Такова всякая красота. Она загадочна.

Акаст. Верно. Но не забываем ли мы о том, что театр — это еще и религиозное действие?

Дексимен. Еще бы.

Акаст. Мне не нравится, когда боги выглядят такими, как их изображают на сцене. В конце концов, откуда известно, как они вообще выглядят? Это святотатство.

Каллист. Ты слишком старомоден. Мы знаем, каково наше отношение к богам.

Акаст. В самом деле? А вот я не знаю.

Мантей. Религия — дело серьезное. Не следует фамильярничать с нашими боже-ствами.

Каллист. А что плохого в вольнодумстве? Вот, например, Аристофан...

Дексимен. Вот, вот. (*Презрительный жест.*)

Мантей. И сатира обладает большим воздействием. Необходимо только уточнить, над чем именно смеется публика.

Акаст. Мне кажется, нам не пристало зубоскалить насчет религии. А вот над политиками не грех и посмеяться!

Мантей. Тот, кто сегодня издевается над религией, завтра начнет презирать своих руководителей. Демократия может погибнуть, если люди ни во что не будут верить и никого не станут уважать.

Входит Сократ. Все поднимаются. Приветствия.

Сократ. Ну как, мои дорогие, понравилась вам пьеса?

Акаст. Мы как раз спорили о ней.

Каллист. Чур, я сижу рядом с Сократом!

Сократ. Мне сегодня везет!

Дексимен. О, да. Я видел, с кем ты был в театре.

Сократ. Я всегда боготворил красоту... А кто это там?

Каллист. Это Платон. Он сегодня не в духе.

Сократ. Так о чем спор?

Дексимен. Да все о том же.

Каллист. Дексимен считает, что театральное искусство — это фокусничество, не имеющее никакого значения, Мантей считает театр магией, которая имеет большое значение. Акаст требует, чтобы мы не изображали на сцене богов, а Мантию, наоборот, кажется, что нельзя смеяться над людьми, и поэтому...

Сократ. Ну, а сам-то ты что думаешь?

Каллист. Я думаю театр... это развлечение!

Мантей. Мы пытались понять, для чего нужен театр.

Дексимен. А что, он и в самом деле для чего-то нужен?

Каллист. Всякая вещь существует для чего-то, ведь правда, Сократ?

Дексимен. Для чего существуешь ты?

Мантей. Слишком много хочешь знать.

Сократ. Он молод и еще сможет принести людям много пользы.

Акаст. Дексимен назвал театр лживым. Можно ли подходить к искусству с такими мерками: лживый, правдивый?

Мантей. Я предпочел бы говорить о хорошем или плохом — то есть хорошем или плохом для нас.

Акаст. Ты, стало быть, считаешь...

Сократ. Стоп. Не надо спешить. Это вопрос сложный. Не заняться ли нам его рассмотрим?

Дексимен. Займись, Сократ. А мы слушаем.

Сократ. Вы позволите мне задавать вопросы и самому выбирать отвечающего?

Дексимен. Дорогой мой, кто же осмелится тебе возражать?

Сократ. Кому отвечать? Давайте начнем с самого молодого. Если он и ошибется, ему не придется краснеть.

Дексимен. Кто здесь моложе всех?

Мантей. Каллист.

Каллист (*беспокойно*). Да нет же. Платон моложе меня.

Сократ. Мне кажется, Платон беседует с богом, не будем ему мешать. Придется отвечать тебе.

Каллист. Ну ладно, только, пожалуйста, не сердись, если...

Дексимен. Сократ не умеет сердиться.

Сократ. Дитя мое. Пожалуй, нам лучше начать с рассмотрения искусства в целом, а затем от общего перейти к частному. Все согласны?

Мантей. Да, да.

Сократ. Мы говорили о видах искусства, как говорят о членах одной семьи, не правда ли? Но разве не странно, что под этим названием объединяются совершенно непохожие вещи? Очевидно, мы можем отыскать общее для всех них качество. Не попробовать ли нам сформулировать в самом общем виде, что такое искусство?

Акаст. Отлично!

Сократ. Тогда, сделав это, мы увидим, можно ли назвать искусство правдивым или лживым, хорошим или дурным, и есть ли от него какая-нибудь польза. Но это задача непростая. Итак, раз уж ты стал сегодняшней жертвой, Каллист, как бы ты определил искусство?

Каллист. Искусство? Ну, это "Одиссея", и "Агамемнон", и "Антигона", и статуя Афины в Парфеноне, и музыка, и...

Сократ. Остановись. Этому списку не будет конца! Все, что ты назвал, — примеры искусства. Но на чем основана принадлежность к искусству, что делает все эти различные произведения искусством?

Каллист. Ты имеешь в виду искусство вообще, все его виды?

Сократ. Да.

Каллист. Гм. Искусство — это... Это копирование.

Мантей. Ничего себе определение.

Сократ. Что ты имеешь в виду?

Каллист. Я имею в виду... ну, это как живопись или как имитации людей и животных, которые мы видим в Акрополе... Искусство старается воспроизводить вещи, какими они бывают на самом деле.

Сократ. Значит, то искусство, которое добывается наибольшего сходства, будет самым лучшим?

Каллист. Да.

Мантей. Ты противоречишь самому себе.

Сократ. И поэтому скульптура лучше живописи?

Каллист. Гм...

Сократ. Ведь художник изображает людей в двух измерениях, а ваятель — в трех.

Дексимен. Смелее, Каллист!

Каллист. Да, скульптура лучше... а театр лучше всех, потому что актеры — живые люди и подражают другим людям.

Акаст (*быстро*). Это неверно, если вы подразумеваете степень сходства с живым человеком. Статуи древних мастеров мало похожи на живых людей, а между тем это образцы высокого искусства. Если мы будем всего лишь копировать предметы дей-

ствительности, то зачем нам вообще искусство? Живые люди — это живые люди, и никакой мрамор не может с ними сравняться. Почему бы нам тогда не поставить на постамент кухонный горшок или, допустим, кирпич и не назвать это искусством?

Дексимен. Все зависит от названия. Скажи, что это искусство, и тебе поверят. Мантей. А на что похожа музыка?

Сократ. Оставьте его в покое. Может быть, ты попробуешь дать другое определение?

Каллист. Да, музыка, кажется, ничего не копирует. В пьесе, например, есть действие, это как в жизни...

Дексимен. Неужто?

Сократ. Не смущайся, друг мой, попробуй еще раз.

Каллист. Искусство — это форма или схема. Оно похоже на жизнь, но, как бы сказать, и отличается от нее. Это вроде краткого или упрощенного пересказа...

Сократ. Следовательно, ты не хотел бы отказаться от своей мысли, что искусство подражает жизни?

Каллист. Нет. Но оно переносит свои копии в новый мир, где все выглядит по-другому, отчетливей. Там нет беспорядка, разных несчастных случаев, как в жизни.

Акаст. Несчастных случаев?

Каллист. Там, как на карте.

Дексимен. Ну и скучища.

Сократ. Значит, искусство — это своего рода формальное воспроизведение, но в среде, где вещи кажутся и похожими, и вместе с тем более ясными и простыми?

Каллист. Да!

Мантей. До твоего прихода, Сократ, Каллист говорил, что искусство сказочно, изумительно, прекрасно, что оно ему дарит счастье, и прочее, и прочее. Что ж ты теперь этого не говоришь? С какой стати ты вдруг объявил, что искусство — это копирование?

Каллист (*самодовольно*). Потому что я знаю, что Сократ любит четкие ответы, даже если они ошибочны.

Сократ. Почему ты начал с живописи?

Каллист. Мне кажется, живопись лучше всего выражает суть искусства: вот предмет, а вот его изображение, так что можно, как бы сказать, одно примерить к другому.

Мантей. Оставь ты это свое "как бы сказать".

Сократ. Мы действительно часто выражаем идеи с помощью зрительных образов, так же как мы говорим о музыке "серьезная" или "легкая". Я тронут твоим желанием угодить мне, когда ты стараешься дать ясные ответы. Но твоя теория, пожалуй, слишком проста. Ты говорил вначале о точной копии, потом о схеме наподобие географической карты. Не хочешь ли что-нибудь к этому добавить? Вернувшись из театра, ты был возбужден и счастлив...

Мантей. Мне кажется, нам нужно вернуться к началу.

В дальнейшем Мантей пытается захватить инициативу. Акаст тоже хочет высказаться и то и дело поднимает руку. Сократ жестами сдерживает обоих.

Каллист. Согласен, мое сравнение со схемой и географической картой может показаться скучным. А искусство вещь совсем не скучная, оно полно чувства и возбуждает сильные чувства. Некоторые виды искусства могут потрясать, например, музыка. Или театр: ты даже толком не понимаешь, что происходит, а сердце готово выскочить... Конечно, живопись не может так волновать.

Дексимен. Ну, знаешь... И живопись может вызвать волнение.

Каллист (сбитый с толку). Ты хочешь сказать, картинки вроде... вроде тех, которые показывал у себя дома Деркон? На которых...? Но ведь это же секс!

Дексимен. Ну и что? Разве эротика — не тема для искусства?

Каллист. М-м...

Дексимен. Не надо краснеть. Сократа этим не удивишь.

Сократ. Он просто прелесть.

Акаст. У каждого из нас есть, конечно, такие картинки, но те отвратительные эротические сцены, которые можно увидеть у Деркона, с искусством не имеют ничего общего. Они предназначены для...

Дексимен. Акаст у нас такой добродетельный, не хуже Платона. *(Поворачивается в сторону Платона, но тот делает вид, что ничего не замечает).*

Мантей. Что это с ним?

Дексимен. Ревность. Он ревнует нас всех к Сократу.

Мантей. Я смотрю, он опять что-то записывает, хотя Сократ запретил ему.

Сократ. Продолжай, Каллист. Не теряй нить мысли. Ты только что высказал нечто такое, что можно было бы добавить к твоему определению искусства. Может быть, теперь ты все-таки сформулируешь его по-новому?

Каллист. Добавить что-нибудь насчет секса?

Сократ. Что угодно.

Дексимен. Необязательно называть это сексом. Назови это страстью.

Сократ. В чем суть музыки?

Каллист. Она выражает чувства и переживания. Когда слушаешь музыку, кажется, что она проникает прямо в сердце, пронизывает все тело.

Сократ. Может быть, это ты и хотел бы прибавить к своему определению?

Дексимен. Смелее!

Каллист. Искусство есть выражение чувств, передача эмоций. Всякое искусство в самом деле похоже на музыку.

Сократ. Ты говорил, что искусство похоже на живопись. А сейчас говоришь о музыке. Ты употребил также слово "выражение". Может быть, теперь ты хотя бы частично откажешься от своей идеи, что искусство копирует мир?

Каллист. Да, к музыке это не подходит. Если, конечно, мы не будем утверждать, что музыка копирует нечто невидимое и неслышимое.

Сократ. Говорят, что боги постоянно занимаются геометрией. А что если они еще и сочиняют музыку?

Акаст. Мне нравится эта мысль. И нам удастся иногда подслушать кое-что из этой музыки.

Каллист. Но ведь все-таки объект искусства — действительность. Искусство занимается тем, что превращает реальные предметы, как бы сказать, в чувства-образы, или чувства-мысли, или... Простите, я запутался.

Сократ. Продолжай, мой мальчик, не сдавайся. Постарайся зацепиться за что-нибудь. Помни: ты занимаешься философией. Бывает, что необходимо любой ценой удержать ускользающую мысль, и тогда не остается ничего другого, как говорить о ней первое, что приходит в голову. Итак, не старайся выражаться ясно, а говори — говори все, что тебе заблагорассудится.

Каллист. *(с усилием)*. Искусство есть в некотором роде копирование или имитация, потому что оно обращено, как бы сказать, к жизни. Хотя я не уверен насчет музыки. Искусство также имеет форму или систему, поэтому оно изменяет предметы, оно, как бы сказать, яснее и чище жизни, но оно показывает нам реальные вещи с большей, м-м... силой, с чувством, с помощью зрения, слуха и воображения, и при этом оно не прибегает к анализу, все сосредоточено в самом себе, как... как сами вещи, оно действует возбуждающе и распаляет страсть, и... гм.

Сократ. Молодцом. Ничего, ничего... Твоя очаровательная чушь отлично помогает нашей беседе. Итак, искусство похоже на копию, на географическую карту, а также на музыку, чей эмоциональный образ проникает в душу и тело. Наконец, только что ты упомянул зрение, слух и воображение. Скажи, все ли виды искусства действуют на наши органы чувств?

Каллист. Думаю, все.

Акаст. Но как же тогда...

Сократ. Акаст все время требовал слова. Послушаем его.

Акаст. Я согласен, что искусство воздействует на органы чувств. Например, в поэзии есть ритмы и звуки, в живописи — формы и краски. Наше тело тоже не остается безучастным. Я не имею в виду секс...

Дексимен. А почему бы и нет?

Акаст. Настоящее искусство — это мысль. Я рассматриваю искусство, подлинное искусство, как мудрое и пронизательное размышление. Плохое искусство — значит глупое и лишенное мысли. Каллист тут говорил что-то насчет "чувства-мысли". Я не знаю, что это такое. Но я убежден: хорошее искусство несет в себе весть. Это не просто эмоции. Искусство подобно ясновидению, это взгляд внутрь, познание.

Сократ. Превосходно. Ты продолжаешь блистательную бессмыслицу Каллиста. Копии, географические карты, чувства, мысли. Мы хватаемся за все сразу, потому что каждая из этих категорий в отдельности оказывается несостоятельной. Но они не проясняют вопроса, они как будто встали в кружок и держатся за руки, чтобы не повалиться. Ты согласен с мыслью Каллиста о том, что искусство есть имитация мира?

Акаст. Согласен, но не в такой примитивной форме: вот живой человек, а вот его изваяние. Искусство выражается опосредованно.

Каллист. Я же сказал, что они отличаются друг от друга!

Акаст. Художник вкладывает в произведение искусства мысль. Он судья действительности.

Сократ. Суд предполагает существование справедливости, истины.

Акаст. Да, конечно, копирование и вынесение суждения означает, что существуют истина и мораль. Искусство должно быть правдивым. Дексимен сказал, что искусство — выдумка и обман. Но это не относится к настоящему искусству, которое есть мудрость и правда. Оно взирает на мир и объясняет его глубинную суть. И когда это объяснение доходит до нас, пусть даже наполовину, мы испытываем такую радость... Помоему, в этом и состоит красота.

Дексимен. А как быть с красотой в природе? Природа-то ведь ничего не объясняет!

Каллист, ослабив пряжку на поясе, ложится на спину, играет с маской, пытается надеть ее на Мантия. Тот отталкивает его. Платон внимательно слушает Акаста.

Акаст. Можно старательно изображать все, как "на самом деле", — вот так же, как на порнографических картинках, — но если в произведении нет мысли и нет нравственного суждения, оно мертво и фальшиво. Каллист высказался в том смысле, что искусство эротично. Иногда это так, согласен; но я бы скорее сказал, что искусство занято любовью, неподдельной любовью к миру и жаждой познать его. Мне кажется, настоящее искусство полно страсти и святости.

Сократ. Хорошо сказано. Мне это действительно нравится...

Акаст. И оно в определенном смысле правдиво. Уверен, что это так.

Сократ. Не теряй уверенности, мой дорогой юный друг.

Пауза. Сократ взглянул на Платона, но Платон не отзывается. Он сидит, печально потупившись.

Сократ. Мне нравится твое интуитивное понимание искусства. Художник мудр, сострадателен, справедлив. Все это верно, но мы по-прежнему бродим в потемках. По-размыслим над тем, что именно ты имеешь в виду, говоря, что искусство правдиво.

Дексимен. Вот уж не сказал бы! Разве поэзия правдива? Да это какая-то чушь.

Акаст (*возбужденный своей мыслью, но неуверенно*). Я имею в виду... ну, словом, настоящее искусство служит для нас, учит нас. Величие поэзии — в ее мудрости.

Каллист надел маску и начинает снова декламировать.

Каллист. О Зевс, кто б ни был ты, под этим именем живущий!..

Мантей. Вся эта словесная путаница вернула нас к той очевидной мысли, с которой я и хотел начать. Акаст, сам того не ведая, сказал нечто важное. А именно: он сказал, что настоящее искусство полезно для нас. Воистину! Лучше не скажешь. Искусство — это просвещение. Ваши идеи, как сказал Сократ, стоят, держась друг за друга, каждая хочет поддержать другую, но не может. А моя мысль разрывает этот круг. Если рассматривать искусство как просвещение народа, все встанет на свои места, все вопросы получат ответ. Мы поймем, почему мы объединяем все виды искусства, в чем смысл музыки, прояснится и понятие морали, о которой упомянул Акаст.

Акаст. Я отнюдь не считаю искусство просветительством.

Мантей. Но ты же сам сказал!

Акаст. Я сказал, что оно служит нам.

Мантей. Какая разница?.. Меня интересует политика и жизнь общества, в отличие от тех, кто погружен в свои мелкие чувства. Политика не эгоцентрична, она имеет дело с людьми, с обществом, она заботится о людях. Суть политики — в просвещении, в убеждающем разъяснении.

Дексимен. А я думал — в принуждении.

Мантей. Я же сказал: в убеждающем разъяснении. Другими словами, в риторике. Вот вам и объяснение природы искусства. Искусство есть риторика. Не имитация, не музыка и не мысль. Риторика!

Сократ. Ты просто сразил нас простотой своей мысли.

Мантей. Да ведь это и так ясно. Основываясь на этом, легко понять разницу между хорошим искусством и плохим. Настоящее искусство воспитывает хороших граждан, плохое не воспитывает. Ясно, как день.

Сократ. По-моему, критерий искусства состоит в пользе, которую оно приносит обществу?

Мантей (*после короткого колебания, твердо*). Да.

Акаст. Ничего подобного.

Каллист. Ужас!

Мантей. По-настоящему действенным и полезным надо считать лишь такое искусство, которое выражается просто и которое доступно каждому.

Дексимен. Если взять поэзию, то в ней сколько угодно и непонятного, и личного, и чувственного.

Мантей. Искусство, занятое личными чувствами, вредно, оно отвлекает людей от действительного мира, то есть мира общественного. По-моему, это вполне очевидно. Мне казалось, что это может заинтересовать Акаста, столь озабоченного истиной... А эротическое искусство внушает людям, будто весь смысл жизни в половых сношениях!

Каллист. Но разве это не так?

Дексимен. Любое искусство можно использовать как порнографию. Где реализуется искусство? В мозгу. Искусство не может быть святяней, даже самое великое. У каждого из нас есть свои навязчивые идеи.

Мантий. У тебя-то уж во всяком случае.

Каллист. Секс — это удовольствие! Искусство, которое занято исключительно проблемой пола и личными отношениями людей, эгоистично и лживо. Ты не согласен со мной, Акаст?

Акаст колеблется.

Со крат. Но разве исследование отношений между личным и общественным — не дело искусства? Искусство обнажает все тайны человека. То, что происходит в душе, составляет суть человека и делает каждого из нас личностью. Взаимоотношения внутреннего мира с общественным поведением — это и есть мораль. Как может искусство пройти мимо этого?

Дексимен. Для Мантия личность не существует.

Мантий. Неправда. Я верю именно в личность, а вот ты — нет. Искусство призвано помогать людям преодолевать взаимное отчуждение. Оно должно постараться наполнить смыслом понятие общества. (К Акасту.) Ведь это куда лучше, чем копаться в личных ощущениях, не правда ли?

Дексимен. Отрицая интимный мир человека, ты отрицаешь искусство.

Мантий. Наша живопись и наша скульптура изображают физически здоровых людей. Я считаю, что искусству следует изображать людей здоровых нравственно.

Со крат. Кто же эти люди?

Мантий. Образцовые граждане.

Дексимен. Понятно. Симпатичные молодые люди, занятые общественно полезным делом.

Мантий. Вот, вот. Хороший гражданин для тебя — повод для насмешек. А на что ты потратил свой собственный энтузиазм и свои способности, когда ты был в их возрасте? (Дексимен явно задет.) Прости, пожалуйста. В нашем обществе очень много несправедливости и страданий. Не так ли, Акаст? Да или нет?

Акаст. Да.

Мантий. Разве всякий нормальный, честный человек не будет стараться изменить это положение? Почему же художник должен быть исключением? Почему бы и человеку искусства не поставить свой талант на службу обществу? Можно сказать, повторив слова Акаста: искусство — это мысль в эмоциональной обертке.

Акаст. Но, мне кажется, я этого не говорил...

Мантий. Чувство — вещь серьезная, но его следует упростить.

Со крат. Каллист указал на разницу между простым копированием и схематическим изображением, подобным географической карте. На что больше похоже твое упрощенное искусство?

Мантий. Оно следует определенной форме и схематично, но и достаточно реалистично, чтобы казаться правдоподобным. Смысл произведений должен быть ясен каждому.

Дексимен. А не только нам, интеллигентам, как сказал Каллист!

Мантий. Совершенно верно. Интеллигенты — это, как правило, люди, сосредоточенные на самих себе, поглощенные собственными, далекими от жизни идеями, равнодушные к общественному благу.

Акаст. Но ведь ты сам интеллигент.

Дексимен. Он представитель интеллигентных начальников.

Акаст. Тебе бы хотелось превратить искусство в пропаганду.

Мантий. Искусство — это воспитание народа. Всякое воспитание пропагандирует те или иные ценности. Они вполне могут оказаться истинными. Разве нет?

А к а с т. Но искусство, которое занято пропагандой и убеждением, перестает быть правдивым.

М а н т и й. Сократ посоветовал тебе подумать над тем, что ты называешь правдивым. Отстаивая нравственность, мы пытаемся убедить людей, повлиять на их поведение, не так ли? Разве не это — наша цель?

А к а с т. Гм...

М а н т и й. Ты ведь преклоняешься перед Периклом?

А к а с т. Конечно.

М а н т и й. А разве он не был великим оратором, не убеждал? Вспомни его блестящие речи. Наш долг — воодушевлять сограждан. Мы должны добиваться, чтобы они доверяли своему правительству и гордились своей страной.

Д е к с и м е н. Подарите им славное прошлое!

М а н т и й. Это зависит от того, как мы будем толковать это прошлое.

Д е к с и м е н. Кое-что лучше позабыть, кое-что надо помнить всегда.

А к а с т. Мы никому не позволим забыть о нашей победе над персами!

М а н т и й. Верно! Каждая страна пользуется методом отбора, когда речь идет об истории. Большинство персов наверняка даже не слышало о Марафонской битве.

А к а с т. То, что ты называешь отбором, есть ложь! Мы обязаны сказать всю правду о прошлом.

М а н т и й. Ты размахиваешь своей "правдой", словно оружием, или по крайней мере так, как будто это ясная и разумная идея. А на самом деле история — это фикция, сочиненная с целью убедить людей. Басни, и больше ничего. Кто может знать, что "имело место в действительности"? Литература и з о б р е т а е т прошлое, вот почему она так важна для нас, и она обязана продолжать сочинять прошлое в интересах настоящего.

А к а с т. В твоих устах все действительно обращается в ложь.

М а н т и й. Искусство не может не быть тем, что ты именуешь ложью. И я хочу, чтобы оно было полезной, благородной ложью.

Д е к с и м е н. Благородная ложь — неплохо!

М а н т и й. Искусство не похоже на природу. И ваш "реализм" ничуть не похож. Слова не в состоянии передать суть вещей, слово не может подойти и потрогать предмет. Слова — это даже не имена...

С о к р а т. Минутку. Ты сказал, что мы не можем знать прошлое, а можем лишь придумывать полезные истории о нем. Теперь ты говоришь о языке вообще. Ты считаешь, что слова в принципе не могут отображать действительность?

М а н т и й. Именно так.

С о к р а т. Откуда у тебя такая уверенность? Ты что, сначала смотришь на слова, потом на действительность, а затем...

М а н т и й (*несколько смешавшись*). Я хочу сказать, что... ни "природа", ни "действительность" на самом деле не существуют. Их нельзя потрогать, это фикции... Мы просто лепим их из слов, из идей, из концепций.

А к а с т. Поэтому язык не имеет никакого отношения к миру?

С о к р а т. Погоди, сначала мы должны узнать, куда клонит Мантий, чего он на самом деле хочет. Теоретики всегда чего-то хотят. Разумеется, слова — это не имена вещей, и оперировать языком весьма трудно. Чтобы установить связь с окружающим миром, нам приходится прибегать к разным абстрактным уловкам. Часто мы сами недовольны тем, что делаем. Но из этого вовсе не следует, что независимый от нас мир — нечто очевидное для здравого смысла — не существует.

Д е к с и м е н (*хлопнув ладонью по столу*). Ну конечно же, мир существует!

С о к р а т. Недурной аргумент!

М а н т и й. Дурацкий. И ты это прекрасно понимаешь. Смысл языка в его внутренней логике. Язык — отнюдь не окно, из которого мы обозреваем мир.

С о к р а т. Ну да, иногда он подобен окну, а бывает и так, что он становится бес-
связным. Ты, вероятно, имеешь в виду математику или язык, — каким бы он ни был, —
которым пользуются боги. Но наш обыкновенный земной язык — вещь очень запутан-
ная. Теоретизировать о нем трудно. Давайте согласимся, что твоя гипотеза интересна, но
далека от темы нашей беседы. Наш язык терпит постоянную ломку, он подвержен испы-
таниям, он то и дело меняется по отношению к чему-то другому, что восседает прямо-
таки возле нас, самодовольное и безразличное к нашей изобретательности и нашим
стремлениям. Это, собственно, и есть первичный и самый очевидный итог наших попы-
ток познать мир. Независимая от нас действительность загадочна, но и само наше созна-
ние — вещь загадочная. Эта тайна бросает вызов философам, и философия не в силах
дать единый, систематический и чудодейственный ответ! Так вот, натолкнувшись на
нечто, скажем так, очень сложное, мы должны действовать осторожно и благоразумно,
полагаясь на здравый смысл, на наши вполне заурядные представления об истине. Дей-
ствительность сопротивляется нам, действительность полна случайностей и сюрпризов.
Она превосходит нас и повергает нас в изумление. И язык — это наша борьба с ней, бла-
годаря языку мы оказываемся на передней линии...

А к а с т (*не выдержав*). Надо отличать слова от действительности, иначе не пой-
мешь, где ложь, где правда!

С о к р а т. Мне кажется, Мантий хотел бы стереть или по крайней мере иначе
истолковать это различие. Его философствование служит именно этой цели. Поменять
местами полезное и бесполезное, логичное и бессвязное, значительное и незначительное.
Он видит в этом немаловажную политическую задачу.

М а н т и й. Да, и вполне очевидную. Язык делает нас людьми, он говорит за нас. От
языка зависит, кто увидят люди и как они это поймут. Язык — не цирковая арена для
писателей-фокусников. Нужно заставить язык работать для современности, поставить
язык на службу обществу.

С о к р а т. Значит, язык существует не для того, чтобы описывать мир, а для того,
чтобы отдавать приказы?

М а н т и й. Да, если угодно. Мы не стремимся объяснить мир. Мы хотим изменить
его!

А к а с т. Позвольте, если слова — ни ложь, ни правда, то чем же мы занимаемся
здесь, споря друг с другом?

Д е к с и м е н. Мы — это исключение, Акаст. Люди, рассуждающие подобно Ман-
тию, всегда исключают из своих обобщений самих себя. Повторять, как попугай, что
тебе скажут, — это удел престолярства.

М а н т и й. Не будем скромничать. Новые идеи и представления приходят в голову
лишь немногим.

Д е к с и м е н. Вот, вот. Это и есть новая тирания, готовая программа для диктато-
ров. Кучка власть имущих манипулирует словами, а массы довольствуются удобопонят-
ным и правдоподобным социальным искусством. Слова умирают, и сказать правду ни-
кто не может! ●

Окончание в следующем номере

Елена ГЕССЕН (Бостон, США)

ПОД СЕНЬЮ ЗОЛОТОГО КРЫЛЬЦА

Господи, как страшен и враждебен мир, как сжалась посреди площади на ночном ветру бесприютная, неумелая душа! Кто же был так жесток, что вложил в меня любовь и ненависть, страх и тоску, жалость и стыд — а слов не дал: украл речь, запечатал рот, наложил железные засовы, выбросил ключи!"

Это моление о слове вырывается из уст маленькой девочки, героини рассказа Татьяны Толстой "Любишь — не любишь". Мольба оказалась услышанной — девочка стала писательницей.

Первый рассказ Толстой "На золотом крыльце сидели" был напечатан в 1983 году в журнале "Аврора". Так называется и небольшой сборник, изданный осенью 87-го. Название — из детства, из всем памятной считалки: так считаются при игре в прятки, и водить достается тому, на кого упало последнее слово при ответе на вопрос: кто ты такой?

Если мысленно собрать всех героев Толстой вместе — ну, скажем, усадить рядышком на том самом "золотом крыльце", — удивительная получится компания. Престарелая Александра Эрнестовна, Шуручка, с "дореволюционными" ногами, в спущенных чулках и немислимой шляпе с облупившимися черешнями и прочими дарами природы; довоенная ленинградка Соня — "голова как у лошади Пржевальского... под челюстью огромный висячий бант блузки торчит из твердых створок костюма, и рукава всегда слишком длинные"; бессловесный библиотекарь Петерс, "эндокринологический дундук", с плоскими ступнями и "поженски просторным" животом; старый холостяк, носатый, лысеющий Симеонов; безумная выдумщица Светка, по прозвищу Пипка, с ужасным черным ртом, "где пеньки зубов наводили на мысль о застарелом пожарище"... Чудаки, неудачники, вздорные, не блещущие ни красотой, ни талантом маленькие люди, или, как выразилась журналистка из "Московских новостей", те, "чей слабый голос никто не услышит в грохоте строек и перестроек, если его не усилит и не донесет чуткое перо писателя".

"Я пишу не о маленьком, а о нормальном человеке, — возражает на это Татьяна Толстая. — Бояться, мечтать, сомневаться, не понимать, страдать, тешить себя иллюзиями, любить, завидовать, браться не за свое дело, врать, надеяться — все это нормально. А вот красавцы, умные, герои или, наоборот, злодеи — скорее исключение... Мне интересно человеческое в человеке".

Этот интерес моментально почувствовал читатель, уставший от публицистичности сегодняшней прозы и соскучившийся по некоему, если позволено так выразиться, изоморфному герою. В самом деле: многие годы советская литература была отдана на откуп безупречно-стерильным кавалерам Золотой Звезды, Настоящим Людям и прочим героям на котурнах, так что приходилось вставать на цыпочки в попытке не дотянуться даже, но просто — разглядеть. Потом появились романтические юнцы, решавшие вопросы бытия по Джеку Лондону, Ремарку и Хемингуэю. Пришедшие им на смену герои Трифонова и Вампилова были уже в общем-то вполне узнаваемы, но узнаваемы с отрицательным знаком: в них ощущался явный изъян, некая "недочеловечность", идентифицировать себя с ними не хотелось, пусть лучше таким будет сосед по коммуналке. Но и эти герои прошли, растворились, и в воздухе снова шелестит тоска по сильному человеку: ибо "перестройку" должны возглавлять именно сильные характеры, а не аморфные неудачники". Однако "аморфные неудачники" Татьяны

Толстой оказались и узнаваемы, и близки, в них уже можно — не без некоторого даже удовольствия (но и горечи, и жалости, и самоиронии) — признать самого себя, отторжения не происходит.

Привлекательность этих героев для читателя, вероятно, во многом объясняется еще и тем, что писательница, щедро выписывая житейский фон и сор, поселяет их на пограничье фантазии и реальности, прошлого и настоящего, быта и бытия. Все они одновременно и "всамделишные", и придуманные, все существует словно разом в двух измерениях, и эта неопределенность, метафизическая размытость их существования придает особую прелесть прозе Толстой.

Герой рассказа "Факир", человек со смешной фамилией Филин, обладает удивительным даром: он умеет преобразить жизнь, выведя ее за пределы обыденности, придать ей волшебную недосказанность, окутать флером необычности. Пирожки у него на столе превращаются в тарталетки, испеченные по старинному рецепту, который вот-вот канет в небытие; перстень на его руке извлечен из раскопок и даже унылая треска становится судаком "орли". Он — "неутомимый, щедрый владелец золотых плодов, он раздаст их направо и налево, насыщает голодных и поит жаждущих, он махнет рукой — и расцветают сады, женщины хорошеют, зануды вдохновляются, а вороны поют соловьями". Таково свойство художника.

Капельками этого свойства Татьяна Толстая наделяет своих персонажей, каждого в разную меру. О чем только не грезят ее герои, на что только не готовы ради того, чтобы вырваться из оков постылого будничного бытия! Мечта их может быть какой угодно, самой возвышенной и самой что ни на есть заурядной. Для Симеонова ("Река Оккервиль") она воплощается в голосе замечательной певицы начала века Веры Васильевны, голосе, который плывет с шипящей, дребезжащей пластинки с отколотым краешком, за которую уплачены несуразные деньги. Для девочек из рассказа "На золотом крыльце сидели" — в чудесах, якобы спрятанных в доме загадочного дяди Паши. Куда тривиальнее мечты простых советских женщин: Зоя — "красивое имя, будто пчелы прожужжали" — жаждет выйти замуж ("Охота на мамонта"), Римма мечтает об отдельной квартире и, рикошетом, о смерти соседа, симпатичного старичка Ашкенази ("Огонь и пыль"), а обладательница отдельной квартиры Галя стремится перебраться с грязной, дикой окраины в центр, где постоянно вершится праздник жизни, где "вечернее небо... играет светом — кирпичным, сиреневым, — настоящее московское, театрально-концертное небо" ("Факир"). А Александра Эрнестовна до последних дней хранит в бархатном альбоме с твердыми потрескавшимися фотографиями картонку с пробитыми на ней загадочными знаками — билет, который когда-то, сто лет назад, чуть не увез ее в другую жизнь ("Милая Шура"). Правда, певица Вера Васильевна неожиданно обретает плоть и, восстав с запыленной пластинки, оказывается грузной, усатой и неприятно-телесной старухой; чудеса загадочного дома при трезвом свете дня выглядят замызанной колченогой рухлядью; стойкий старичок Ашкенази кашляет, но не умирает; меняться на окраину никто не хочет, а бархатный альбом после смерти "милой Шуры" выбрасывают на помойку, где его подбирают практичные люди: сгодится на бархотку для чистки сапог. И горькие прощальные слова звучат вслед факиру, обманувшему героев (которым, впрочем, хотелось быть обманутыми): "Твое дерево с золотыми плодами засохло, и речи твои — лишь фейерверк в ночи, минутный бег цветного ветра, истерика огненных роз во тьме над нашими волосами".

Жизнь, в конце концов, всегда берет верх — с ее грубостью, практичностью, нахрапом и алогизмом, с болезнями и несправедливостью, бедами и смертью, и — одновременно — с ее "клейкими листочками". И неуклюжий, и не слишком привлекательный герой рассказа, замыкающего сборник, обладатель дурацкого имени Петерс, с которым никто никогда "не хотел играть", под конец рассказа (под конец жизни?) благодарно улыбается "жизни — бегущей мимо, равнодушной, неблагодарной, обманной, насмешливой, бессмысленной, чужой — прекрасной, прекрасной". Таков катарсис в рассказах Толстой.

Писательницу явно занимают пограничные состояния, крайние точки бытия. Вероятно, этим и объясняется постоянное обращение к миру детства и старости, к началу и концу жизни. Писать о детстве — занятие более чем рискованное в русской литературе, где об этом сказано много и сказано прекрасно. Особенность детства в прозе Толстой в том, что перед нами — не столько познание жизни, сколько распад гармоничного детского мира, гармоничного хотя бы в силу его идеальной симметричности, хотя бы потому, что с неуклонной последовательностью сменяют друг друга времена года и всегда можно предсказать, что и когда произойдет: "Зимой дворники наклеивали на черное небо золотые звезды, посыпали толчеными брильянтами проходные дворы Петроградской стороны и, взбираясь по воздушным морозным лестницам к окнам, готовили на утро сюрприз: тоненькими кисточками рисовали серебряные хвосты жар-птиц. А когда зима всем надоедала, они вывозили ее на грузовиках за город, пропихивали худосочные сугробы в зарешеченные подземелья и размазывали по скверам душистую черную кашу с зародышами желтых цветочков. И несколько дней город стоял розовый, каменный и гулкий. А оттуда, из-за далекого горизонта, уже бежало, смеясь и шумя, размахивая пестрым флагом, зеленое лето с муравьями и ромашками".

Безжалостно разрушая этот уютный мир, Толстая отваживается на крайне рискованную затею: вводит в рассказы о детстве тему встречи со смертью. В кошмары девочки из рассказа "Любишь — не любишь" вторгается дядя нелюбимой няньки, повесившийся "от болезни мочевого пузыря"; обладатель дома чудес дядя Паша замерзает на собственном крыльце ("На золотом крыльце сидели..."); мальчик Петя, живущий в мечтах о таинственной соседке Тамиле, сталкивается со смертью лицом к лицу: первым обнаруживает, что умер дедушка. А волшебница Тамила, летающая высоко над землей на бусах из лимонных косточек и пьющая из черной бутылку "панацию", оказывается совершенно обыкновенной женщиной, втайне проводящей ночи с противным дядей Борей, и жалкой безделушкой валяется на полу ее серебряный перстень, который будто бы сохраняет ей жизнь. "Птица Сирия задушила дедушку. Никто не уберется от судьбы. Все — правда, мальчик. Все так и есть" ("Свидание с птицей").

К старикам, пожалуй, писательница относится бережнее, жалеет их, брошенных, никому не нужных, готова приносить сливки и "очень полезную для глаз морковку", готова признаться в любви: "Вы мне нравитесь, Александра Эрнестовна... Мне нравится ваша никому больше не интересная, где-то там отшумевшая жизнь, бегом убежавшая молодость, ваши истлевшие поклонники, мужья, следовавшие торжественной вереницей, все, все, кто окликнул вас и кого позвали вы, каждый, кто прошел и скрылся за высокой горой".

Высокая гора — это, конечно, время, стирающее лица и голоса, краски и шорохи, вещи и очертания, время, которое нельзя вернуть, но можно воссоздать на листе бумаги. А вот — можно ли?

"Жил человек — и нет его. Только имя осталось — Соня. "Помните, Соня говорила..." — "Платье, похожее, как у Сони..." — "Сморкаешься, сморкаешься без конца, как Соня"... Потом умерли и те, кто так говорил, в голове остался только след голоса, бестелесного, как бы исходящего из черной пасти телефонной трубки. Или вдруг раскроется, словно в воздухе, светлой живой фотографией солнечная комната — смех вокруг накрытого стола, и будто гиацинты в стеклянной вазочке на скатерти, тоже изогнувшиеся в кудрявых розовых улыбках. Смотри скорей, пока не погасло! Кто это тут? Есть ли среди них тот, кто тебе нужен? Но светлая комната дрожит и меркнет, и уже просвечивают марлей спины сидящих, и со страшной скоростью, распадаясь, уносится вдаль их смех — догони-ка".

Время не дается, убегает, ускользает, "напрасны попытки ухватить воспоминания грубыми телесными руками". Оно — время — вдобавок еще и насмехается над незадачливым автором: оживленная авторским воображением фигура "обора-

чивается большой, грубо раскрашенной тряпичной куклой”, вместо волос — мочальный парик, а глаза “соединены внутри пустого черепа железной дужкой со свинцовым шариком противовеса”. И как понятен и естествен вырвавшийся крик досады: “Вот чертова перечница! А ведь притворялась живой и любимой!” А немного ниже, поняв, что толку от этой дурашливой, потусторонней компании не добьешься, ворчливо-примирительное: “Ну, раз вы такие — живите как хотите. Гоняться за вами — все равно что ловить бабочек, размахивая лопатой”.

Рассказ “Соня”, откуда взяты эти строки, построен на голом анекдоте: изобретательные и не слишком доброжелательные друзья устроили забавный, на годы растянувшийся розыгрыш, выдумав для старой девы Соня воздыхателя Николая и затеяв от его имени романтическую переписку с ней. Розыгрыш удался, “жить было весело”, Соня влюбилась не на шутку, и компания всласть потешалась над ее запоздалой страстью к несуществующему возлюбленному. Но в черном блокадном декабре водевиль обернулся трагедией: Соня отправилась по адресу “Николая” спасти его. На месте любимого, правда, лежал совсем другой человек, и даже абсолютно противоположного пола (что осталось скрыто за наваленными на него пальто), — Ада Адольфовна, сочинительница и вдохновительница “адского планчика”. “Полуслепые от голода глаза” Сони не разглядели подмены, и не кого иного, как именно Николая напоила Соня с ложечки драгоценным довоенным томатным соком, которого “было ровно на одну жизнь”. “Бомбили в тот день сильно”, — лаконично заключает рассказчица историю сонинной жизни. Анекдот перерастает в эпос.

Впрочем, пересказывать сюжеты рассказов Татьяны Толстой — занятие заведомо бессмысленное. При чтении ее прозы в памяти всплывает полужабытое, ставшее почти уже чужеродным — и даже едва ли не неприличным — в нашем литературном обиходе слово “сочинитель”. “Сочинять”, по Далю, — “изобретать, вымышлять, придумывать, творить умственно, производить духом, силою воображения”. Писательница именно “творит умственно”, “придумывает” увлеченно, самозабвенно, азартно, запустив на полную мощность фантазию, хозяйничая в своей прозе с уверенностью и мастерством. Ни с того ни с сего мысль дает неожиданный крен, прихотливая своевольность воображения заводит куда-то совсем в другую сторону, возникает новый поворот, новый сюжет, размывающий границы рассказа, выводящий нас к новым виткам, к новым судьбам. В этой особенности художественного метода, которую советская журналистка определила как “культуру слова и нестесненный полет фантазии”, — своеобразие и сила прозы Толстой. Неудача подстерегает ее там, где, как в рассказе “Чистый лист”, она строит сюжет на голой идеологической основе и, однажды построив конструкцию, насильно удерживает ее в жестких рамках заданного сюжета.

Вообще же атмосфера в ее рассказах важнее фабулы. Прекрасно зная “обстоятельства места, времени и образа действия” своих героев, Толстая воссоздает их искусно и ненавязчиво. Так оживает мир городских бульваров, на которых важно гуляют толстые няни с бледными городскими заморышами; помоечных подвоетов и огромных коммунальных квартир, с кухней, сверкающей “болезненной, розетизненной чистотой”, где “на одной из плит сами с собой разговаривают чьи-то щи”, а за окном “мотается на черном ветру” курица в авоське; в длинном коридоре за белыми дверьми притаились соседи и стерегут каждый шаг пришельца, “прислушиваются: не капнет ли своим поганым чаем на наш чистый пол?”

В наш век стертого отношения к языку, как к чему-то сугубо подсобному, утилитарному, проза Толстой подкупает своим отношением к слову. Слово набирает здесь силу и гибкость, оно мускулисто, энергично, надежно и, оказываясь в самых неожиданных, зачастую даже опасных ситуациях, с честью выходит из них. Порой разбушевавшаяся словесная стихия кажется избыточной: в одной фразе обнаруживается щедрая россыпь тропов; слово, похоже, ведет само себя,

грозя обрывом, обвалом вкуса, но в критический момент все спасает ирония и самоирония. Вот взгляд следит за путешествием солнечного луча вверх по высокому каменному дому, "туда, куда редко смотрим — где повис чугунный балкон на нежилой высоте, где крутая крыша, какая-то нежная решеточка, воздвигнутая прямо в утреннем небе, тающая башенка, шпиль, голуби, ангелы, — нет, я плохо вижу."

Если говорить о традиции, прослеживаемой в поэтической прозе Толстой, то первым делом, вероятно, следует вспомнить поэтику Андрея Белого и фантастические гротески экспрессионистов. Вот, например, описание зимнего рынка: "Неколебимо стоят, примерзнув к деревянным столам, последние верные слуги земли, угрюмо раскинув холодную свою подземную добычу; ибо перед лицом ежегодной смерти природа пугается, переворачивается и растет вниз головой, рождая напоследок грубые, суровые, корявые творения — черный купол редьки, чудовищный белый нерв хрена, потайные картофельные города". Среди современных "родственников" Толстой прежде всего приходит в голову Саша Соколов — допалисандрийских, пожалуй, времен. Затем — в одном из театральных журналов мне попалась на глаза мимоходом брошенная реплика известного театроведа К.Рудницкого: "О современной жизни я узнаю из рассказов Петрушевской и Толстой". Сопряжение этих двух имен удивило: на первый взгляд ничего, казалось бы, общего. Проза Петрушевской — жесткая, сурова, лаконична, "клейкие листочки" в ней не произрастают и произрасти не могут, герои ее — пьяницы, импотенты, пленники и данники чудовищного быта. На всем ее творчестве словно начертано: "Оставь надежду всяк..." И все же по некотором размышлении находишь черты сходства: это точно услышанная и мастерски переданная интонация сегодняшнего разговора, ритм современного общения с его внешней иронией и тщательно скрываемым, почти никогда не выводимым наружу подтекстом, случайного, амбивалентного, часто окрашенного смутной враждебностью.

В рассказах Толстой буквально бушует разноречивой живой сегодняшней речи. Рядом с голосом рассказчицы звучат, порой перекрывая и перехлестывая его, вплетаясь в авторскую речь, голоса героев с их собственной интонацией и словечками, создавая ощущение разноголосицы жизни, неорганизованной суматошной речи толпы.

"Нина была прекрасная, обычная женщина, врач, и, безусловно, заслужила, как и все, свое право на личное счастье", — так начинается рассказ "Поэт и муза". "Она это очень хорошо сознавала. К тридцати пяти годам после длительного периода невеселых проб и ошибок — не стоит о них говорить — она ясно поняла, что ей нужно: нужно ей безумную, сумасшедшую любовь, с рыданиями, букетами, с полуночными ожиданиями телефонного звонка, с ночными погонями на такси, с роковыми препятствиями, изменениями и прощениями, нужна такая зверина, знаете ли, страсть — черная ветреная ночь с огнями, чтобы пустяком показался классический женский подвиг — стоптать семь пар железных сапог, изломать семь железных посохов, изгрызть семь железных хлебов — и получить в награду как высший дар не золотую какую-нибудь розу, не белый пьедестал, а обгорелую спичку или автобусный, в шарик скатанный билет — крошку с пиршественного стола, где поел светлый король, избраннык сердца. Ну, естественно, очень многим женщинам нужно примерно то же самое, так что Нина была, как уже сказано, в этом смысле самая обычная женщина, прекрасная женщина, врач".

В небольшом отрывке перемешана лексика самых разнородных стилистических слоев: безликое городское просторечие, прослоенное канцеляризмами, с полным невниманием к звуку и цвету слова, с обесмысливающим столкновением противопоставленных друг другу слов, и торжественный сказ, с его веками отработанными железными клише, со всем классическим набором сказочной страсти, которые в этом соседстве приобретают иной оттенок, — и все густо приправлено иронией.

"Прекрасная, обычная женщина" Нина нашла-таки свое счастье, вышла замуж за красавца-поэта, вот только приручить его, приспособить к своим нуждам так

и не удалось. Поэт брыкался-брыкался, а потом стал чахнуть и умер. И повествование снова скатывается на скороговорку, на первый взгляд абсурдную, а по сути очень четкую, ясную и логичную, и очень страшную, за которой полная пустота, чернота, абсолютное отсутствие души: "И еще Нина говорила, что сначала очень расстраивалась из-за всего, но потом ничего, успокоилась, после того, как одна женщина, тоже очень симпатичная и у которой тоже муж умер, рассказала ей, что она, например, в общем-то, даже довольна. Дело в том, что у этой женщины двухкомнатная квартира, а она всегда хотела одну комнату оформить в русском стиле, так, чтобы посередине только стол и больше ничего, а по бокам все лавки, лавки, совсем простые, неструганые. И стены все увешаны всякими там лаптями, иконами, серпами, прялками — ну, всем таким. И вот теперь, когда у нее одна комната освободилась, эта женщина будто так и сделала, и это у нее столовая, и гости очень хвалят."

В поисках литературных родственников Толстой можно вспомнить и фразу насчет того, что все мы вышли из гоголевской шинели, только писательница ухитрилась скроить из нее два сюжетообразующих предмета: шубу и шапку. "У Сергеевой тещи в сорок восьмом году сперли каракулевую шубу" — начало одного из лучших, на мой взгляд, рассказов, "Спи спокойно, сынок". Оно звучит как фраза из дворового фольклора, как зачин мифа, который годами, на все лады перебирают досужие кумушки, сидящие верными стражами на скамейках у подъездов. На тесном пространстве небольшого рассказа разместилось четыре полноценных героя, каждый со своим выпуклым, выразительным характером. Сергеева теща, в прошлом "прелестное дитя" с выщипанными бровками, на легкомысленных каблучках, этакая номенклатурная женушка, наивная и бессердечная, ныне преподающая домоводство в школе — "уютное женское дело". Анемичная Леночка, с "акварельными глазами" и волосами-водорослями, Снегурочка-недотрога, умеющая каким-то непостижимым образом добиваться своего. Сережа — потерявший мать во время эвакуации, в горящем поезде, спасенный благодаря меховой шапке — ею сбили пламя, — выросший в детском доме, где ему придумали имя, фамилию, возраст, и всю жизнь ищущий в каждой женщине свою мать. И наконец грозное видение из прошлого — сам Павел Антоныч, оживающий в восторженных рассказах тещи да и в жутких видениях Сергея, — военный медик, "борец с чумой", "человек пожилой, сложный, скорый на решения, в гнев страшный, в работе честный". Это он когда-то прислал шубу из Германии: "большой человек, в многозвездных чинах, снял эту роскошь с крючка в немецком доме, — ему сразу понравилось, церемониться не стал. Снял — и в посылку. За наши города и села!" А в воспоминаниях бесцветной Леночки отца почти что и нет, так, детали: мартовский день, "ласковый блеск ЗИЛа", "сердитый затылок и замелькавшие за окнами голые деревья — куда-то поехали". И еще один день, в мае, день отцовского гнева, вызванного какой-то пустяковой причиной, а "на самом-то деле... просто жизнь начала поворачиваться к Пал Антонычу не лучшей стороной. И ездить уже стало не на чем". Всего несколько штрихов — но перед нами целая эпоха и несколько судеб, которые нетрудно "вычислить" с почти математической точностью. И легко предсказать, что так и останется Сергей, обретший наконец свою — не свою малосимпатичную семью, в этом чудом доме, где ему принадлежит лишь каморка, за много лет до него обжитая домработницами Паней, которая бесследно сгнула в тюрьме за неизвестно кем украденную шубу, и Клавой с розовой круглой гребенкой.

В отличие от читателя, признавшего и принявшего Толстую с ходу, советская критика оказалась не подготовленной к такой прозе. Эта критика растерялась, не зная, как подступиться к рассказам, которые никого не обличают, ничего не разоблачают, ничему не учат, не дают образцов для подражания, а всего лишь рассказывают и в совсем еще недавние времена были бы почти наверняка заклеены как асоциальные. Да и сейчас, впрочем, один из критиков вы-

сказался о них как о "сентиментальных дамских рассказах, напоминающих салонную прозу начала века", а другой, пытаясь подогнать героев Толстой под какую-нибудь рубрику, поместил их в категорию "лишних людей". Прочие признаются, что читают рассказы Толстой "с наслаждением" и тем как бы заранее отказываются от попытки критического анализа.

При всей их сомнительности, а то и некомпетентности, эти высказывания все же укладываются в рамки понятия "литературная критика". Но этим дело не ограничилось: Татьяна Толстая стала объектом ожесточенной закулисной свары, мещанского злословия на писательской кухне, которая, как мы знаем, отнюдь не блещет чистотой, в отличие от изображенной писательницей кухни коммунальной. Не было бы никакого резона вдаваться в эти дрызги, не будь они отражением куда более масштабных явлений в сегодняшней литературной жизни. В феврале 1987 года, в интервью газете "Московские новости" Татьяна Толстая назвала роман Василия Белова "Все впереди" "человеконенавистническим" (в чем я лично совершенно с нею согласна) и добавила, отвечая на вопрос, что ей больше всего претит: "Все можно простить, кроме человеконенавистничества".

Суждения писательницы вызвали бурю протестов, эпицентром которой стала русофильская компания, группирующаяся вокруг "Нашего современника", "Молодой гвардии", "Памяти" и прочих представителей этого направления. Петр Проскурин назвал высказывание Татьяны Толстой "хулиганской выходкой", а Владимир Бушин удостоил молодую писательницу целой статьи в "Нашем современнике", под названием "С высоты своего кургана". Статья снабжена пространным подзаголовком: "Несколько нравственных наблюдений в связи с одним литературным дебютом" и эпиграфом из Леонида Леонова: "Вполсилы пока работали гигантские, из мобилизационного резерва, генераторы озлобления..." (Генератор озлобления, да еще и "социально опасный", — это, стало быть, и есть Татьяна Толстая.) Задача — смешать с грязью писательницу, чей "творческий багаж легко уместится в дамском ридикюле". А ведь, сокрушается В.Бушин, "легко назвать немало талантливых писателей, десятки лет работающих в литературе, которые не удостоивались такой чести". Словно достоинства писателя измеряются высотой лет "в литературе"! При таком подходе, пожалуй, Пикуль запросто заткнет за пояс Булгакова.

Интересно, однако, что Бушин вовсе не собирается заниматься критическим исследованием прозы Толстой (якобы из опасений угодить в ретрограды). Он ограничил свою сферу "нравственных наблюдений" исключительно высказываниями писательницы в интервью, а также сообщаемыми ею фактами ее биографии, — вот уж где раздолье! В самом деле, как не придрасться к тому, что "дебютантке" выпало иметь в дедах с отцовской стороны Алексея Толстого, с материнской — Михаила Лозинского, а в бабушках — Наталию Крандиевскую. Да и прабабушка, Анастасия Крандиевская — тоже писательница. Ну до чего же не повезло человеку!

Не имеет смысла подробно пересказывать статью В.Бушина; метод, которым он пользуется, хорошо известен: вырванные из контекста цитаты, к тому же переиначенные до неузнаваемости, надуманные трактовки, наконец прямые подлоги и оскорбления. В общем, так и тянет повторить за классиком: скучно жить на этом свете, господа! И хоть брань на воротах не виснет, но вот и в Союз писателей Толстую не приняли...¹ Внутренняя свобода, независимость позиции, самостоятельность выбранного пути, незаемность метода — эти свойства редко кому помогали пробиваться в литературу. Во всяком случае, в советскую. ●

¹ По полученным нами сведениям, Московское отделение СП завершает процедуру рассмотрения вопроса о возможности приема Т.Толстой в писатели. Решение ожидается в сентябре—октябре этого года. — *Ped.*

ТЕКСТ ЖИЗНИ И ТЕКСТ ИСКУССТВА

Книга "Неустойчивое равновесие" написана человеком немалых дарований и достижений. Ее автор, Томас Венцлова, известный литовский поэт, за последние годы, став профессором Йельского университета, выдвинулся в ряд ведущих американских ученых-славистов. И хотя поэтическая стихия торжествует в книге подспудно и повсеместно, она отнюдь не соответствует нашему устоявшемуся представлению о "прозе поэта" — в том смысле, в каком мы воспринимаем, например, эссеистику Валери, Т.С.Элиота, Рильке или Мандельштама. Несмотря на то, что каждый из упомянутых поэтов занял почетное место в литературно-критическом процессе, нередко превзойдя по размаху или пронизательности профессиональных литературоведов, их писания в силу самой специфики эссе как жанра, для которого характерны философичность, интроспекция и импрессионизм, не могут претендовать на статус научного исследования. Бывали, правда, случаи, когда и поэты углублялись в специальные проблемы теоретической поэтики, использовали строгие методы исследования и соблюдали академические каноны, но это скорее исключения. В русском наследии таковы, к примеру, стиховедческие работы Брюсова и Белого, как известно, не лишены недостатков, едва ли не главный из которых — узость интересов; по своим установкам эти работы близки к задачам, позднее поставленным русскими формалистами и ранним французским структурализмом.

Книга Венцловы, едва ли не единственная в своем роде, самым счастливым образом совмещает оба начала: обширность культурно-филологических интересов, обзывающую к значительности и универсальности заключений, и ювелирно-отточенный филологический инструментарий.

На первый взгляд, это исследование выглядит как еще один пример структурного анализа, техникой которого, кстати сказать, автор владеет с исключительным совершенством. Книга состоит из восьми монографических глав, каждая глава посвящена

одному стихотворному тексту. Все это предвараено интереснейшим программным вступлением, в котором ученый рассуждает о пансемантичности поэзии и резюмирует достижения тартуской семиотической школы, к последователям которой он причисляет и себя.

Такая композиция, казалось бы, намеренно отсылает к некоторой устойчивой традиции — например, к известным работам Ю.Лотмана "Анализ поэтического текста" (1972) и Е.Эткинда "Материя стиха" (1978), во многих отношениях построенным аналогично. Венцлова обладает громадной эрудицией, как общекультурной, так и сугубо профессиональной, и дань уважения, которую он отдает своим предшественникам, скрупулезность и обилие библиографических ссылок не загромождают книгу, но даже выглядят особенно привлекательно. Было бы, однако, совершенно неверно усматривать в этой книге всего лишь очередное, пусть виртуозное, упражнение в ставшей уже обиходной методологии. Напротив, чуть ли не на каждой странице за знакомыми терминами открываются неожиданные перспективы. И, пожалуй, главнейшим достоинством автора нам представляется именно его умение методами традиционного анализа осуществлять новаторский синтез.

Отчасти это связано с соотношением того, что он именует макрочтением и микро чтением. Вопрос этот, *mutatis mutandis*, оказывается ключевым в любом гуманитарном исследовании — и в конечном счете отражает философскую проблематику "общего", "единичного" и "особенного". Действительно, конфликт обобщения, стирающего межевые знаки между явлениями, и понимания неповторимости каждого из них — трудное преодолеть. Два эти подхода можно сопоставить с восприятием произведений изобразительного искусства: на расстоянии живописное полотно выстраивается в некую целостность, при том что рассмотреть все его отдельные составляющие невозможно; при разглядывании же в упор обзрима каждая деталь, но теряется представление о целом. Необходимо очень точное осознание специфики того и другого приема и способов их сочетания, ибо они сосуществуют в противоречивом взаимодействии. "При микро чтении, — пишет Т.Венцлова, — текст рассматривается имманентно, подчеркивается его индивидуальность, неповторимость, тенденция к превращению его речи в однократный язык; при макрочтении индивидуальность текста до некоторой степени снимается, он оказывается звеном в ряду других текстов, его язык оказывается речью... возникшей на скрещении нескольких языков, нескольких семиотических систем. На уровне микро чтения рабочим понятием явится прежде всего *равнове-*

ние поэтического текста: прямые и обращенные структуры на всех уровнях предстанут в гармоническом расположении и взаимодействии. На уровне макрочтения рабочим понятием явится прежде всего *неустойчивость* текста: равновесие предстанет перед угрозой нарушения и даже исчезновения. Эта угроза — постоянная возможность и необходимость дисгармонии, диссонанса — есть один из двигателей литературной эволюции” (стр.37). Тезис о “столкновении, противоречии, стыке противоположных тенденций”, направленных как вовнутрь текста, так и вовне его, справедлив для многих уровней — фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, семантики, — что и проиллюстрировано подробным анализом восьми стихотворений русских поэтов XIX-XX вв., от Пушкина до Бродского, и в каждом случае оборачивается различными гранями и оттенками.

Первый разбор посвящен взаимоотношениям баллады Пушкина “Будрыс и его сыновья” с ее польским оригиналом — балладой Мицкевича “Три Будрыса”. Речь идет, однако, не только о “неустойчивом равновесии”, возникающем между текстами в процессе и в результате поэтического перевода, но и о своеобразном напряжении, которое существует между обоими произведениями, с одной стороны, и некоторым прототипом — с другой; этот прототип — литовская фольклорная баллада, изученная и переработанная Мицкевичем и в основных своих характеристиках интуитивно угаданная Пушкиным.

Остальные главы книги Т.Венцловы связаны с поэзией исключительно русской. Почти во всех случаях анализируется признанный и уже неоднократно изученный стихотворный шедевр. Тем более впечатляют изощренность этого материала, нетривиальность наблюдений и выводов, достойные самих произведений.

Глава, посвященная Некрасову (стихотворение “Утренняя прогулка”), затрагивает проблемы жанра в контексте самых глубоких пластов культурного творчества: в довольно непритязательном на первый взгляд стихотворном фельетоне обнаруживаются и прослеживаются отголоски напряженной взаимосвязи мениппеи и мистерии.

За этим следует захватывающий анализ загадочной пьесы Фета “Моего тот безумства желал...”, стилистическими странностями словно превосходящей поэтику модернизма. В этой субъективнейшей лирике с особенным своеобразием преломились ключевые культурно-психологические оппозиции мгновения и вечности, личного и безличного, вписавшиеся в восстановленный исследователем на основе текста сложный интимный подтекст.

Интерпретация поэтического манифеста Вячеслава Иванова “Язык” возвращает читателя к метафизике русского религиозного символизма, к драме согрязнения выразимости и невыразимости, должнствующей разрешиться в грядущей “богочеловеческой” соборности. В дополнение к сказанному автором можно указать, что “стихия светом умного огня” в последней строке первого tercета несомненно означает гераклитовский Логос, чтимый поэтом, в соответствии с его христоцентрической историософией, как провозвестник Логоса евангельского.

Следующие четыре поэты принадлежат по преимуществу эпохе модернизма. Тексты их определяют новые повороты темы “неустойчивого равновесия”. Стихотворение Пастернака “Мчались звезды...”, в коем закодирована проблематика пушкинского “Пророка”, предстает как пример выражения взаимоотношений поэта с великим предшественником, в плане ныне модной проблематики “интертекстуальности” и “обеспокоенности влиянием” (the anxiety of influence); в данном случае, однако, имеет место не “адиповское” противостояние поэтическому “предку”, но благоговейное самоотжествление с ним.

“Занавес” Цветаевой демонстрирует взаимовлияние поэтического и театрального начал, укорененных в психологии творчества и психологии эроса и направленных на преодоление разъединенности во времени и пространстве.

“Симпатические чернила” в стихотворении Ахматовой “В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...” из несуществующего цикла “Ташкентские странички” проявляются через сопоставление стержневых для поэтессы понятий “встречи” и “невстречи”, опосредствованных таинственными намерениями “судьбы”. Из “раскаленного” поэтического мифа выстраивается конкретный эпизод, относившийся к миру событий: в неустойчивое равновесие вступают текст жизни и текст искусства.

Наконец, заключительная глава, наиболее эссеистская по манере, трактует “Литовский дивертисмент” Бродского (адресатом этого цикла, кстати, является сам автор книги) как многостигливое образование, совмещающее принципы музыкального произведения с эстетикой барокко.

Наш предельно краткий обзор, вычленивший стержневую ось книги Венцловы, обманчив. Он существенно обедняет, упрощает и, может быть, даже искажает ее содержание и смысл: жалка видимость роскошного пира. Ведь сама концепция “неустойчивого равновесия” предполагает недостаточность каких бы то ни было однозначных описаний

или выводов. Богатство книги, как нам кажется, — не только и даже не столько в ее центральной идее, сколько во множестве отдельных прозрений, в остроумных сближениях, в искусном сплетении и взаимодействии малых тем и сюжетов — лингвистических, антропологических, богословских. Каждая из авторских интерпретаций осциллирует в многомерном пространстве, соприкасается с вершинами метафизики и уходит в недра психоанализа.

Язык Томаса Венцловы хотя и насыщен специальными терминами, однако в отличие от языка большинства его коллег по структурному литературоведению не только экономен и удобопонятен, но и своеобразно эlegantен: корректное изящество стиля отвечает строгости и точности авторской мысли. Язык книги афористичен, исполнен антиномий и по сути "неустойчиво уравновешен". Он богат стилизациями, иногда ироническими, реже патетическими; "пародируется" (в серьезном смысле) то некий структуралистский жаргон, то манера самих разбираемых поэтов. Так, в связи с Вячеславом Ивановым мы читаем о "свадебной встрече" "творческого духа и стихии языка", а по поводу Цветаевой — о том, что самоубийством она довела "свою Федру — себя-Федру" до ритуального, архетипического конца. Удивительно, что эта разностильность не только не режет слух, но, напротив, производит впечатление обаятельной и мастерской игры.

Наиболее существенный аспект построений Венцловы, далеко выходящий за пределы собственно эстетики, связан с его толкованием взаимоотношений поэзии и мифа, также пребывающих в состоянии неустойчивого равновесия: "поэзию невозможно вообразить вне контекста мифа и наоборот, миф в его доступных нам формах всегда дан в контексте поэзии" (стр. 40). Замечательно, что медиатором между текстами поэтическим и мифическим в ряде случаев выступает биографический текст, в диалектике "общего" и "единичного" выполняя роль "особенного". В частности, этот "особенный" текст иногда оказывается запечатленным в фонологических анаграммах. Так, ключевое имя может быть — сознательно или бессознательно — зашифровано поэтом в звуках, настойчиво и в изобилии присутствующих в стихотворении в различных сочетаниях. Адекватное прочтение таких анаграмм часто неожиданными результатами, проливающимися свет на темноты того или иного произведения, порой позволяющими даже разрешить его загадку. Примеры такой дешифровки, предложенные в книге, весьма остроумны и убедительны. Так, не вызывает сомнения правильность "вычитанного" автором в стихотворении Фета имени Марии Лазич, воз-

любленной поэта, погибшей за несколько десятилетий до того, как было написано стихотворение "Моего тот безумства желал...". Таким образом, можно считать установленным, кто именно был главным адресатом его поздней, ностальгически-танцевальной лирики.

На наш взгляд, именно рассуждения, посвященные взаимосвязи поэтического, биографического и мифического текстов (или между соответствующими уровнями единого текста) наиболее увлекательны; и это относится не только к Фету, но и к Пастернаку, Цветаевой, Ахматовой. По поводу стихотворения Ахматовой "В ту ночь мы сошли друг от друга с ума..." позволим себе добавить, что использованный поэссой "библейский подтекст" (стр. 161) с его мотивами изгнания, катабазиса, "зазеркалья" — подсказывает и невысказанный "пра-сюжет" *Иосифа*, проданного в Египет, что, в свою очередь, отсылает к подлинному имени героя и адреса стихотворения, польского военнопленного Юзефа Чапского.

Так сочетаются, образуя органический сплав, методы структурной антропологии Леви-Стросса, аналитической психологии К.-Г.Юнга и отчасти восстанавливаемого в правах эмпирического биографизма.

Не секрет, что в наши дни эстетическая мысль переживает кризис, и это не могло не отразиться на состоянии науки о литературе. Обвиненный — и увя, не без оснований — в догматической жесткости, классический структурализм дал толчок к возникновению направлений, хоть и связанных с ним интимными узами, но ему противоположных по изначальной пафосу и впавших в другую крайность. Некогда утвержденному тезису принципиальной познаваемости внутренних закономерностей всякого культурного феномена ныне противостоит солипстический взгляд, согласно которому феномен этот обладает реальностью лишь в пределах индивидуального сознания и, значит, не подлежит и не может подлежать объективной оценке. Возникает порочный круг, неизбежный и грустный удел любого философского релятивизма, известный еще греческим скептикам: мысль об относительности чего бы то ни было относительно сама по себе, что приводит к дурной бесконечности в поисках абсолюта, которого по определению не может быть.

Вероятно, и это обстоятельство, в числе прочих, способствовало тому, что представители так называемой "деконструкционистской" школы в литературоведении, вдохновленные идеями французского феноменолога Жака Деррида, прониклись парадоксальной верой в неоспоримость литературных и художественных достоинств своих научно-критических сочинений по причине самой, ими при-

меняемой, интеллектуальной процедуры. Вера эта лишена, по нашему мнению, каких бы то ни было оснований: писания "деконструкционистов" являют собой какие-то идейно-терминологические джунгли, и в сравнении с ними "Критика чистого разума" предстает образцом легкого чтения, а "Поминки по Финнегану" выглядят вполне удобочитаемым академическим трактатом. Так претензии "духа науки" на созидательное участие в собственно художественном процессе привели, в лучшем случае, к культурно-историческому курьезу, и неудивительно, что в последнее время все это направление, с его пропагандой умственного произвола, стремительно выходит из моды.

На этом фоне "разброда и шатаний" появление книги Томаса Венцловы особенно отрадно. Не только тем, что она доказывает, до какой степени плодотворен и жизнеспособен, особенно в его благородном, "гумани-

стическом" варианте, казалось бы, едва не похороненный структурализм, — даже при наличии справедливых к нему претензий. Но и тем, что изыскания автора книги "Неустойчивое равновесие" реализуют творческое усилие, обратное устремлениям поклонников "деконструкций".

"Дух поэзии" доказал свою способность оперировать строгими понятиями спекулятивного знания, не теряя ни грана присущего ему воображения. В полном соответствии с изложенными им самим тезисами Томас Венцлова осуществил "медиацию" между великими современными мифами — "науки" и "искусства" — посредством собственного "биографического текста", представ перед нами равно выдающимся филологом и поэтом.

Василий Рудич

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТ "А" ДО "Я"

Уже название этой книги должно заставить задуматься русского и тем более советского читателя: речь идет не о литературе "у них" или "у нас", но о единой литературе русского языка. Дело не только в том, что литературное творчество трех поколений русских эмигрантов, рассеявшихся по всем континентам, за немногими исключениями игнорируется или, по крайней мере, всячески принижается официальным литературоведением в СССР, а русские книги, издаваемые за рубежом, если и распространяются в Советском Союзе, то лишь в обход официальных каналов. Многие из нас, живущих и работающих за пределами отечества, задают себе вопрос: принадлежат ли они еще к тамашней литературе или правильной говорить о двух русских литературах?

Автор "Энциклопедического словаря русской литературы с 1917 года", крупнейший немецкий славист профессор Вольфганг Казак отвечает на этот вопрос своей книгой. Убедительней каких бы то ни было рассуждений словарь доказывает единство нашей литературы, которую не в состоянии расколоть режим культурной изоляции и преследования, заставившие писателей расстаться с родиной,

Мы давно ждали эту книгу. "Энциклопедический словарь..." представляет собой русский перевод немецкого издания 1976 года (W.Kasack, Lexikon der russischen Literatur ab 1917, Alfr.Kröner Verlag Stuttgart). В 1986 г. это немецкое издание было дополнено (W.Kasack, Lexikon d.russ. Literatur ab 1917. Ergänzungsband. München, Verl. Otto Sagner). Русское издание словаря подготовлено с учетом дополнительного тома. Оно включает 87 предметных статей и 619 статей о писателях — прозаиках, поэтах и драматургах (критики, литературоведы, вообще представители "нехудожественной" литературы, если они не проявили себя и как писатели, согласно плану издания, остались за его пределами). Словарь отражает состояние художественной литературы примерно до 1986 г. Последние два года, однако, ознаменовались бурными событиями в культурной жизни СССР, в большой степени обусловленными ослаблением цензурно-полицейского гнета. Это вызвало необходимость снабдить словарь заключительной статьей "Дополнения по поводу перестройки в СССР", где читатель найдет обзор всех или почти всех сколь угодно значительных новинок последнего периода.

Все статьи о писателях построены по единому плану: основные факты биографии, обзор главнейших произведений, характеристика творчества в целом, библиография (список опубликованного писателем и основные критические работы о нем). Одна из труднейших проблем, стоящих перед лексикографом, — отбор имен. В предисловии автор оговаривается, что наряду с "бесспорными" писателями, оказавшими заметное влияние на литературный процесс, он вклю-

Вольфганг Казак (Wolfgang Kasack). Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Перевели с немецкого Елена Варгафтик и Игорь Бурхин. London, Overseas Publications Interchange Ltd 1988.

чил в словарь и тех, чье высокое положение в советской литературной табели о рангах – результат идеологических и административных заслуг; таким образом, сюда вошли все или почти все лауреаты премий, писатели, включенные в школьные программы, в разного рода "обоймы" и проч., несмотря на то, что реальная ценность их сочинений близка к нулю. Поэтому не следует удивляться, видя в словаре относительно обширные статьи о Г.Маркове, М.Алексееве, П.Проскурине, Н.Грибачеве и т.п. Включение писателей-функционеров оправдано стремлением составителя отразить в словаре важнейшую особенность литературной жизни в Советском Союзе – государственный характер литературы.

Мы подошли к наиболее трудному и даже щекотливому вопросу об оценках. Задача всякого справочника – объективная систематизация фактов, однако в литературном словаре труднее, чем где-либо, отделить информационную часть от оценочной, от критериев и суждений, тем более спорных, что речь в данном случае идет о новейшей литературе. Сложность задачи, стоявшей перед автором "Энциклопедического словаря", состояла еще и в том, что он должен был внести существенный корректив в искаженную картину русской литературы, созданную официальным литературоведением, не впадая при этом в полемическую односторонность. С этой задачей В.Казак справился блестяще.

Достаточно полистать тома "Краткой литературной энциклопедии", вышедшей в Москве в 1962–1978 годах, чтобы понять, что мы имеем в виду. В этой солидной, написанной коллективом видных специалистов и, вообще говоря, очень интересной энциклопедии статья о генеральном секретаре Союза писателей СССР Георгии Маркове примерно такого же объема, как и статья о Роберте Музиле. Статья о канонизированном классике советской литературы А.Серрафимовиче занимает полторы страницы – раз в восемь больше, чем заметка о Михаиле Булгакове, который даже не удостоен портрета. Романи-

сту и доносчику В.Кожевникову, виновному в конфискации органами государственной безопасности романа В.Гроссмана "Жизнь и судьба", уделено больше места, чем Владимиру Набокову, вдобавок охарактеризованному с нескрываемой неприязнью. Имена Иосифа Бродского, Александра Солженицына, Владимира Войновича в этой энциклопедии вообще отсутствуют, биографии авторов, погибших в заключении, тщательно ретушированы, нет никаких упоминаний о Главлите, нет статей о русской литературе за рубежом и так далее.

Словарь Вольфганга Казака заполняет белые пятна, которых немало на карте русской литературы, какой она все еще выглядит в СССР. Укажем, в частности, на такие статьи, как "ГУЛга и литература", "Партийность", "Реабилитация", "Самиздат", "Тамиздат", "Цензура", "Эмиграция", статьи о зарубежных русских литературных журналах, многочисленные биографические статьи о писателях всех трех волн русского рассеяния. Насыщенные богатейшим фактическим материалом, они представляют собой в своей совокупности уникальный корпус данных, впервые ставших доступными русскому читателю. Однако и в части, касающейся писателей, известных в СССР, словарь содержит много новых подробностей, не говоря уже о совершенно независимой расстановке акцентов. Суждения составителя удачно соединяют традиционный для русской литературной критики историко-социологический подход с эстетическим; его оценки точны, лаконичны, сдержанны, а иногда и безжалостны.

"Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года", плод долголетнего труда, объем которого в состоянии оценить лишь тот, кто сам когда-либо занимался подобной работой, – не только ценное справочное пособие. без которого не сможет теперь обойтись ни один специалист, но и увлекательная книга, которую мы охотно рекомендуем всем, кто интересуется нашей литературой, кому не чуждо русское слово.

Б.Х.

ЛОГИКА ВООБРАЖЕНИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ СВОБОДЫ

Книга Голосовкера поражает. Откроем ее наугад: "Задача мыслителя – дать цель бытию". И если не вся суть высказывания, то по крайней мере масштаб сочинения становится ясен, словно автор вещает с высокой горы, царственно прерывая наши буднично-филологические беседы об акцентах, флексиях, генетической и типологической общности и бинарных оппозициях... Ибо

главное в "Логике мифа" – все-таки не филология, а понимание того, что есть дух и – что он есть,

Об этом и написан трактат Якова Голосовкера, вдохновенный, как сага, и носящий неудобнопроизносимое геллертерское название "Имагинативный абсолют". В настоящем издании так озаглавлен лишь второй раздел книги, составленный из коротких фрагментов вводной части, а то, что, по замыслу автора, служило второй частью – "Логика античного мифа", – вынесено вперед и имеет вид независимого сочинения, так же как помещенное между первым и вторым разделом эссе "Лирика – трагедия – музей и

площадь". В действительности все это – компоненты одного огромного труда. Третья часть, "Имагинативная эстетика", вообще не вошла в настоящее издание. Название "Логика мифа" дано редакцией.

Эта книга, цельная и замкнутая в себе, представляет собой исследование и описание творческого мышления человека; цель ее – доказать присутствие в человеке высшего духовного начала, творящего культуру, и утвердить бессмертие культуры. Грандиозная задача осложняется стремлением автора *вывести* дух, так сказать, логически или позитивистски, а не принять его, как данный Богом. Не следует видеть в этом уступку господствующей идеологии. Голосовкер не только не был приспособленцем, но в своих писаниях весьма откровенно бросал вызов власти. (Не только в вышедших в 1955 и 1957 гг. "Сказаниях о титанах", которые все же принадлежат художественной литературе, но и в "Логике античного мифа" он так безоглядно становится на сторону поверженных титанов, так яростно обличает небожителей и самого Зевса, что не требуется особой догадливости, чтобы заметить усатую тень, которую отбрасывает этот мраморный громовержец.) Не конформизм, но вполне искренняя вера в то, что "мысль есть тоже природа", заставляли его искать "естественные" источники духа.

И он нашел. Призвав на помощь физиологию и психоанализ, он прослеживает психические процессы в человеке, анализирует собственную мысль, и оказывается, что дух – это *высший инстинкт*, "данный человеку от природы, наряду с низшими – вегетативным и сексуальным", такой же живучий и неустранимый, как они.

Сегодня мы вправе сказать: человеку присущ инстинкт культуры. Инстинктивно в нем прежде всего стремление, побуд-к-культуре, к ее созданию. Этот инстинкт выработался в нем в высшую творческую духовную силу. Это и есть то, что мы называем "дух". Спиритуалистическая философия приняла этот "дух" за особую субстанцию...

Как проявление и как смысл он есть жизненный побуд к бессмертию и к его ипостасям – постоянству и всему абсолютному, без чего невозможна культура.

Понятие "абсолют" здесь заместитель смысла слова "бессмертие". Абсолют есть его символ. Здесь смысл как идеал биологического, жизненного бессмертия перевоплотился в смысл бессмертия культурного, символического. Здесь "бессмертие природы" перевоплотилось в "бессмертие культуры".

Непосредственное и исторически первое проявление этого инстинкта Голосовкер видит в несогласии человека со смертью:

Убегая от смерти, не понимая ее, и чем дальше, тем все сосредоточенней, мучительней и трагичней мыслью о ней, и тем самым все более не понимая ее (ибо никакая наука не поняла смер-

ти и не примирила с нею мысль; ибо смерть делает мысль бессмыслицей, знание бессмысленным и нет для мысли со смертью примирения), человек, борясь за существование, за свою жизнь, за свою мысль, устремлялся к вечной жизни, к бессмертию. Иначе он не мог, иначе мысль не могла. Он жизнь не выдержал бы без мысли о вечной жизни.

Воля к бессмертию – первоначальный духовный инстинкт, создавший *воображаемую* действительность, вечную, неизменную, истинную – то есть культуру.

Так жизненный стимул-инстинкт превратился в стимул высшего культурного творчества. Так идея биологического бессмертия превратилась в идею бессмертия культурного. Свою деятельность как проявление абсолюта высший инстинкт осуществляет через имагинацию – воображение. Отсюда его наименование: имагинативный абсолют.

Именно в воображении ("имагинации") Голосовкер видит высшую духовную способность человека; воображение есть "деятельность одновременно и творческая, и познавательная". Сюда он и помещает свой "абсолют" – духовный инстинкт. Что ж, против существования воображения не возразит ни один материалист.

Приходится еще, и еще, и еще раз повторить: дух есть высший инстинкт. Он живет реально в нашем воображении. Он проявляется через воображение. Его критерии абсолютны. Он есть. Он есть имагинативный абсолют. Он создал культуру. Он и есть культура. Кто пренебрегает им, тот отрицает культуру.

Почему воображению отводится такая огромная роль? По Голосовкеру, два принципа бытия суть вместе с тем и законы соотношения природы и культуры: природа – это "постоянство в изменчивости", культура – "изменчивость в постоянстве". Постоянство – это принцип культуры, между тем как в природе постоянства нет. Постоянство изобретено, создано воображением человека, а не найдено, как эмпирическая данность. Так же как абсолют, идеал не существует в природе, но обретает все права на существование в культуре как ее неперемное условие. Таким образом, культура оказывается в буквальном смысле слова плодом воображения, "имагинативной реальностью". "Гений – это воображение". Что же творит гений? Идеи и образы. Постичь имагинативный абсолют или, проще говоря, понять, каким образом человек продуцирует культуру, как пчела – воск, удобнее всего, исследуя деятельность воображения там, где оно наиболее свободно и первично. А это немедленно приводит нас к мифу, так как мифотворчество, будучи одновременно и первым искусством, и первым знанием (тут Голосовкер очень близко подходит к Леви-Строссу с его пониманием мифа как примитивной гносеологии), пре-

доставляет воображению широчайшее поле деятельности.

Воображение создает миф. Но что такое миф? Мифы, отвечает Голосовкер, — "это идеи истин и предвстия грядущего". Причем эти идеи живут (подобно архетипам Юнга) только в образах, ярких, жизненных, почти осязаемых: для эллинов "эстетика была онтологией".

Итак, воображение сотворило мифическую имагинативную реальность, мир чудес, управляемый законами, которые тождественны законам культуры вообще. В "Логике античного мифа" Голосовкер последовательно вводит и описывает эти законы, что и составляет "эвристическую ценность его труда", как пишет редактор. Некоторые из них, впрочем, отнюдь не новость для того, кто любит мифы и сказки, Автор формулирует их следующим образом.

Миф играет произвольно всеми категориями, по общему закону метаморфозы — основному в мифах: *временем* (Зевс задерживает на три дня восход солнца, чтобы наслаждаться любовью Алкмены), *пространством* (Афина внезапно оказывается за спиной Ахилла, которому она покровительствует), категорией *количества* (Геракл сражается с гигантами, которые больше гор, в волшебном мешочке Персея помещаются как величины одного порядка зерно и гора), *качеством* (хлеб, которого касается Мидас, превращается в золото). Несколько менее очевидны другие законы мифа, выделенные Голосовкером, например, *закон неисключенного третьего*. Миф отвергает дилемму "или-или". Ахилл одновременно и мертв, — поэтому он находится в Аиде, — и жив (то есть бессмертен) и потому пребывает на островах Блаженных, где празднует свадьбу с Еленой.

Мифологическое мышление игнорирует закон причинно-следственной связи. Взамен автор книги "Логика мифа" вводит (сопровождая их тонкими и интересными рассуждениями) несколько своеобразных квазилогических закономерностей. Вместо причинности действуют: а) правило абсолютности желания, которое "управляет миром чудесного, как источник всех причин, всех действий, всех чудес". Боги неуязвимы, но Диомед под стенами Трои ранит самого Арея; б) овеществление образа и понятия. Афина (мудрость) рождается из головы Зевса, так как он проглотил беременную от него Метиду (мысль). Мудрости подобает, конечно, родиться из мужской головы, но миф столь конкретен, что призывает повивальную бабку — Прометея, который молотом пробивает череп Зевса, чтобы Афина явилась на свет; в) предопределение как причинность. В мифе все абсолютно. Стрелы Геракла всегда попадают в цель. Никто не в силах разгадать загадку Сфинкса. Когда Эдип все же разгадывает ее, Сфинкс бросается в море и исчезает навсегда. Не абсолютна только свобода мифического героя. Тайнственный закон управляет его жизнью. Предопределение

("античный рок") известно герою заранее. Вместе с тем он ведет себя так, как будто он абсолютно свободен. Но это мнимая свобода. Ахилл знает, что когда он убьет Гектора, настанет и его черед. Он убивает Гектора, чтобы погибнуть вслед за ним.

Последний закон ярко воплощен в образе Прометея, титана-богоборца. За этим образом, однако, стоит целая система идей (и рок, и борьба с ним, и сложнейшие отношения титана с богами и людьми). По терминологии Голосовкера, это "мыслеобраз".

Опираясь на образы как на представления, мы обычно рассматриваем воображение как способность создавать образы и оперировать ими, отводя воображению место в психологии. Но мы забываем при этом, что высшая деятельность воображения протекает в области "идей" и что образ есть не только представление, но также и смысл, и иногда только смысл, и что представимость образа является часто только кажущейся. Нередко мы только понимаем образ, а не представляем его себе.

Идеи суть мыслеобразы — внутренние образы воображения.

Раскрытию нескольких важных мыслеобразов мифа посвящена наиболее интересная часть труда Я. Голосовкера: "Движение мифологического образа". На примере мыслеобразов "зрение" и "голод" показано, как образ в мифе движется по кривой смысла, через различные варианты одного и того же мифа и через разные мифы с близким сюжетом, до полного исчерпания темы. К примеру, зрение вначале выступает в виде конкретного физического органа (глаз Киклопа), далее глаз становится "внутренним зрением" (Линкей), затем ясновидение сочетается с внешней слепотой (Тиресий), затем внешняя слепота переходит во внутреннюю — в "безумие" (обезумевший Геракл). И наконец, два полюса: в свевидение (Гелий-солнце) и полная слепота (Эльпида-надежда). Смысловый круг замкнулся. Так *закономерно* совершается в мифе причудливая игра метаморфоз. "В мире чудесного нет нелепого — в нем все лепо".

Легко заметить, что подход Я. Голосовкера к описанию структуры образа и смысла в мифе внейсторичен. Рассматриваются одновременно все варианты мифа независимо от времени их возникновения. Тем не менее историзм отнюдь не был чужд Голосовкеру. Эту "Лирика — трагедия — музей и площадь" посвящен как раз историческому исследованию мыслеобразов "оргазм" и "число" в их "драматической диалектике". Архаический оргазм доклассической поры гармонизован в эпоху расцвета культуры числом. Эти начала борются, они уравновешивают друг друга. Позже, с наступлением эллинизма (конец IV—III вв. до н.э.), число побеждает. И торжество "голоного числа" приводит в Александрии к полному распаду былого единства на

новый оргазм и чисто механическую множественность.

Так стала тема оргазма началом и завершением эллинской культуры, сопровождаемая на всем пути эволюцией и метаморфозой смысла темы числа. И пока музей стоял — было ли то в Александрии египетской, или Антиохии, или в Пергаме, — повсюду среди многоязычного клочка площади металась полуслепая, расклоченная великая идея вселенства — идея политического и религиозного объединения человечества в одно целое. И две руки протянулись за ней под порохом анакреонтических песенок и психей: рука Рима и рука христианства.

Неожиданная близость идей Голосовкера к некоторым мыслям К.Левин-Стросса, О.М.Фрейдена и даже В.И.Вернадского (как и очевидное влияние Шеллинга и Гельдерлина) несколько не уменьшает оригинальности, смелости, новизны его книги. То, что автор запросто беседует с ранними немецкими романтиками, оживает их идеи, подобно тому как герои романа "Братья Карамазовы" вдохнули неожиданно-новую жизнь в построения Канта (см. ставшую теперь знаменитой работу Я.Голосовкера "Достоевский и Кант", Москва 1963), делает самого Голосовкера причудливо архаичным, как бывают архаичны некоторые самые смелые произведения современного искусства.

Жизнь в культуре, самопожертвование во имя культуры, наконец, откровенно фантастическое, но трогательное обожевление культуры (вне религии, самой по себе), которая наделяется атрибутами бессмертия, *независимого* от человека, сочетается у Голосовкера с яростным и глубоким неприятием цивилизации XX века в обоих его ликах — зверином и механическом.

Утрата веры в воображение... угрожает заменой культуры техникой цивилизации, прикрываемой великими лозунгами человеческого оптимизма и самодовольства, а также сопровождающей эту цивилизацию великой суетой в пустоте, за которой неминуемо следует ощущение бессмысленности существования со всеми вытекающими отсюда последствиями: усталостью, поисками опьянения, скрытым страхом, нравственным безразличием и прочими продуктами цинизма и свирепости. Тогда воображение замещается фантазией, иногда весьма темной, полной коварных прихотей и суеверия, открывая поле то для фанатизма и господства и извращения низших инстинктов, то для полного погружения в нирвану гедонизма или пышного самодовольства.

Эти слова странно напоминают заключительный абзац последней из "Лекций по античному фольклору" Ольги Фрейдена: "Им нужна такая теория, которая оправдывала бы их терпение и косяк. Это нужно им, чтобы не терять права страдания, но нужно и тем нескольким, которые торгуют с барышом патриотизмом, пра-

вовыми институтами, укладом жизни, формами и идеями наук и искусств.

Солнце, бедный тотем, показывается людям за несколько оболов только на пляже".

Все, что мы сказали, конечно, не означает, что книга Голосовкера свободна от недостатков, что все в ней *верно* (хотя неясно, в какой мере можно применить к ней это слово). Вопреки стараниям автора, остается все же непонятным, чем вера в то, что дух — это врожденный инстинкт, лучше и "научней", чем вера в то, что дух вложен в нас Богом. Трудно согласиться и с категорическим утверждением безраздельного господства воображения в искусстве. "Художник творит лишь силой воображения". Конечно, у этого тезиса всегда было много сторонников. И все же есть другая, не менее древняя, не менее почтенная точка зрения, которая несколько прямолинейно выражена словами: "Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!" Под ними подписался бы и Платон, и Данте, которому весь Рай продиктовала Беатриче, а совсем недавно Иосиф Бродский напомнил нам (в нобелевской лекции), что поэт пишет под диктовку языка. Эта точка зрения не оставляет места для произвола и своеволия воображения, хотя ценит его как один из самых, быть может, могучих *инструментов* творчества.

Своеволие и произвол не бранные слова для Голосовкера. Это потому, что они родственны слову "воля". И то, *как* он отстаивает свободу, подлинную свободу, с лихвой искупает его пристрастие к волюнтаризму воображения. С нескрываемой брезгливостью пишет он о "свободе как осознанной необходимости":

[Эта формула] помимо своего рационализма, против которого восстанут все инстинкты человека, есть такое же негативное определение свободы, как и жизненное определение свободы в смысле "отсутствия препятствия" и других подобных дефиниций, которые достаточно подробно разобрал Шопенгауэр. Свобода как осознанная необходимость есть, кроме того, стоическая покорность, а никак не свобода. Это есть освобождение человеческой мысли от самой проблемы "свободы". Тем не менее мысль ставит эту проблему и ставит ее со всей неукротимостью даже тогда, когда в ее обиходе имеется вышеуказанная пессимистическая формула "свобода как осознанная необходимость".

Поразительно, что это пишется в 1936 году. Поразительно, что это написано о непрекращаемом марксистском догмате. И совсем уже небывалой ересью звучат слова Якова Голосовкера о *необходимости свободы*:

Неверно, что только раб стремится к свободе, что свобода есть мятежное требование слепого в своей ярости раба. Свобода есть условие для творческого существования мысли.

Анна Великанова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

В № 3 вашего журнала удивила меня заметка Е.Эткинда о положении французских детей – в э-рее, сопоставление Франции с Советским Союзом. Неужели он никогда не слышал о том, что в СССР творится в детских домах, о детях, битых и убитых родителями? В Баку, где мы жили, на верхнем этаже помещалась одна, внешне вполне благополучная семья. Так вот жена, кандидат сельскохозяйственных наук, порола детей регулярно. В школе у сына учительница была детей линейкой.

Глубокие обобщения автора насчет "утраты моральных норм" на Западе прямо-таки просятся в "Литературную газету". Очень трудно многим из нас дается выдавливание советских стереотипов.

Г.Буяновский
(Миссури, США)

Уважаемый редактор!

Меня разочаровала помещенная в вашем журнале статья С.Лезова "Новый Завет и Голокауст" (№ 1/43, 1988). Прежде всего в ней отсутствует определение понятий, совершенно необходимое, если мы не хотим, чтобы исказилась истина, историческая действительность. Определить исходные понятия следовало и для того, чтобы сохранить возможность дальнейшего разговора на эту тему.

Заглавие статьи, мне кажется, не соответствует ее содержанию. Новый Завет не соотносен с Церковью. О какой конкретно церкви идет речь в статье С.Лезова? О каком времени? И, наконец, что подразумевает автор под словом "христиане"? Как известно, это не однородная общность, и решающие различия обусловлены именно отношением разных групп и в разное время к Библии, к ее обеим частям. Библейский христианин (если можно так назвать человека, принимающего и признающего Библию как слово Божье и соответственно определяющего свое поведение) не может не любить евреев как конкретных людей и народ еврейский в целом. Многие и многие доказали это своей жизнью; достаточно назвать пастора Дитриха Бонгеффера, патера Максимилиана Кольбе, мать Марию, сестру Корри тен Боом, голландцев, помогавших семье Франк, профессора Курта Губера и членов созданной им студенческой организации сопротивления "Белая роза" в Мюнхенском университете.

Выражение, употребляемое С.Лезовым, "христианский антииудаизм", представляет собой *contradictio in adjective*¹. Я протестую против такого понятия, если не ставить слово "христианский" в кавычки. Конечно, люди, считавшие себя представителями христианских церквей, совершили в прошлом много дикого и страшного, о чем я могу только глубоко печалиться. Но если держаться именно Евангелия, то ясно, что это были за "христиане". Церковь, учившая, что евреи "отвергли и убили Христа", не руководствовалась Новым Заветом. На с, по крайней мере, учили (и об этом мы пели гимны), что в казни Христа повинен лично я, что Его смерть на кресте есть мое наказание; за меня Он добровольно принял муки, за всех нас, дабы всякий, принимающий эту заместительную смерть, удостоился жизни вечной. В этом и состоит суть христианской веры. А н т и с е м и т и з м не связан со смысловым центром Евангелия. Перечитайте Послание к Римлянам. Или Послание к Евреям.

Что касается статьи Х.Маккоби "Истоки антисемитизма" (предисловием к которой служит статья Лезова), то я хотела бы, пользуясь случаем, сделать одно маленькое филологическое замечание. В статье Маккоби цитируется фраза о том, что Евангелие от Иоанна – "самая антиеврейская книга в Новом Завете". На чем основаны такие высказывания? На ошибке переводчиков, которая прямо-таки увековечилась: слово *Ἰουδαῖοι*, означавшее отнюдь не только евреев, но и жителей Иудеи вообще, а также "истеблишмент" в столице Иудеи Иерусалиме, во всех случаях переведено: евреи. Отсюда возникают бесчисленные недоразумения, порой даже бессмыслица.

Ханни Тарсис-Дорман
(Гюмлинген, Швейцария)

¹ Словосочетание, в котором определение противоречит определяемому (лат.). – *Ред.*

ПОПРАВКА

В № 3 (45), в статье А.Великановой "Дороже всех святых" на стр. 81–82 по вине редактора допущена опечатка. Следует читать: "Учение Вл.Соловьева о Всеединстве и Богочеловечестве, практически непригодное для построения общины из-за своей отвлеченности, безусловно содержит предпосылки для построения христианского гуманизма."

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся Славян?
Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека;
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они расскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

К.Ф.Рылеев. "Гражданин" (1825 г.)

НЕФОРМАЛЫ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ